ТАДЖИКСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Н. А. КИСЛЯКОВ

EB_1941_AKS_215

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КАРАТЕГИНА

К ИСТОРИИ ТАДЖИКИСТАНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ТАДЖИКСКОЙ ССР
Сталинабад · 1941 · Ленинград

Памяти
Алексея Павловича Федченко
и Василия Федоровича Ошанина —
первых русских исследователей
страны таджиков
посвящаю свой труд

Источники

Настоящая работа написана на основании двоякого рода материалов: 1) устных сообщений разных лиц, собранных автором во время поездки в Каратегин, предпринятой летом 1936 г. по поручению Таджикистанской базы Акад. Наук СССР, и 2) письменных источников.

Позволю себе дать здесь краткую характеристику тех и других.

Районом сбора устных сообщений явился средний Каратегин, т. е. местности, расположенные по течению р. Сурхоба, между селением Хаит и устьем р. Сорбух, а также долины рек Сорбуха и Камароу. Таким образом, сборы материалов производились как в самом центре Каратегина — городе Гарме и его окрестностях, так и на территории ближайших к нему бывших дореволюционных административных единиц — амлокдорствах Шингличском, Хаитском и Калаи-ляби-обском и миразорствах — Яхакпастско-Булькосском, Хостском и так называемом «афтобру».

Сведения собирались от местных жителей. Среди них, главным образом, были пожилые люди, часто 80—90-летние старики, непосредственные очевидцы таких событий, как приход в Каратегин кулябского полководца Сара-бека в 1869 г. или последовавший затем захват страны коканд-

цами; но иногда рассказчиками являлись и люди среднего возраста, помнившие лишь последних каратегинских миров. Большинство из указанных лиц, будучи неграмотными, рассказывали те или другие события по памяти, но некоторые из них оказались людьми грамотными, ведущими из года в год запись различных событий.

Рассказы отдельных лиц неоднократно проверялись в других местах, до тех пор пока согласные показания многих не давали уверенности, что данные события можно считать достоверными. Иногда сообщения записывались одновременно от группы лиц в 10—15 человек, дополнявших и уточнявших один другого.

Во всех тех случаях, когда достоверность того или другого сообщения вызывает некоторое сомнение, я везде в тексте отмечаю это выражением «повидимому», «вероятно» и т. п. или же указываю, от кого известие об этом событии было записано, причем, естественно, что чем большее число лиц подтверждает ту или другую версию, тем более достоверный характер получает рассказ.

Не считая вышеуказанных коллективных расспросов, мною произведены записи от 58 различных рассказчиков, причем с некоторыми из них удалось работать в течение 2—3 дней.

Полагая, что приведение здесь имен всех этих рассказчиков загромоздило бы работу, укажу лишь главнейших из них, давших основной и наиболее обильный материал по истории Каратегина.

Лицами, доставившими сведения по истории последних каратегинских ша, являются: Шокир-бой Косим (92 лет, Гарм), Сеид Ходжа Амин (79 лет, Халкарф), Сайфутдин Бадаль (95 лет, Хаит), Холь Азим (83 лет, Хиссорак), Юнус Раджаб (81 года, Яхак-паст), Иофтулло Одина (80 лет, Хазор-чашма), Мусофир Ватан (91 года, Оталион), отчасти Зайнутдин Амон (75 лет, Яхак-паст) и Умар Фозиль (78 лет, Калаи-ляби-об). По истории Кара-

тегинского бекства наиболее существенные материалы записаны от Зайнутдина Амона, затем от Давлятбека Рахима (68 лет, Бедак) и Давлятманда Рахима (70 лет, Бедак), Сеид Ходжа Амина, Малика Одина (71 года, Шинглич), Надира Толиба (67 лет, Хаит) и Умара Фозиля.

По вопросу о дореволюционном социальном строе Каратегина материал собирался у очень большого количества лиц; здесь укажу лишь следующих: Зайнутдин Амон, Иофтулло Одина, Забир Кабир (50 лет, Кызыло), Давлятманд Рахим, Сеид Ходжа Амин, Малик Одина, Махмаджон Холь (73 лет, Каврак), Атаулло Хольмурод (87 лет, Каврак), Гадои Кабир (70 лет, Нухбоги-та), Умар Фозиль.

Что касается письменных источников, то они почти всегда указаны в тексте. Поэтому остановлюсь здесь лишь на отдельных, связанных с ними моментах. Я постарался собрать все сколько-нибудь интересные и важные для данной работы письменные материалы, которые удалось найти в библиотеках Ленинграда. Среди них есть и рукописные сочинения кокандских историков, любезно указанные мне Павлом Петровичем Ивановым, научным сотрудником Института Востоковедения Акад. Наук СССР, которому, таким образом, я обязан большей полнотой данной работы. Впрочем, судить о том, насколько полно использованы мною все источники по истории Каратегина, — дело критики.

Работ, специально посвященных Каратегину, имеется очень ограниченное количество, причем все они носят, главным образом, характер географического и статистико-экономического описания. Из них статьи К. А. Абрамова «Записка о каратегинском владении» и Г. А. Арандаренко «Каратегин», составленные по расспросным сведениям (см. ниже), посвящены описанию Каратегина эпохи последних независимых ша, в то время как работы: В. Ф. Ошанина «Каратегин и Дарваз», Г. А. Арандаренко «Дарваз и Каратегин» и Васильева «Краткое статистическое описание

Каратегина», составлены вскоре после присоединения страны к Бухаре. Каратегину же посвящена значительная часть книги А. Е. Снесарева «Восточная Бухара» (начало XX в.), а также ряд страниц работы А. П. Федченко «В Кокандском ханстве» (1871 г.); краткую сводку материалов о Каратегине (далеко не полную) сделал акад. В. В. Бартольд в статье в «Энциклопедии Ислама» (см. слово Karategin). Все остальное — это преимущественно отдельные заметки и отрывочные сведения различных путешественников и исследователей, главным образом, конечно, русских. Некоторые материалы по истории Каратегина находятся в газете «Туркестанские Ведомости». Источниками по истории Каратегина с начала XIX в. и до момента завоевания русскими Туркестана являются вышеуказанные кокандские историки, а также рассказы отдельных лиц, проникавших в это время в Коканд из России и составлявших впоследствии описания Кокандского ханства, в которых мы находим также некоторые сведения относительно интересующей нас страны. Что же касается еще более отдаленного периода, то здесь мною собраны упоминания о Каратегине, которые можно найти у китайцев, арабских географов и средневековых и более поздних историков. Все эти упоминания более или менее известны в научной литературе и не раз цитировались русскими и западноевропейскими учеными (например, описание течения Вахша, принадлежащее ибн Русте, путь в Китай, отмеченный Птоломеем, и т. п.).

Совершенно очевидно, что удельный вес обеих групп материалов (устных сведений и письменных источников) значительно варьирует в отдельных главах настоящей работы.

«Введение» написано в значительной степени на основании личных наблюдений автора и устных материалов, собранных на месте. Глава «Сведения и предания об отдаленном прошлом Каратегина» не требует особой

характеристики. Естественно, что в первой ее части роль устных сведений и наблюдений автора равна нулю. Самая глава носит скорее всего справочный характер, с подробным указанием соответствующих письменных источников. Только заключительная ее часть построена, главным образом, на устных преданиях. Следующие две главы — «Каратегин под властью последних ша» и «Каратегинское бекство» — базируются на обоего рода источниках, причем обильное количество письменных материалов в первой из этих глав сменяется скудостью их во второй, где на первый план выдвигаются устные сообщения. Причины этого явления указываются в начале главы «Каратегинское бекство». Наконец, в последней главе — «Социальный строй» — превалируют устные сообщения. Здесь приходится только удивляться, какие скудные и вместе с тем противоречивые материалы имелись до сего времени по вопросу социального устройства не только дореволюционного Каратегина, но и других районов Средней Азии.

Как правило, в написании терминов и имен собственных я придерживаюсь местного произношения.

Фотографии (1—18) взяты из коллекции С. М. Дудина, хранящейся в Государственном Музее Этнографии в Ленинграде.

I. Введение

Под именем Каратегина известна горная страна, находящаяся в пределах Таджикской ССР и занимающая долину среднего течения р. Сурхоба — Вахша, крупнейшего притока р. Аму-дарьи.

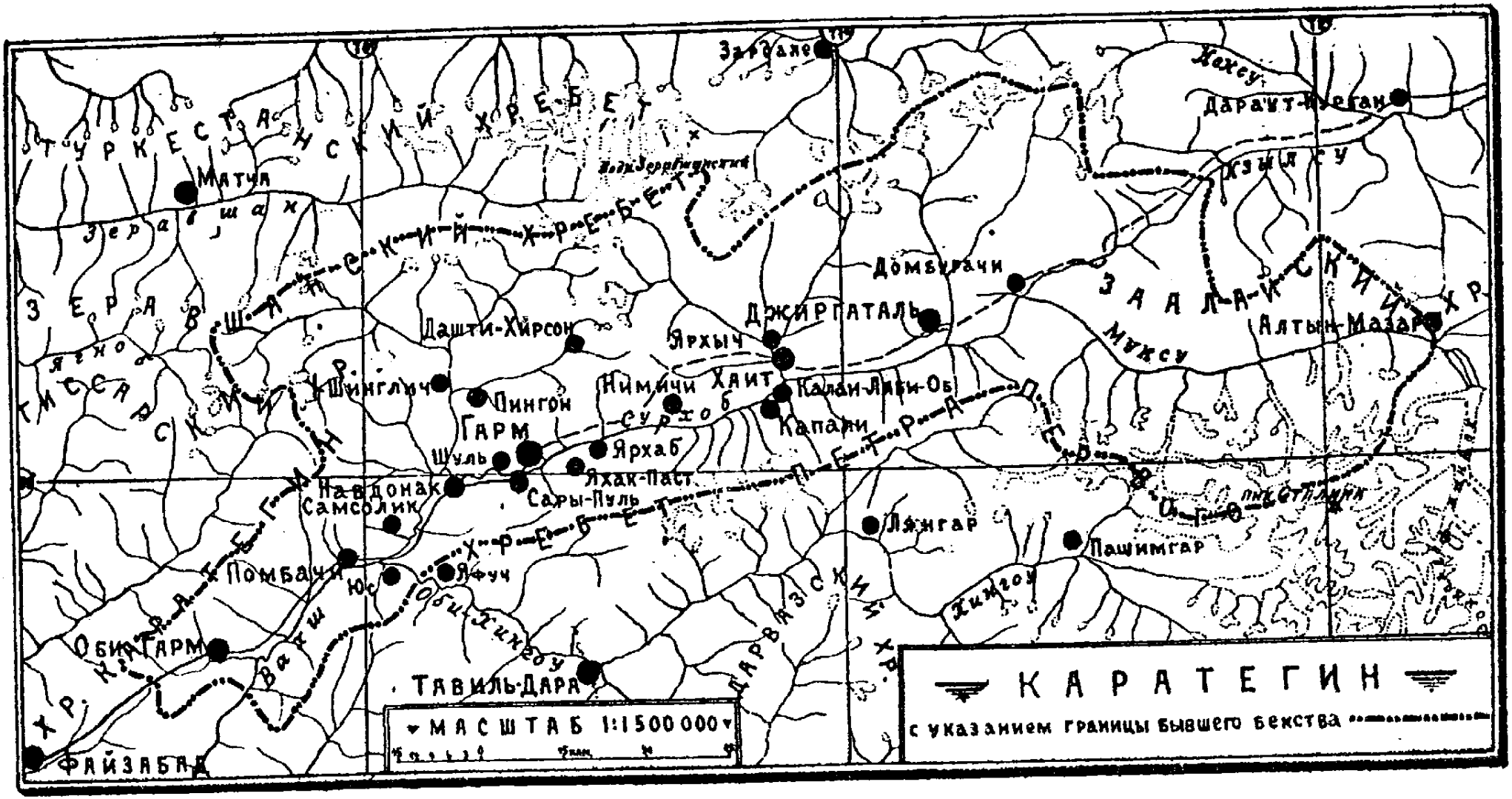
В административно-политическом отношении до революции под Каратегином понималось сначала особое самостоятельное владение, одно из горных феодальных княжеств-шахств, «Каратегинское шахство», а затем, после покорения горных таджикских княжеств Бухарским ханством, — одно из бухарских бекств — «Каратегинское бекство». Политическое единство страны в прошлом вместе с единством географическим, о котором речь будет ниже, определили собой и культурную общность населения Каратегина, проявляющуюся в языке, родственных связях, бытовом укладе, занятиях, привычках и т. п. Подобно жителям других районов Средней Азии, часто называющим себя не по имени той или другой народности, а по имени местности, откуда они происходят, жители Каратегина называли себя в прежнее время, а иногда называют себя и теперь, каратегинцами — «каратегини», в отличие от соседей: матчинцев — «матчой», гиссарцев — «хисори», кулябцев — «кулоби», дарвазцев — «дарвози» и т. д. На отхожих промыслах в Фергане, Ташкенте и дру-

гих городах и местностях Средней Азии каратегинцы в прежнее время держались самостоятельными группами, организовывавшими часто коллективное питание и нанимавшимися на работу целыми артелями.

Географически Каратегин может быть определен с достаточной точностью. Северная его граница идет по восточной части Заравшанского (называемого в этой части также Матчинским) хребта и далее по Алайскому хребту. Пройдя около 100 *км* вдоль этого хребта, граница Каратегина поворачивает к югу, пересекает р. Сурхоб и по одному из отрогов Заалайского хребта подходит к р. Мук-су. Южная граница идет от р. Мук-су к западу по хребту Петра I до реки Оби-хингоу. Пересекши р. Оби-хингоу, граница направляется на юго-запад вдоль левого берега р. Вахта по хребту Гули-зиндан, а затем, примерно на широте Сталинабада переходит на правый берег р. Вахша. Западная граница проходит по невысокому водоразделу в степи Дашти-будана, разделяющему верховья речек Иляк и Оби-яйляк, и далее по горам на север к Заравшанскому хребту.

Эти границы Каратегина совпадали, повидимому, с границами Каратегинского бекства. Эти же границы были приняты во внимание во время послереволюционного районирования и выделения бывш. Гармского округа; при этом районировании ликвидированной административно оказалась лишь южная граница, поскольку в состав Гармского округа вошла и территория бывш. Дарвазского бекства.

Районами, примыкающими к Каратегину, являются: на севере — верховья р. Заравшана (Матча) и горная часть южной Ферганы (входящая ныне в состав Киргизской ССР); на востоке — Алайская долина (также входящая в состав Киргизской ССР); на юге — долина р. Хингоу (Вахио, прежде входившее в состав Дарвазского бекства) и районы Бальджуана (прежде самостоятельное

ТУРКЕСТАНСКИЙ ХРЕБЕТ
Матча
Зеравшан
ЗЕРАВШАНСКИЙ ХР.
Яхонтский
Шинглич
Дашти-Хийрсон
Пингон
Гарм
Шуль
Навдонак
Самсолик
Помбачи
Обигарм
Вахш
Обихингоу
Ярхыч
Нимичи
Хаит
Сурхоб
Ярхаб
Яхак-Паст
Сары-Пуль
Хребет
Яфуч
Тавиль-Дара
Дарвазский хр.
Джиргаталь
Домбурачи
Калаи-Лаби-Об
Капали
Ляжгар
Пашимгар
Хингоу
Зааладакский хр.
Алтын-Мазар
Мукху
Дараут-Кургана
Хекеу
Кзыласу
Пяндж
Ишкашим
Хр.
Файзабад
МАСШТАБ 1:1500000
КАРАТЕГИН
с указанием границы бывшего бекства

Бальджуанское бекство); на западе — районы Гиссара (прежде Гиссарское бекство).

Принимая длину Каратегина с запада на восток равной приблизительно 200 *км*, а ширину с севера на юг около 50 *км*, определим общую площадь его в 10 000 *км*^{2}. Васильев называет близкую к этому цифру, причем указывает, что $^4/_5$ этой площади занято горами и лишь $^1/_5$ падает на долину р. Сурхоба и его притоков.[1]

Три горные хребта, ограничивающие Каратегин с севера и юга и заполняющие большую часть его площади своими отрогами и предгорьями, принадлежат к различным горным системам. В то время как Алайский и Матчинский хребты принято относить к Алайской системе, хребет Петра I относится исследователями к системе Памиро-Дарвазской.

Важнейшая и наиболее густо заселенная часть страны, сравнительно широкая долина р. Сурхоба, согласно геологическим данным, представляет собой линию разлома или гигантского сброса. Эта линия разлома продолжается и вне пределов страны на восток в виде Алайской долины, а на запад — в виде обширной степи, по которой протекают речки Оби-яйляк и Иляк, переходящей затем в Гиссарскую долину.

Река Сурхоб — Вахш, берущая начало в Алайской долине, на склоне Заалайского хребта, имеет длину (до впадения своего в р. Пяндж — Аму-дарью) около 600 *км*, из коих одна треть приходится на территорию Каратегина. Верхнее течение реки до впадения в нее р. Мук-су носит название Кызыл-су, среднее течение, от устья р. Мук-су до устья р. Оби-хингоу, называется Сурхоб, а нижнее течение — Вахш. Река Сурхоб вступает на территорию Каратегина несколько ниже урочища Катта-карамук, распо-

[1] **Васильев.** Краткое статистическое описание Каратегина. Сб. географ., топограф. и статист. материалов по Азии, 1888, XXXIII, стр. 8—9.

ложенного в западной части Алайской долины, прорываясь узким ущельем в теснине гор.

Правые притоки р. Сурхоба, как правило, резко отличаются от левых своей длиной и многоводностью; причина этого заключается в том, что водораздельный Алайский хребет отстоит от р. Сурхоба значительно дальше, чем хребет Петра I; исключение представляют лишь реки Мук-су и Оби-хингоу, верховья которых лежат вне пределов Каратегина.

Среди правых притоков заслуживают внимания следующие реки: Оби-занку, Оби-кабуд, Сорбух, Оби-дашти-сиох, Оби-муджихарф и Оби-гарм.

Река Оби-занку образуется из слияния двух речек — Питау-куль и Тамды-куль; при ее устье расположен кишлак Джиргаталь. Река Оби-кабуд принимает с левой стороны притоки Тутек и Карагуш-хана, а с правой стороны, недалеко от своего устья, речку Оби-ясман. Долина речки Оби-ясман — одно из плодороднейших и населеннейших мест в Каратегине. Несколько выше устья речки Оби-ясман, на противоположном правом берегу р. Оби-кабуд находится центр этого района — большой кишлак Хаит. Самым многоводным правым притоком является р. Сорбух, устье которой находится в 20 *км* ниже г. Гарма; слева она принимает р. Оби-камароу. Как долина р. Сорбуха, так и долина р. Камароу имеют значительное количество поселений, несмотря на то, что последняя очень узка и камениста. Большое количество поселений расположено и на речках Оби-дашти-сиох и Муджихарф. Река Оби-гарм в нижней части своего течения прорывается сквозь скалистые горы, и только в верховьях долина ее несколько расширяется; здесь расположен кишлак Оби-гарм.

Река Мук-су образуется из слияния трех речек: Соук-су, Каинды и Сель-су, недалеко от границ Каратегина, причем последняя из этих речек питается гигантским ледни-

2—2973

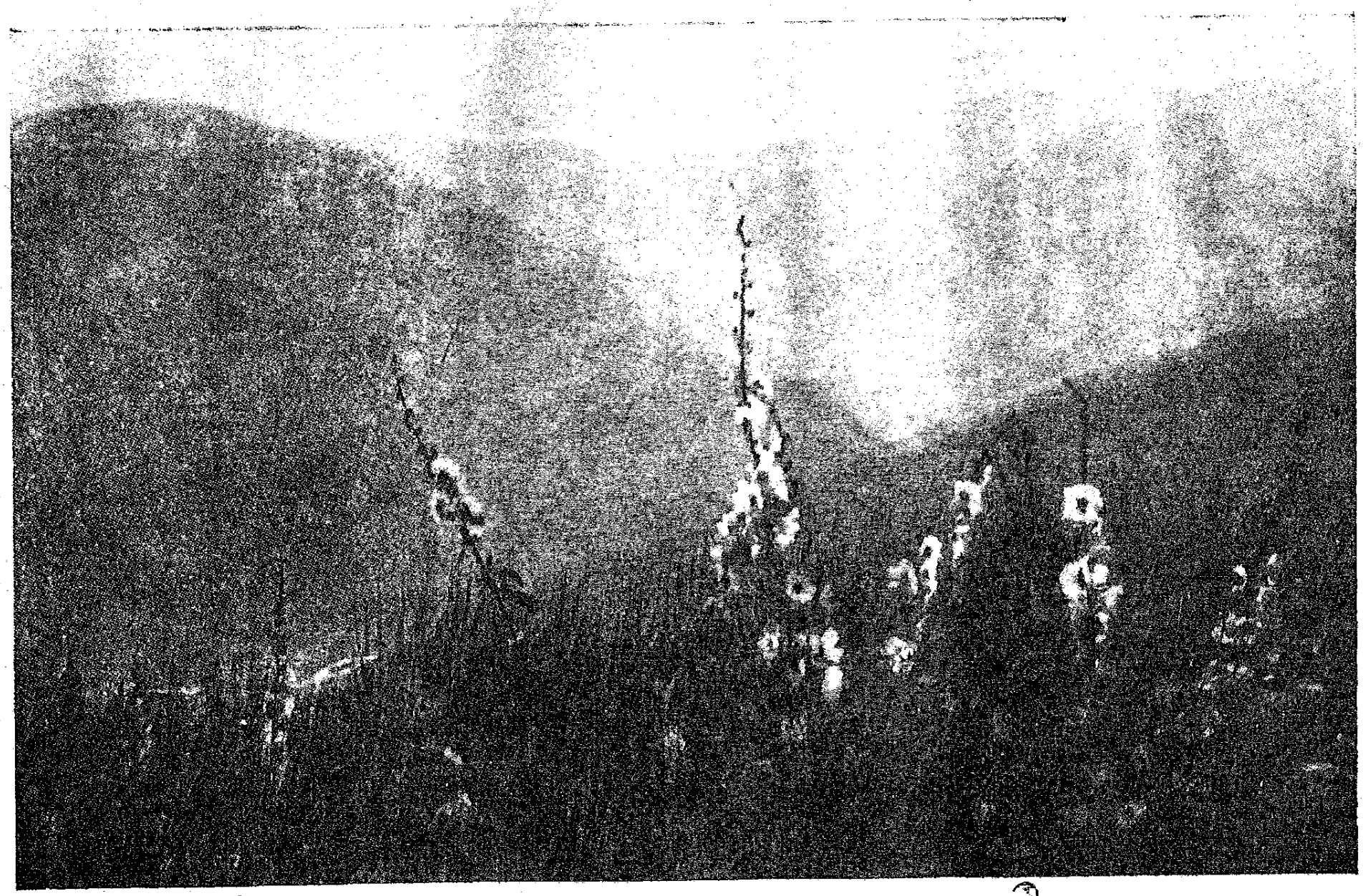

Рис. 1. Горный ландшафт в Каратегине.

ком Федченко в хребте Академии Наук. Река несет настолько много воды, что некоторыми исследователями считается за исток р. Сурхоба. Река Оби-хингоу выходит на территорию Каратегина, прорвавшись сквозь узкое ущелье западной оконечности хребта Петра I, и здесь, на протяжении нескольких километров, течет в глубоком овраге, вырытом в береговой террасе, до места слияния с р. Сурхобом.

Климат Каратегина не имеет особых отличий от климата соседних горных районов. Значительная высота местности над уровнем океана (Гарм — 1400 *м*, западная часть Алайской долины — 2400 *м*) делает климат более прохладным, чем на равнинах юго-западного Таджикистана. Но все же лето в Каратегине довольно жаркое, в то время как зима отличается значительной суровостью, чему способствует приток масс холодного воздуха, проникающих сюда с Памира; с другой стороны, приток влажного воздуха с низовий долины, конденсирующегося в горах, делает Каратегин обильным осадками. Зимой выпадает много снега, особенно к весне, в феврале и марте, когда случаются сильные мятели. Весной снеговые массы подтаявшего на солнце снега скатываются в виде огромных лавин, представляющих большую опасность для путника.

В отношении растительности Каратегин может быть отнесен к горному и высокогорному поясам.[1] Первый из них характеризуется многочисленными кустарниками и небольшими деревьями, образующими заросли в горах; сюда относятся «клен (*Acer lactum*), орех (*Inglana regia*), дикий миндаль (*Amygdalus bucharica*), яблоня (*Pirus malus*), вишни (*Prunus divaricata* — алыча и *P. mahaleb*), ивы (*Salix*), береза (*Betula alba*), карагана (*Caragana turke-*

[1] М. Г. Попов. Краткий очерк растительности Таджикистана. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 49.

stanica)»,[1] кроме того встречается тополь, а по склонам гор арча (*Juniperus polycarpos*). В этом поясе имеются значительные травяные покровы, среди которых характерны крупные зонтичные (*Ferula*, *Prangos*), а также ревень (*Rheum ribes*) и таран (*Polygonum polymorphum*. *P. bissaricum*), дающие дубильный корень.[2] Высокогорный пояс характеризуется высокорослыми травянистыми зарослями и альпийскими лужайками. Кустарники и деревья здесь почти совершенно отсутствуют.[3]

Нужно, однако, заметить, что естественная древесная растительность в густо населенном Каратегине в настоящее время в значительной степени истреблена человеком и сохранилась лишь кое-где высоко в горах или в долинах горных речек в виде небольших зарослей или отдельных представителей той или другой породы. Такую же судьбу испытали и горные пастбища: лучшие, нежные сорта трав, систематически вытаптывавшиеся скотом, сохранились лишь в немногих местах, а в большинстве своем заменились грубыми высокостебельными растениями и жесткими травами.

Таким образом, типичным для Каратегина ландшафтом являются горные склоны, лишенные древесной растительности и сплошь покрытые пашнями с разбросанными среди них зелеными пятнами кишлаков, утопающих в зелени искусственных насаждений — садов. Среди культурных насаждений первое место бесспорно принадлежит тутовому дереву, составляющему неотъемлемую часть каратегинского ландшафта. Кроме тутового дерева, в садах разводят абрикосовые и персиковые деревья, яблони,

---

[1] М. Г. Попов. Краткий очерк растительности Таджикистана. Сб. «Таджикистан». Ташкент, 1925, 49, 61.

[2] Там же, стр. 54. Описание принадлежит В. И. Липскому и относится к верховьям Кафирнигана, но, по словам автора, может быть применено также и к Каратегину.

[3] Там же, стр. 49.

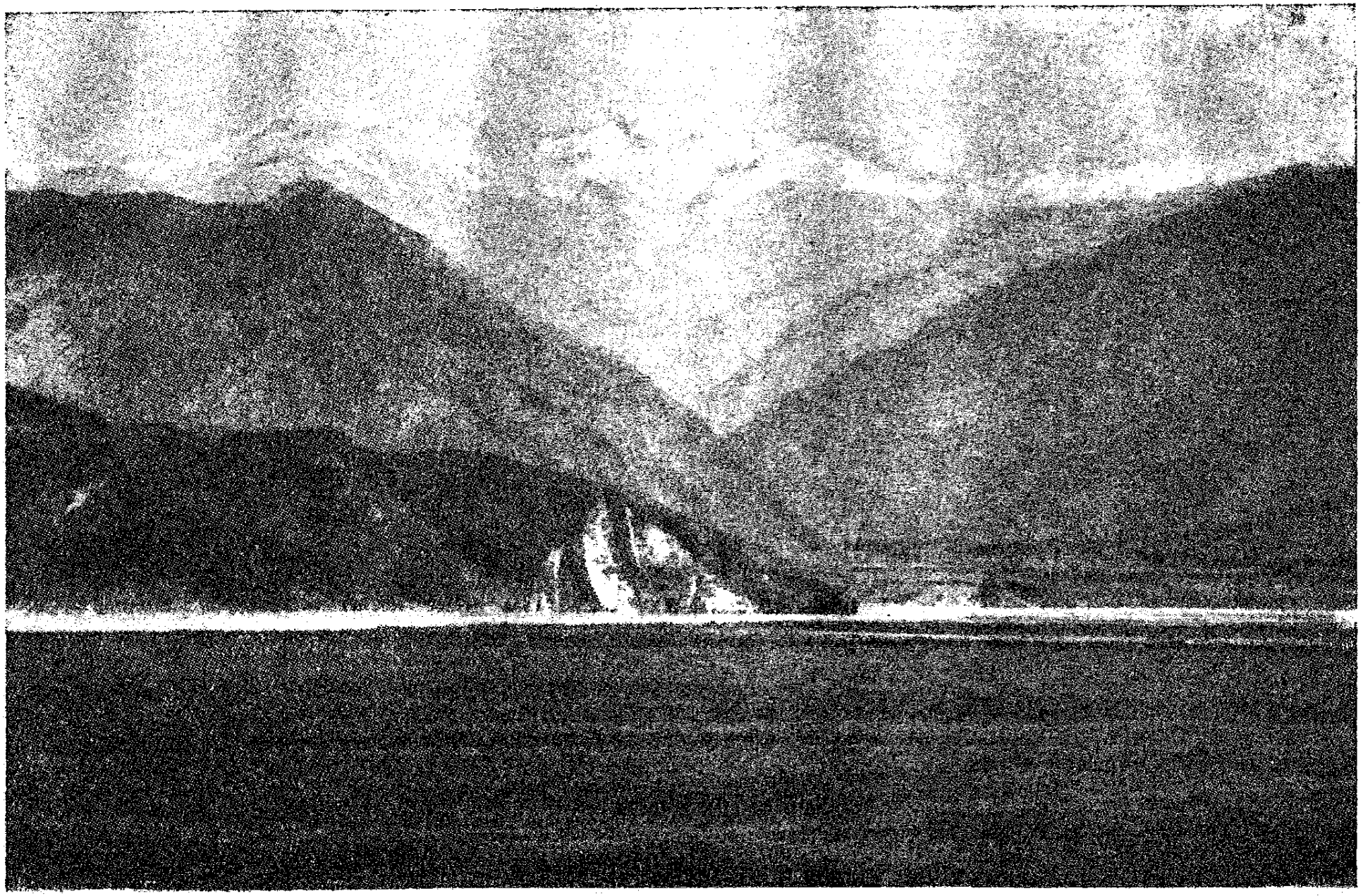

Рис. 2. Сурхоб близ устья р. Сорбух.

груши, вишни, черешни, виноград. Все эти сорта деревьев, равно как и виноградная лоза, поднимаются далеко вверх по долине р. Сурхоба и встречаются еще в Ханте и даже выше.

Дикие животные в Каратегине также в значительной мере истреблены. Высоко в горах встречаются медведь, волк, барс, горный козел, лисица, сурок. Только зимой лисица и волк спускаются ближе к селениям.

*

* *

Как и повсеместно в бывш. Восточной Бухаре, более или менее полные статистические данные о количестве населения в Каратегине имеются лишь в результате переписи 1926 г., а также материалов, собранных несколько позднее УНХУ Таджикской ССР. Что же касается дореволюционного времени, то, как известно, никакой статистики в Бухарском эмирате не существовало, и лишь в 1917 г. бухарскими властями была произведена, по настоянию русского правительства, перепись населения. Некоторые данные мы находим также у отдельных исследователей, главным образом русских офицеров, писавших по расспросным сведениям или лично посетивших Каратегин после завоевания русскими Туркестана.

Абрамов (1870 г.) сообщает, что «войска у Музаффархана до 2000, но в случае войны может быть собрано до 15 000—20 000 человек». Возможность выставить 15 000—20 000 человек войска указывает, повидимому, на то, что население страны было не менее 100 000 человек, каковой цифры придерживается и сам Абрамов.[1] Г. А. Арандаренко (1883 г.), считая количество домохозяйств в Каратегине равным 10 740, полагает население

---

[1] К. А. Абрамов. Записка о Каратегинском владении, составленная по расспросам. Изв. Русского Географ. об-ва, 1870, VI.

страны равным 60 000. Повидимому, недоразумением следует считать цифры, приводимые тем же Арандаренко в его другой, более ранней работе, написанной по расспросным сведениям, где он считает население Каратегина равным 382 000 человек.[1] Капитан Васильев (1887 г.) считает количество населения в Каратегине равным 51 000 человек, исходя из числа домохозяйств в 10 200.[2] Наконец, А. Е. Снесарев (1906 г.), исходя из числа 120 000 — 130 000 человек, допускал, однако, возможность, что население Каратегина достигает 150 000 человек.[3] Всех поименованных исследователей интересовали, главным образом, военно-стратегические проблемы; естественно поэтому, что в первую очередь они пытались решить вопрос о количестве населения Каратегина и, как видим, не имея статистических данных, приходили к различным, противоречащим один другому, результатам.

Упомянутая выше бухарская перепись 1917 г. для бывш. Гармского вилайета дает совершенно невозможную цифру в 349 000 человек;[4] другими словами, собственно для Каратегина (без Дарваза) количество населения следовало бы признать равным 250 000 человек.

Для определения количества населения Каратегина по данным переписи 1926 г. следует взять те цифры, которые относятся к каратегинским районам бывш. Гармского округа, а именно к районам Гармскому, Джирга-

---

[1] Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. Военный Сборник, 1883, № 11, стр. 157; Его же. Каратегин. Военный Сборник, 1878, № 5, стр. 136.

[2] Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина. Сб. географ., топограф. и статист. материалов по Азии, 1888, XXXIII, стр. 15.

[3] А. Е. Снесарев. Восточная Бухара. СПб., 1906, стр. 73—74.

[4] А. Панков. Население Таджикистана. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 83; Ю. И. Пославский. Экономический очерк Таджикистана. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 181.

тальскому, Оби-гармскому и Хаитскому. Эти четыре района дают следующую картину:

Районы	Мужчин	Женщин	Обоего пола
Гарм	29 567	26 892	56 459
Джиргаталь	5 921	5 354	11 275
Оби-гарм	9 837	8 764	18 601
Хаит	20 140	18 720	38 860
Всего	65 465	41 010	125 195

Материалы Таджикского УНХУ, опубликованные в 1932 г., дают следующие цифры по тем же четырем районам:

Гарм	53 266
Джиргаталь	15 915
Оби-гарм	29 035
Хаит	42 609
Итого . . .	140 825

Что касается плотности населения, то здесь нужно лишь отметить крайне неравномерное распределение населения на территории Каратегина. В то время как долина р. Сурхоба и некоторых его притоков, например р. Ясман, густо заселена, обширнейшие горные территории остаются совершенно необитаемыми. Исходя из цифры населения в 130 000 человек и считая всю территорию Каратегина равной 10 000 $км^2$, получим, что плотность равна 13 человекам на 1 $км^2$. Но если мы, следуя Васильеву, допустим, что заселенной является собственно лишь $^1/_5$ территории страны (т. е. 2000 $км^2$), то плотность этой ее части соответственно возрастет до 65 человек на 1 $км^2$.

По национальному признаку население Каратегина в основной своей массе однородно и состоит из таджиков.

Лишь на востоке страны, выше Хаита, в Джиргатальском районе проживают киргизы. Число их определялось отдельными исследователями различно, причем ни одна из приведенных цифр не превышала 8000 человек. Перепись 1926 г. не приводит для Таджикской ССР по-районных данных по национальному составу и указывает лишь, что общее количество киргизов в республике несколько более 11 000. Напротив, список населенных пунктов в УНХУ 1932 г. показывает, что в Джиргатальском районе проживает 14 000 киргизов. Даже в таком случае процент киргизского населения в Каратегине не превышает 10. В своем месте мы остановимся несколько подробнее на роли киргизов в Каратегине.

Каратегин до революции не имел поселений городского типа. Все оседлое таджикское население страны проживало в поселениях сельского типа — кишлаках. Величина последних чрезвычайно разнообразна и колеблется от поселений в 1—2 домохозяйства до крупных селений, насчитывающих сотни хозяйств. Таков, например, кишлак Хаит, ныне центр одноименного района, — огромный кишлак, насчитывающий в настоящее время около 500 домохозяйств, а также крупные кишлаки долины р. Ясман — Осноб-дара, Хиссорак, Сиполинг и др.

Приведем здесь данные о числе домохозяйств и кишлаков в Каратегине. Из указанных нами дореволюционных авторов Арандаренко считал количество домохозяйств в Каратегине равным 10 740, а Васильев — 10 200; Снесарев насчитывал в Каратегине 571 кишлак и 12 449 домохозяйств. Что касается послереволюционных сведений, то перепись 1926 г. по упомянутым выше каратегинским районам (Гарм, Джиргаталь, Оби-гарм и Хаит) дает 20 530 домохозяйств, при 738 населенных пунктах, а материалы 1932 г. УНХУ указывают цифру в 23 386 домохозяйств. Принимая во внимание продолжающийся непрерывно из года в год процесс семейных разделов и

выделения все новых домохозяйств, можно предполагать, что цифры, приводимые авторами 1870-х и 1880-х гг., не стоят в противоречии с новейшими данными и могут быть признаны заслуживающими доверия.

Из приведенных цифр можно видеть, что в настоящее время величина средней дехканской семьи в Каратегине равна 6 человекам. В начале XX в. А. Е. Снесарев допускал, что в среднем состав домохозяйства колеблется от 7 до 10 человек, хотя лет на 20 раньше Васильев, может быть из излишней осторожности, брал за среднее 5 человек. Во всяком случае следует отметить, что после революции большие неделенные дехканские семьи не являются уже характерной особеностью Каратегина, как это еще можно было наблюдать в соседних горных районах не так давно. Правда, в отдельных кишлаках еще можно встретить семью, состоящую из 15—20 человек, ведущих общее нераздельное хозяйство, но такие семьи являются исключением.

Дома каратегинцев принадлежат к тому же типу, который распространен по всему горному Таджикистану. Это глинобитное жилище с плоской земляной крышей, имеющей в центре отверстие для света и для выхода дыма, называемое «рузан». Как правило, окна в домах отсутствуют. Внутри дома большая часть площади представляет глинобитное возвышение — «декун», на котором располагаются обитатели дома. На переднем плане, между дверью и «декуном», остается пространство, называемое «кучá» или «таги пога». Здесь же расположен очаг — «дегдон», устроенный в виде углубления в «декуне». Топка помещения производится по-черному, и дым наполняет собой все помещение. Спереди к дому пристроена крытая терраса — «долун», «пешток», также имеющая посредине проход — «куча», а по бокам — «декуни». Рядом с домом группируются хозяйственные пристройки: хлев — «огуль», конюшня — «охта-хона», кладовые —

«ганджур» и т. п. В настоящее время колхозники Каратегина повсеместно, в связи с повышением материального благосостояния и возросшими культурными запросами, переделывают свои дома на европейский лад, вставляют окна со стеклами, устраивают печи, производят побелку, обзаводятся мебелью и т. п.

В зависимости от высоты местности, кишлаки Каратегина то окружены роскошными фруктовыми садами, то лишены почти всякой древесной растительности. К первому типу принадлежат кишлаки, расположенные вдоль берегов р. Сурхоба, ко второму — высокогорные кишлаки северных склонов хребта Петра I. Так, например, большие, богатые пахотной землей, кишлаки Яхакпаст, Хазор-чашма и др. имеют лишь незначительные ивовые насаждения и совершенно лишены фруктовых деревьев; дома в этих кишлаках теснятся друг к другу, оставляя лишь место для узких и кривых улиц. Среди нижних кишлаков можно наметить два типа: первый — дома также теснятся в кучу, а сады окружают кишлак кольцом, второй — дома расположены среди садов, улицы широки и просторны, сады отделяются от улиц плетеными заборами. Почти каждый кишлак имеет в центре небольшую площадь, где находится мечеть, а в настоящее время здесь же или поблизости обычно группируются и здания советских учреждений — сельсовет, кооператив и другие. Во многих кишлаках на площадях, под тенистым деревом — карагачем или древним чинаром, устроено возвышение, уложенное каменными плитами и служащее местом сбора односельчан в часы вечернего отдыха; тут же через площадь проходит арык, вода которого льется небольшим водопадом у деревянного жолоба — «навардон». Многочисленные кишлаки Каратегина имеют довольно опрятный вид, а окружающие сады с бегущей среди них прохладной водой арыков приятно ласкают глаз в жаркий летний или осенний день, а издали своей

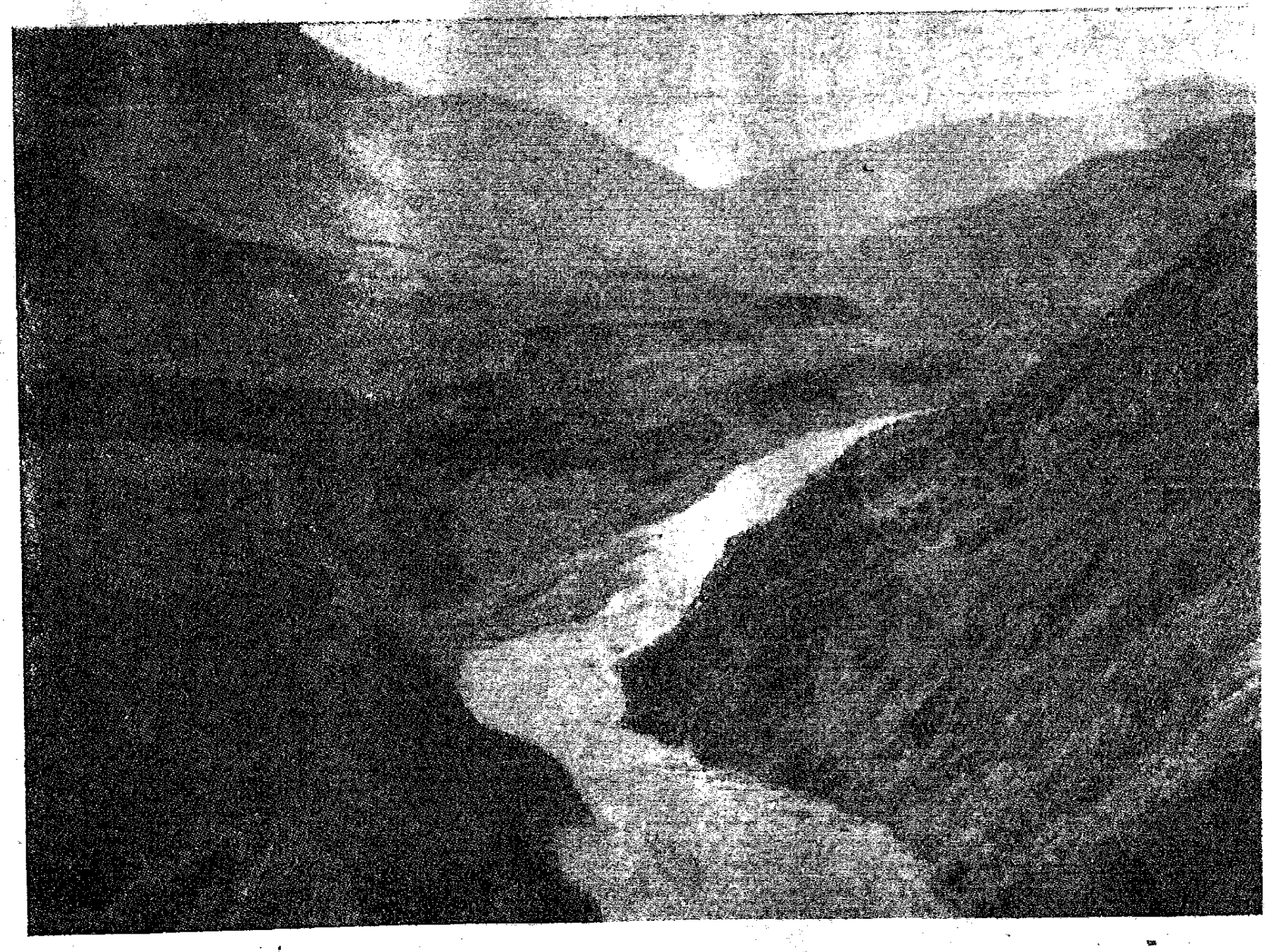

Рис. 3. Речная терраса на Вахше.

темнозеленой листвой придают особый живописный колорит всему и без того живописному ландшафту страны.

Основным занятием таджиков Каратегина является земледелие. Под пашни распахано тут большое количество земель, часть из которых снабжена искусственным орошением, в то время как другая часть искусственного орошения не имеет. Первая категория носит название «оби», «замини оби», а вторая категория — «ляльма» или «кайрог», «замини ляльма», «замини кайрог». Количество неполивных земель или, как их принято называть в Средней Азии, «богары», повидимому, повсеместно в Каратегине превышает количество земель поливных. Так, по данным Яхакпастского джамагатского совета, на территории последнего имелось около 1200 *га* земли поливной и около 5000 *га* земли богарной; на противоположном правом берегу р. Сурхоба, в Каланакском джамагатском совете, по словам дехкан, богара к поливу относится как 3 : 1; в долине р. Сорбуха (Шинглич) богара также значительно преобладает над поливом. Кишлаки левого берега р. Сурхоба, так называемые «сойя ру» (теневая сторона), как правило, богаче землей, чем кишлаки правого берега — «афтоб ру» (солнечная сторона). Никакого специального севооборота в прежнее время дехканами не применялось; там, где земель было больше, как, например, в Яхак-пасте, часть из них оставлялась под паром; в других же местах земля засеивалась из года в год. Навозом удобряются, главным образом, огородные земли, засеиваемые люцерной, а затем уже поливные земли; на богаре удобрение не применяется.

Возделываются в Каратегине следующие культуры: пшеница, ячмень, просо, горох, фасоль, бобы, лен, картофель,[1] кукуруза, люцерна; в небольших огородах при до-

---

[1] Картофель вошел в дехканский обиход в Каратегине, повидимому, сравнительно недавно; А. Е. Снесарев в начале XX в.

мах разводят лук, капусту, морковь; на бахчах — арбузы и дыни. Основные злаки — пшеница и ячмень — сеются повсеместно, остальные культуры возделываются в различных местах страны, в зависимости от климата, почвы, наличия свободных земель, традиций и т. п. В более низких местах производится также посев риса.

Земледельческие работы начинаются с посыпки снега на полях землей для более интенсивного его стаивания; эта посыпка — «хок зани» — начинается еще в феврале. После того как снег на полях стает, приступают к пахоте, причем стараются закончить ее в течение первых сорока дней после весеннего равноденствия, в течение так называемого «чиляи бахор». Пахота производится при помощи деревянного плуга, называемого здесь «сипор», на паре быков. После распашки плугом и посева зерна производится заравнивание пахоты «чапаром», плетеной волокушей, которую также тащат быки. Затем наступает период полки полей — «хушова», а вместе с тем и жатвы люцерны и горных трав, которые служат пищей скоту в течение долгой зимы. Жатва производится при помощи серпа — «дос»; сжатую траву предварительно высушивают на солнце, а затем вяжут в снопы — «дарза» — и складывают в стоги — «хау». Трава в стогах остается стоять до осени и свозится вниз в кишлак лишь после уборки хлебов; лишь в некоторых районах часть трав свозится раньше жатвы злаков. Наряду с жатвой трав кое-где производится и заготовка хвороста в горах, который также складывается на месте в кучи до осени. После жатвы трав начинается период жатвы хлебов — сперва ячменя, затем пшеницы. Сжатый хлеб также связывается в снопы — «дарза», а затем складывается в стога — «ганук». Вслед за этим вблизи кишлака устраивают гумно —

отмечает, что в Каратегине «картофель не встречается, хотя жители слыхали про него и не прочь завести у себя» (Восточная Бухара. СПб., 1906, стр. 59).

«хирман»; для этого площадка, предназначенная для «хирмана», покрывается слоем глины, перемешанной с мелко нарубленной соломой, уравнивается при помощи саней-волокуш — «чигина», которые тащат быки, причем «чигина» пускается боком и сглаживает поверхность своими полозьями. Когда «хирман» готов, начинается своз хлеба с гор в кишлак на «хирман»; средством перевозки служит та же «чигина» с запряженной в нее парой быков. Порядок молотьбы следующий: хлеб разбрасывают на гумне и пускают по нему пару быков, запряженных в «чапар» (см. выше); вслед за «чапаром» идет специальный человек с вилами — «пянджшох» в руке и переворачивает солому. Молотьба производится беспрерывно, без отдыха, днем и ночью. Перемолотую солому складывают в кучи — «харá» и затем провеивают с помощью вил: солома ветром относится в сторону, а колос с зерном падает отдельно. Отделенные таким образом колосья называются «кафá» и снова подвергаются молотьбе уже ногами быков, для чего связываются одной веревкой несколько быков вместе. После этого пшеница снова провеивается и убирается в зернохранилища — «кулй». За последние годы описанные старинные приемы обработки земли стали во многих местах Каратегина заменяться более усовершенствованными современными способами земледелия.

Каратегин является в настоящее время одним из основных зерновых районов Таджикистана, снабжающим хлебом хлопковые районы; также и прежде он обладал значительными излишками хлеба, продававшимися и обменивавшимися в соседние районы — в Матчу, Дарваз и Вахио. Особенно богаты хлебом кишлаки, расположенные на северном склоне хребта Петра I, между Калаи-ляби-обом и местностью Хост, а также кишлаки правого берега р. Сурхоба, ниже устья р. Сорбуха (район Самсалык-Помбачи), обладающие наиболее обширными и

удобными посевными землями. Вывоз хлеба из бывш. Каратегинского бекства в соседние районы до революции отмечался В. Ф. Ошаниным, Г. А. Арандаренко, А. Е. Снесаревым и А. А. Семеновым, причем последний исследователь указывает на «баснословную дешевизну» хлеба, обусловленную обилием его и отсутствием рынков.[1]

Скотоводство является второстепенной и в то же время необходимой отраслью хозяйства в Каратегине, так как дает удобрения, ряд продуктов питания и сырье для изготовления одежды. Лишь среди киргизов верхнего Каратегина скотоводство до последнего времени играло более важную роль, чем земледелие. В прежнее время среднее хозяйство в Каратегине имело несколько голов овец, коз, одну-две коровы, одного быка, иногда лошадь. Васильев (1880-е годы) считал на одно хозяйство в среднем 10 баранов, 1 лошадь, 2 головы крупного рогатого скота. Несколько большая обеспеченость скотом наблюдалась у киргизов и у жителей долины р. Камароу. Естественно, что зажиточные хозяйства и баи имели значительно больше скота, главным образом баранов; некоторые баи держали стада овец до 500—600 и более голов. В Каратегине существует ряд прекрасных альпийских пастбищ, куда до революции пригонялись стада гиссарских и кулябских скотопромышленников и где выпасали скот также и местные баи. Теперь эти пастбища используются скотоводческими совхозами.

Весной и осенью дехканский скот пасется в общем стаде близ кишлака, а летом, как правило, выгоняется на летние пастбища — «девлох» или «айлок». В то время как мужчины заняты земледельческими работами, скот на летних пастбищах остается под присмотром женщин и детей; здесь происходит и заготовка молочных продуктов на зиму. В прежнее время некоторая часть кара-

[1] А. А. Семенов. Этнографические очерки Заравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903, стр. 58.

тегинского скота, главным образом баранов, скупалась баями-торговцами и отправлялась на продажу на рынки Ферганы.

Значительным подспорьем в хозяйстве является также и садоводство. До последнего времени фрукты целиком потреблялись самим населением, причем часть фруктов заготовлялась на зиму в сушеном виде. Такой же натуральный характер носило до революции и шелководство, обслуживавшее лишь собственные потребности и стоявшее на крайне низком техническом уровне. В настоящее время дехкане, сдавая коконы, получают взамен высокосортные фабричные шелковые ткани.

При господствовавших в стране до революции натуральных отношениях, естественно, были развиты и домашние кустарные промыслы, как то: тканье шерстяных и хлопчатобумажных материй, гончарное производство посуды, деревообделочное производство, выделка металлических изделий, в частности ножей. Иногда той или иной отраслью производства специально занимались целые кишлаки. Таковы, например, кишлак Сары-шухун, где изготовлялась глиняная посуда, кишлак Бодравак, славившийся производством ножей и сабель,[1] некоторые кишлаки Камароу, жители которых изготовляли посуду из орехового дерева, и пр. Что касается ткачества и кузнечного ремесла, то каждый кишлак имел обычно одного или нескольких мастеров данной специальности, обслуживавших своих односельчан. Шерстяные чулки, обувь, тюбитейки изготовлялись силами каждой данной семьи. Вообще фабрично-заводских товаров в употреблении было мало, то, что появлялось в доме, приносилось, главным образом, отходниками.

Отходничество в Каратегине, повидимому, существовало уже в очень отдаленные времена и было развито

[1] А. А. Семенов. Два слова о ковке среднеазиатского оружия. «Живая Старина», 1909, в. 2—3, стр. 154.

в больших размерах. В дальнейшем мы остановимся на том факте, что еще в начале XIX в. каратегинцы поступали на службу в кокандское войско. А. П. Федченко в 1871 г. находит значительное число каратегинцев в качестве сезонных рабочих и поденщиков в Фергане и Ташкенте.[1] О каратегинцах в Фергане сообщает и В. П. Наливкин, проживший там ряд лет вскоре после присоединения Коканда к России.[2] Известия о каратегинцах-отходниках для конца XIX в. мы находим у А. А. Семенова.[3] Отходничество в Каратегине, где всюду наблюдался избыток рабочих рук, практиковалось до революции, практикуется и в настоящее время, с той существенной разницей, что раньше к этому вынуждали малоземелье и безземелье некоторой части населения, общая бедность и отсутствие необходимых товаров, а теперь стимулом отходничества является стремление к удовлетворению растущих потребностей колхозного дехканства, в корне изменяющего свой быт и приобретающего городскую одежду, предметы городского быта и даже предметы роскоши. Работа по обработке хлопка в Фергане, куда идет значительная часть отходников, дает хорошие заработки населению Каратегина, и многие отходники возвращаются на родину лишь на период сельскохозяйственных работ, чтобы затем снова уйти в Фергану.

Тому обстоятельству, что в дореволюционном Каратегине господствовали натуральные отношения, в значительной степени способствовало бездорожье. Сообщение Каратегина с соседними странами происходит, главным

---

[1] А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан. В Кокандском ханстве. Изв. Об-ва любит. естествозн., антроп. и этногр., 1875, XI, в. 7, стр. 95.

[2] В. П. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 22.

[3] А. А. Семенов. Этнографические очерки Заравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903, стр. 67.

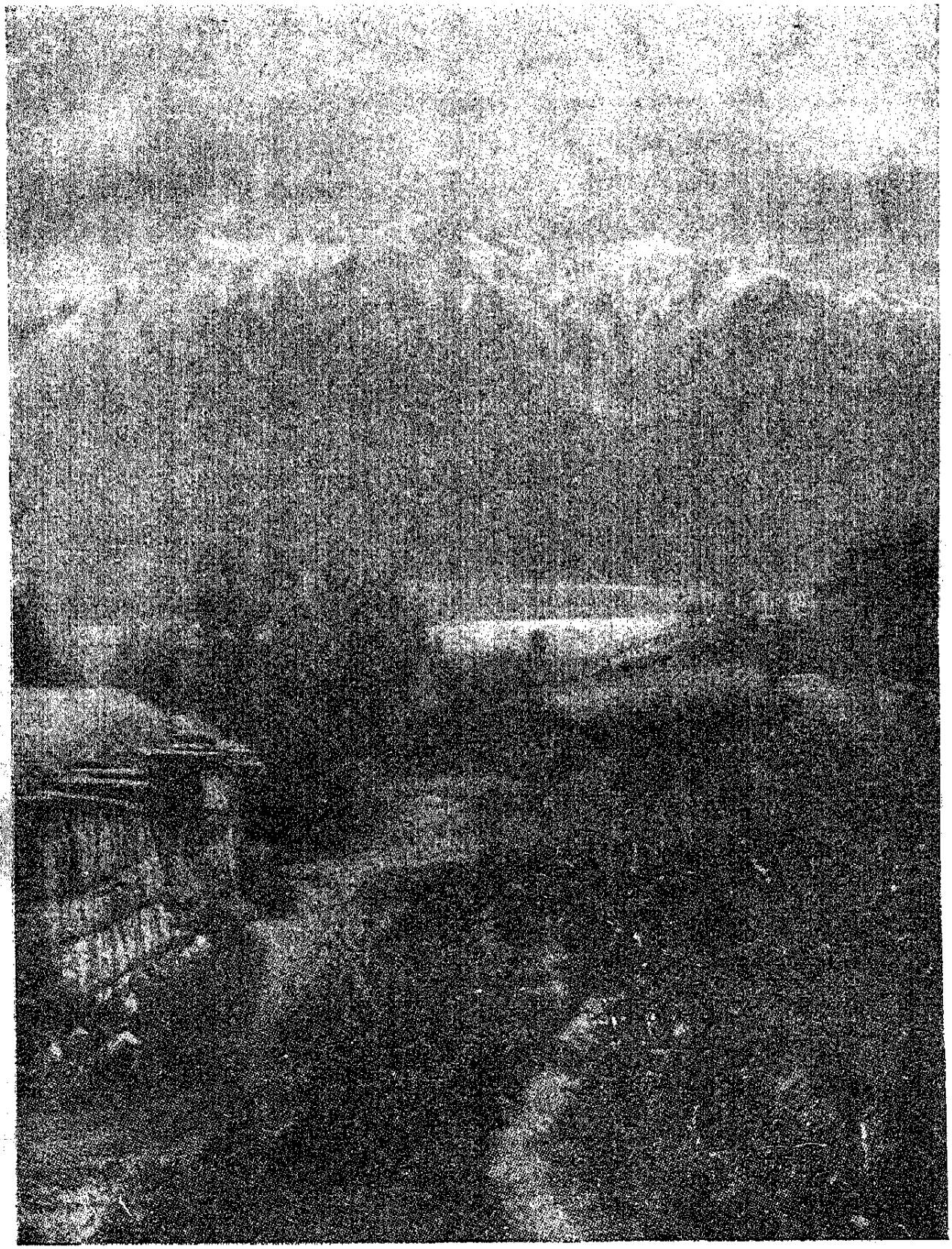

Рис. 4. Вид на хребет Петра I из кишлака Нимич.

образом, через высокие, трудные перевалы. И в самой стране дороги представляли собой лишь узкие тропы, проложенные сплошь да рядом по скалам и карнизам над рекой. Вследствие этого передвижение возможно было или пешком, или верхом, а грузы перевозились вьюками на лошадях или ослах. Колесный транспорт в стране отсутствовал. Резко изменилось положение в настоящее время, когда в Каратегин проложены новые дороги.

Бездорожье, господство натуральных отношений, вместе с феодальными порядками, о которых будет речь в настоящей работе, — все это способствовало тому, что до революции Каратегин являлся страной чрезвычайно отсталой, сохранившей много пережитков общинных отношений и патриархального быта. В Каратегине, как и в соседнем Дарвазе, кишлак, повидимому, представлял собой до революции сельскую общину с общественными выпасами и другими земельными угодьями, с общинными ремесленниками, работавшими на своих односельчан и за это получавшими вознаграждение натурой, с общественным кишлачным домом — «алоу хонá» — и мечетью, институтом коллективной взаимопомощи — «хашар» — и некоторыми другими особенностями. Организация женских молочных артелей — «пейвоз» — и ряд обычаев и запретов, связанных с выходом женщин на летние пастбища и пребыванием там, относятся, повидимому, также к пережиткам древности. Общая экономическая и культурная отсталость способствовала сохранению среди населения наряду с официальной религией — исламом различных суеверий, культа почитания «мазаров», камней и деревьев, веры в магическую силу амулетов, талисманов и колдовских действий. В свою очередь, низкий культурный уровень населения позволял господствующему классу феодального общества довести эксплоатацию трудящегося населения до огромных размеров.

II. Сведения и предания об отдаленном прошлом Каратегина

Можно без всякого преувеличения утверждать, что нет ни одного другого района Средней Азии, в отношении которого имелось бы столь мало исторических сведений, как в отношении Дарваза и Каратегина. В то время как вокруг, на севере в Фергане, на юге в Балхе, на западе в Гиссаре и Шахрисябзе, в древние и средние века кипела бурная политическая жизнь, население этих двух стран, замкнутых высокими горами и труднопроходимыми ущельями, продолжало находиться в стороне от этой жизни, сохраняя неизменными господствовавшие натуральные отношения, которые столь поразили в 80-х годах прошлого века первых европейцев, попавших в Дарваз и Каратегин. Естественно поэтому, что до нас из древности дошли лишь некоторые отрывочные сведения, отнюдь не освещающие истории этих стран, но упоминающие о них лишь попутно, случайно, в связи с теми или другими событиями в соседних районах.

На вопрос об этнической принадлежности древних обитателей Каратегина в настоящее время не может быть дано сколько-нибудь положительного ответа, равно как не может быть дано и ответа в отношении других, соседних с Каратегином, стран. В ряде случаев известны имена

народов, населявших в древности Среднюю Азию, но не представляется возможным ни локализировать район их обитания, ни определить их этническую принадлежность. Греческие источники противопоставляют кочевых саков земледельцам-согдийцам, но точных указаний о занимаемой теми и другими территории не имеется.[1] Что касается Каратегина, то В. В. Григорьев предполагал, что саки обитали в Каратегине и на Алае во времена походов Александра Македонского, а двумя столетиями позже сэйцы или саки несомненно кочевали на Алае.[2]

Во II в. до н. э. в Средней Азии появляется народ, известный под названием юе-чжи (юе-ши) или тохаров, в китайской транскрипции ту-хо-ло. Местность по верхнему течению Аму-дарьи получила от них название «Тохаристан», причем китайцы в конце II в. нашли юечжийцев на северной стороне р. Аму-дарьи.[3] Нет никаких указаний, занимали ли тохары непосредственно также и Каратегин. Аристов полагает, что «земли юечжей в ханьские времена (китайские династии старших и младших Хань: 206 г. до н. э. — 220 г. н. э. — *Н. К.*) не простирались на восток далее западной части Каратегина и Бадахшана, Вахан же, Шигнан, Рошан и Дарваз в состав их не входили, ибо, по безлюдности или малолюдности, не представляли никакого интереса даже для юечжей-кочевников, по малому количеству пастбищ, суровости климата и трудности сообщений».[4] В. В. Бартольд указывает, что «местность к северу от Аму-дарьи, т. е. восточная часть

---

[1] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 3.

[2] Н. А. Аристов. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах. Русский Антропол. журнал, 1900, № 3, стр. 64.

[3] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 4—5.

[4] Н. А. Аристов. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах. Русский Антропол. журнал, 1900, № 4, стр. 14.

бывшего Бухарского ханства, оставалась под властью юечжийцев и после завоевания ими областей Афганистана и Индии».[1] В V в. на берегах р. Аму-дарьи появляются эфталиты или белые хунны, которые, по мнению В. В. Бартольда, вероятно, являлись соплеменниками юечжийцев.[2]

Государство эфталитов пало под ударами турок между 553 и 567 гг. Турки основали могущественную кочевую империю, вскоре (к 585 г.) распавшуюся на две части — восточную и западную. В состав последней входила и территория Средней Азии. Западные турки в 656 г. подчинились Китаю и были разделены на провинции, общее управление которыми было вверено наместникам.[3]

Тохаристан под властью турок застал буддийский паломник Суань-цзянь, предпринявший путешествие в Среднюю Азию в 630 г. В Тохаристане он посетил Термез. Суань-цзянь указывает, что вследствие борьбы между начальниками Тохаристан разделился на 27 государств и в результате подчинился туркам.[4] Суань-цзянь перечисляет ряд провинций Тохаристана, названия которых отождествлялись различными исследователями с теми или другими названиями, приводившимися более поздними мусульманскими географами; среди них: Чигоена, Хо-лу-мо, Шуман, Хутало, Ку-ми-то. Эти же названия некоторые исследователи пытались отождествить с различными районами, расположенными на территории современного Таджикистана, а в частности и с Каратегином.

---

[1] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 8.

[2] Там же, стр. 9.

[3] Там же, стр. 10, 18; Г. Е. Грум-Гржимайло. Историческое прошлое Бэй-Шаня. СПб., 1898, стр. 34 и след.

[4] Hiouen-Thsang. Mémoires sur les contrées occidentales, traduits en français par M. St. Julien. Со статьей Vivien de Saint-Martin «Mémoires analytiques sur la carte de L'Asie Centrale et de L'Inde». Paris, 1857—1858, I, стр. 23—24.

Так, Вивьен де сан Мартен отождествляет Каратегин со страной, Kio-ho-yen-na или Kio-li-yen-na,[1] в то время как Юль приурочивает к главному городу Каратегина Гарму Ho-lu-mo Суань-цзяна,[2] а Аристов утверждает, что Kiu-mi-t'o Суань-цзяна тождественно с именем владения Гуй-ми Танской династии, «занимавшего... приблизительно местность Каратегина».[3] Этот последний автор пытается также сопоставить китайский термин Хюми ханьских времен с городом Гармом. Отождествление владения Гуй-ми с Гармом делал также и Грум-Гржимайло.[4]

Все эти сближения, повидимому, не могут быть полностью доказаны и научно обоснованы. Характерно отметить в связи с этим, что такой осторожный исследователь, как покойный В. В. Бартольд, в статье, посвященной Каратегину,[5] приводит соответствующие географические термины арабских географов, а в то же время оставляет совершенно в стороне термины китайских источников.

Е. Шаванн также утверждает, что Kiu-mi-t'o Суань-цзяна соответствует современному Каратегину. Но если даже название Kiu-mi-t'o должно быть отнесено и не к Каратегину, а, что вероятнее, к одному из близлежащих районов, приводимые Шаванном сведения из китайских источников заслуживают того, чтобы на них здесь остановиться.

---

[1] Hiouen-Thsang, указ. соч., II, стр. 291.

[2] Г. Юль. Очерк географии и истории верховьев Аму-дарьи. Прилож. к Изв. Русского Географ. Об-ва, 1873, IX, стр. 28—29; W. Tomaschek. Sogdiana. Wien, 1877, стр. 41.

[3] Н. А. Аристов. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах. Русский Антропол. журнал, 1900, № 4, стр. 11.

[4] Г. Е. Грум-Гржимайло. Историческое прошлое Бэй-Шаня. СПб., 1898, стр. 36, примеч.

[5] W. Barthold. Karategin. Encyclopedie de L'islam, II. Leyde—Paris, 1927.

В материалах, приводимых Шаванном, указывается, что правитель страны Kiu-mi турецкого (ту-киусского) происхождения; в 642 г. правитель отправил посланника к китайскому двору; в 713—741 гг. посланы были танцовщицы. Правитель Na-lo-yen жаловался на притеснения арабов. В 742—755 гг. правителем I-si-lan-se-kin были посланы ко двору лошади. Другой китайский источник приводит текст письма правителя Na-lo-yen, датированного 719 г. В письме указывается, что соседние государства уже подчинились арабам и что последние ограбили его и его народ. Правитель просит помощи и обещает и впредь стеречь западные двери империи.[1]

Мы видим, таким образом, что местности к северу от Аму-дарьи в VI в. впервые подвергаются турецкому нашествию. Что касается саков, то они считаются иранцами;[2] язык тохаров В. В. Бартольд относит к иранским языкам, тогда как вопрос об этнической принадлежности эфталитов является, повидимому, до сего времени не разрешенным.[3] В. В. Бартольд пишет: «Очень вероятно, что эфталиты вышли из среды оставшихся на востоке соплеменников юечжийцев»;[4] в таком случае их следует, повидимому, также считать иранцами. Возможно, иранским же оставалось население Средней Азии и перед арабским завоеванием в эпоху господства турок, которые «в противоположность юечжийцам и эфталитам, оставались в степях, в бывших владениях усуней, хотя подчинили себе культурные области и в некоторых из них посадили князей

---

[1] E. Chavannes. Documents sur les turcs occidentaux. Сб. Трудов Орхонской экспедиции, VI. СПб., 1903, стр. 164, 204, 279.

[2] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 3.

[3] V. Minorsky. Hudūd-al-'Ālam. Translated and explained. London, 1937, стр. 362.

[4] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 9.

Рис. 5. Ландшафт в Каратегине.

турецкого происхождения».[1] К туркам принадлежал лишь господствовавший класс завоевателей: «в культурных местностях Туркестана были династии турецкого происхождения, но, повидимому, еще не было оседлого населения, говорившего по-турецки».[2] Сказанное здесь о преобладании иранского населения, повидимому, с неменьшей долей вероятности может быть отнесено и к Каратегину, как району, более изолированному и имевшему меньше шансов подвергаться оседанию новых этнических элементов.

С другой стороны, согласно арабским источникам, как мы это увидим ниже, Каратегин и в арабский период являлся пограничной страной по отношению к кочевникам-туркам.

У арабских географов средних веков мы находим известия о «Раште», под которым следует видеть Каратегин. Это отождествление, основанное на вычислении расстояний между отдельными пунктами, указываемыми источниками, признано рядом авторитетных исследователей.[3]

Наиболее ранний арабский географ ибн Хордадбех (конец IX в.) указывает, что от Вашгирда, отождествляемого обычно с Файзабадом, до Рашта четыре дня пути. Он указывает далее, что Рашт составляет границу Хорасана и расположен в узкой долине между двумя горами. Здесь проходили турки, когда они захватывали страну.

---

[1] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 10.

[2] Там же, стр. 26.

[3] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II. СПб., 1900, стр. 72; Его же. Рецензия на книгу Chavannes «Documents sur les turcs occidentaux». Записки Восточн. Отд. Русского Археол. Об-ва, 1903, XV; W. Tomaschek. Sogdiana. Wien, 1877, стр. 43 и 50; Minorsky. Hudūd-al-'Alam. Translated and explained. London, 1937, стр. 361.

Аль Фадль ибн Яхья ибн Хамид ибн Бармак построил здесь ворота.[1]

Сведения о Раште мы находим и у других арабских географов: ибн Русте (начало X в.) и Якуби (конец IX в.). Ибн Русте сообщает следующее: «В Джейхун впадает несколько рек; из них большая река, называющаяся Вахшаб, она проходит из верхней части страны турок-карлуков и течет в область Фамир, затем в область Рашт. Затем в область Камиз, затем проходит между двумя горами, между границей Вашджирда и волостью из страны Хутталь, называющейся Тамлиат... И из них (рек, впадающих в Джейхун) река Замул (В. В. Бартольд читает Рамид. *Н. К.*), выходящая из области Рашт между началом границы Вашджирда и Саганианом, когда он входит в пределы Саганиана; в нее впадает несколько рек, выходящих из гор Буттам, гор Санам, Нахам и Хаур, они называются Камруд, Нахамруд и Хауруд...»[2] В. В. Бартольд приурочивает Вахшаб к р. Сурхобу — Вахшу, Памир в данном случае к Алаю, Вашджирд — к Файзабаду, Хутталь — к области между Пянджем и Вахшем, р. Рамид — к истокам р. Кафирнигана — р. Рамид-дарье, р. Кум — к р. Каратаг-дарье, а область Сагаииан—к долине р. Сурхана.[3] Якуби указывает, что от города Мунк (по В. В. Бартольду соответствовавший современному Бальджуану) идет «граница со страной турок до места, называющегося Рашт, Камад и Бамир».[4] Тот же автор говорит, что Вашд-

---

[1] Ибн Хордадбех. Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Lugd. Batavorum, 1870, VI, стр. 24. Пользуюсь русским рукописным переводом арабских географов, сделанным и любезно предоставленным мне С. Л. Волиным.

[2] Ибн Русте. Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Lugd. Batavorum, 1892, VII, стр. 92.

[3] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II. СПб., 1900, стр. 70 и след.

[4] Якуби. Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Lugd. Batavorum, 1892, VII, стр. 289.

жирд является городом и большой неприступной крепостью, а в его округе 700 неприступных крепостей, потому что делаются набеги на турок, причем расстояние до страны Туркестан равно 4 фарсахам.[1]

Следующий арабский географ, писавший в середине X в., Истахри, в своем описании Мавераннахра упоминает о странах, лежащих на востоке последнего — Фамире и Раште. Перечисляя реки, притоки Джейхуна (Пяндж — Аму-дарья), он указывает и Вахшаб (Вахш), выходящий из страны турок. Тот же автор, приводя расстояния между отдельными пунктами в Мавераннахре, говорит, что от Вашджирда до Илака день пути, до Дарбанда еще день, до Джавкана еще день, и, наконец, еще два дня пути до Калы (крепости), которая относится к Рашгу.[2] Известия о Раште (в транскрипции Жашт) мы находим также у анонимного автора рукописи конца X в., написанной на персидском языке, открытой в Бухаре в 1892 г. стараниями А. Г. Туманского и изданной в 1930 г. В. В. Бартольдом.[3] В ней указано, что Рашт — горная местность между Бутманом и Хутталяном, имеющая много волостей и обработанных земель, и знатные люди страны называются дехканами Рашта.

Выше мною было указано, что Е. Шаванн отождествляет Каратегин со страной Kiu-mi-t'o Суань-цзяна. Kiu-mi-t'o, по словам Шаванна, есть не что иное, как Кумед арабских географов (см. выше) и страна Комедов Птоломея.[4] Как известно, сведения Птоломея (II в.) о стране

---

[1] Якуби, указ. соч., стр. 293.

[2] Истахри. Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Lugd. Batavorum, 1870, I, стр. 286, 296, 340; В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II. СПб., 1900, стр. 72—73.

[3] Худуд-ал-'алем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Акад. Наук СССР, Л., 1930.

[4] E. Chavannes. Documents sur les turcs occidentaux. Сб. трудов Орхонской экспедиции, VI. СПб., 1903, стр. 279.

Комедов заимствованы им из сочинений своего предшественника Марина Тирского; последний приводит маршрут приказчиков македонского купца Маэса, ездивших в Китай за шелком.[1] Таким образом, вопрос о местонахождении страны Комед приобретает еще большее значение в связи с тем, что через нее проходил один из важнейших путей древности, соединявший Китай со странами Запада.

К числу сторонников мнения о том, что Кумед тождественен Каратегину, принадлежал известный русский естествоиспытатель Н. Северцов, на выводах которого основывается Шаванн. Свой взгляд Северцов изложил в статье, посвященной древним маршрутам через Памир, напечатанной в «Бюллетене Французского Географического Общества».[2] Автор довольно убедительно указывает на то, что если основываться на сообщении ибн Русте о течении р. Вахша, то как Рашт, так и страна Кумед должны были находиться ниже Алая и выше каменного моста на Вахше, т. е., другими словами, на территории современного Каратегина. Действительно, каждому, знакомому с географией района, известно, что р. Вахш, покидая территорию Каратегина несколько ниже впадения речки Оби-гарм, вскоре попадает в почти непроходимые теснины, из которых она выходит лишь близ каменного моста — «пули сангин». Вместе с тем Северцов полагает, что путь Птоломея проходил именно через Каратегин.

Еще Вивьен де сан Мартен, указывая на отождествление А. Cunningham'ом Kiu-mi-t'o с Комедом Птоломея, подчеркивал, что местоположение Комеда остается неяс-

---

[1] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 13—14.

[2] N. Severtzov. Etudes de Géographie Historique sur les anciens itineraires à travers le Pamir. Bulletin de la Societé de Géographie. Paris, 1890, XI. Ср. также мнение А. Стейна, посетившего Каратегин уже в XX в. (Innermost Asia, II. Oxford, 1928, стр. 849 893—894).

ным.[1] Английский исследователь Г. Юль полагал, что Комед (Kiu-mi-t'o Суань-цзяна) — современные Дарваз или Дарваз и Рушан вместе, а древнее название сохранилось в названии крепости Калаи-хум, главного города Дарваза;[2] другой английский исследователь — Г Роулинсон также полагал, что Комед (Kiu-mi-t'o) следует искать в Дарвазе.[3] Этого же мнения держался и В. Томашек, отождествлявший Kiu-mi-t'o с Дарвазом, Ванджем и Рушаном.[4] Среди русских исследователей на той же точке зрения стоял И. П. Минаев, ссылавшийся на трех указанных выше авторов.[5] А. П. Федченко в своих примечаниях к работе Юля, повидимому, также склоняется к мысли, что Кумед (равно как и Рашт) следует искать в Дарвазе и Рушане, что заставляет его даже усомниться в правильности свидетельств ибн Русте.[6] Эту точку зрения А. П. Федченко подверг критике Н. А. Маев, первый из европейцев, попавший в 70-х годах XIX в. в восточную Бухару и непосредственно видевший Вахш; сам Н. А. Маев неопределенно полагал, что «под одним из названий: Раст и Комед — должен скрываться нынешний Каратегин».[7] Геолог И. В. Мушкетов полагал, что страна Комедов соответствует современному Гиссару; он приводит

---

[1] Статья Вивьена де сан Мартена в книге Hiouen-Thsang «Mémoires sur les contrées occidentales», II. Paris, 1857—1858, стр. 292.

[2] Г. Юль. Очерк географии и истории верховьев Аму-дарьи. Прилож. к Изв. Русского Географ. Об-ва, 1873, IX, стр. 7.

[3] H. C. Rawlinson. Monograph on the Oxus. Journal of the Royal Geographical Society, London, 1872, v. XLII, стр. 498.

[4] W. Tomaschek. Sogdiana. Wien, 1877, стр. 48—49.

[5] И. П. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-дарьи. СПб., 1879, стр. 59.

[6] Примечания А. П. Федченко к упомянутой книге Юля, стр. 69—71.

[7] Н. А. Маев. Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства. Изв. Русского Географ. Об-ва, 1876, XII, в. 4, стр. 208.

также мнение Рихтгофена по поводу того, что путь Птоломея проходил через Каратегин и Алай, но считает такой вариант пути невероятным по своей трудности.[1] Наконец, Н. А. Аристов, считая, что древний Рашт соответствовал нынешнему Каратегину, искал страну Кумед в бассейне р. Хингоу или же в нижнем Каратегине, а именно на левом берегу р. Вахша, ниже впадения р. Хингоу.[2]

В. В. Бартольд высказывается против отождествления Комеда с Каратегином. Еще в 1900 г. в своей капитальной работе «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» он противопоставляет Кумед Рашту, который соответствовал Каратегину, и указывает, что по рукописи Туманского в этой области (Кумед) находились верховья Кафирнигана, а один из истоков р. Сурхана, р. Каратаг-дарья, носил название Кум.[3] Таким образом, как будто бы следует считать, что страной Комед называлась область, занимавшая южный склон Гиссарского хребта. В 1903 г. В. В. Бартольд еще категоричнее возражает против отождествления Кумеда с Каратегином в рецензии на книгу Шаванна. Он полагает, что на востоке область Кумед занимала территорию современного Дарваза, в то время как на западе в состав ее входили верховья рек Кафирнигана и Сурхана.[4] Это же возражение Шаванну В. В. Бартольд повторяет в своей статье «Каратегин»,[5] считая, тем не менее, что путь Птоломея проходил через Каратегин. Наконец, в одной из последних своих работ В. В. Бар-

---

[1] И. В. Мушкетов. Туркестан, I. СПб., 1886, стр. 52.

[2] Н. А. Аристов. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах. Русский Антропол. журнал, 1902, № 3, стр. 82.

[3] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II. СПб., 1900, стр. 72.

[4] В. В. Бартольд. Рецензия на книгу E. Chavannes «Documents sur les turcs occidentaux». Записки Восточн. Отд. Русского Археол. Об-ва, 1903, XV, стр. 0177—0178.

[5] W. Barthold. Статья «Karategin» в Encyclopédie de L'Islam, II. Leyde—Paris, 1927.

тольд высказывает мнение, что в состав Кумеда входили нынешний Дарваз и северная часть Бадахшана.[1]

Страна Кумед была населена народом кумиджиев. Некоторые сведения о них сообщаются автором рукописи Туманского. Этот автор указывает, что кумиджии проживали между Хутталяном и Чаганианом (Хутталян — область между Пянджем и нижним Вахшем; Чаганиан — долина р. Сурхана), причем делились на две группы — Хутталянскую и Чаганианскую. Он упоминает кроме того отдельно группу турок — канджина, проживавших также между Хутталяном и Чаганианом и занимавшихся грабежами караванов.[2] Вопрос об этнической принадлежности кумиджиев, разрешение которого могло бы пролить свет на соотношение иранских и турецких элементов на территории современного горного Таджикистана в средние века, остается в настоящее время, повидимому, нерешенным. В. В. Бартольд указывает, что арабский географ второй половины X в. Макдиси причисляет кумиджиев к туркам.[3] В. Минорский в своих комментариях к переводу рукописи Туманского приводит все имеющиеся данные по вопросу о происхождении кумиджиев и приходит к тому выводу, что кумиджии были потомками прежних поселенцев области, возможно, даже древних саков. Он ссылается, между прочим, на Птоломея, согласно которому страна Кумед была населена племенем саков — комедами.[4]

Арабы появились в горных местностях к северу от р. Аму-дарьи уже в конце VII в. Полководец Муса в те-

---

[1] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 14.

[2] Худу́д-ал-'а̄лем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Акад. Наук СССР, Л., 1930, лист рукописи 25-а.

[3] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II. СПб., 1900, стр. 72.

[4] V. Minorsky. Hudūd-al-'Ālam. Translated and explained. London, 1937, стр 362—363.

чение 15 лет владел Термезом (689—704 гг.); в раздорах между арабскими полководцами упоминаются хуттальский царь, саганианский царь и цари Шумана и Ахруна (Гиссарская долина).[1] В 40-х годах VIII в. наместник Хорасана Асад ибн Абдаллах вел борьбу около Термеза и в Хуттале; самый Хутталь был завоеван арабами; в этой борьбе владетель Саганиана (саган-худат) был союзником арабов.[2] В середине VIII в. Абу-Давуд Хамид ибн Ибрагим, наместник Балха, действовал в Хуттале, причем владетель последнего бежал в Китай.[3] В начале IX в. жители Саганиана и Хутталя были сторонниками мятежника Рафи.[4]

В эпоху Саманидов упоминаются саганианские эмиры Абу-Бекр Мухаммед и его сын Абу-Али Ахмед, которые были наместниками Хорасана; последний из них в союзе с другими местными владетелями областей по верхнему течению р. Аму-дарьи поднял восстание против центрального бухарского правительства.[5] Все местные династии горных областей современного Таджикистана в этот период, повидимому, лишь номинально подчинялись Саманидам и, по известиям Макдиси, посылали им только подарки, а не подати. Саганианские эмиры сохранили свою власть и после падения династии Саманидов.[6] Эмиры Саганиана и Хутталя упоминаются в качестве союзников Сабук-тегина (основателя династии Газневидов), выступившего в 996 г. на помощь Саманиду Нуху против Караханидов.[7]

---

[1] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II. СПб., 1900, стр. 187.

[2] Там же, стр. 194—195.

[3] Там же, стр. 200.

[4] Там же, стр. 205.

[5] Там же, стр. 253, 257—258, 260.

[6] Там же, стр. 243—244.

[7] Там же, стр. 276.

Термез, Саганиан, Хутталь и Кувадиан (Кабадиан) при Газневидах находились в зависимости от последних. Газневид Махмуд снаряжал корабли в Хуттале, Кувадиане и Термезе, и в его походах принимал участие саганианский эмир.[1] В 1035 г. караханидские царевичи, союзники хорезмшаха Харуна и враги Газневидов, произвели нападение на Термез и Саганиан, причем правитель последнего, Абул-Касым, бежал на север в страну кумиджиев.[2] В 1038 г. состоялся поход Мас'уда газневидского в Саганиан к Шуману (вероятно, Гиссар) против караханидского царевича Бури-тегина; последний набрал себе войско в стране кумиджиев и производил опустошения в Вахше и Хуттале.[3] С усилением сельджукских султанов Хутталь и Саганиан должны были подчиниться им; восстание местных владетелей было усмирено Алп-Арсланом.[4]

В XII в. часть горных областей к северу от р. Аму-дарьи (Саганиан, Вахш) подчинялась, повидимому, в течение некоторого времени Гуридам.[5] Имеется упоминание о неудачном нападении на Термез в 1158 г. хуттальского владетеля Абу-Шуджа'Фаррух шаха.[6] В начале XIII в., незадолго до монгольского нашествия, некоторые области к северу от р. Аму-дарьи, бывшие ранее во владении Гуридов, перешли во власть хорезмшаха Мухаммеда; среди пленных владетелей, находившихся в Хорезме, упоминается и владетель Вахша.[7] Наконец, во время монгольского нашествия завоевателями, как известно, был взят Термез; один монгольский отряд действовал на

---

[1] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II. СПб., 1900, стр. 292, 297, 300—301.

[2] Там же, стр. 317.

[3] Там же, стр. 318—320.

[4] Там же, стр. 334.

[5] Там же, стр. 363.

[6] Там же, стр. 358—359.

[7] Там же, стр. 400.

Вахше.[1] Естественно, что упомянутые выше области при монгольском нашествии разделили судьбы других областей Туркестана, хотя во время проезда китайца Чан-Чуня к Чингис-хану горцы, жившие по верхним притокам р. Сурхана, еще не были окончательно усмирены.[2]

Наряду с теми сравнительно многочисленными сведениями о горных областях, расположенных к юго-западу от Каратегина, последний в домонгольскую эпоху почти совершенно не упоминается историками. В своей статье «Каратегин» В. В. Бартольд указывает, что в эту эпоху мы находим упоминание об одном лишь эмире Рашта Джафаре ибн Саманику, приводимое Гардизи и относящееся к 948—949 г. Этот эмир оказывал помощь мятежнику Абу-Али (см. выше).[3]

По словам В. В. Бартольда, согласно Макдиси, в эпоху Саманидов эмиры Рашта, наряду с другими владетелями, отправляли подарки центральному правительству, но не были обложены податями.[4]

В истории Тимура встречается упоминание о Каратегине, в форме Каир-текин (Caïr Tekin); там говорится, что при усмирении Тимуром восстания Кайхусрау последний бежал и направился в сторону Каир-тегина и Алая.[5] Точно так же Абд-ар-раззак Самарканди (1413—1482) при изложении событий, относящихся к 784 г. хиджры (1381 г.), указывает, что во время осады Келата Тимуром

---

[1] Р. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II. СПб., 1900, стр. 449—452.

[2] Там же, стр. 489.

[3] Там же, I. СПб., 1898, стр. 9.

[4] Там же, II. СПБ. 1900, стр. 242—243.

[5] Histoire de Timur-Bec, écrite en persan par Cherefeddin Ali, natif d'Iezd, I. Paris, 1722, стр. 179; ср. W. Barthold. Karategin. Encyclopedie de l'Islam, II. Leyde—Paris, 1927; Его же. Улугбек и его время, II. 1918, стр. 17.

последний имел при себе отряды горцев из ущелий Дарваза, Каратегина и Бадахшана.[1]

В эпоху Тимуридов встречается ряд известий о Гиссаре, который служил яблоком раздора между отдельными представителями этого царственного дома, а также о Каратегине. Эти известия мы находим в мемуарах знаменитого Тимурида Султана Бабура-мирзы. После смерти Тимурида Султана Махмуда (вероятно, в 1493—1494 г.), в состав владений которого входили также Термез, Саганиан, Гиссар, Хутталь, Кундуз и Бадахшан, борьба за власть разгорелась между его сыновьями и его коварным и решительным визирем Хосров-шахом. Гиссар был оставлен Султаном Махмудом своему старшему сыну Масу'ду. В 1495—1496 г. гератский владетель Тимурид Султан Хусейн предпринял поход на Гиссар; Масу'д бежал в Самарканд, часть его военачальников укрепилась в Гиссаре, а некоторые из них, так же как и проживавшие в Гиссаре монголы, бежали в беспорядке в Каратегин (Kara-Tekin). Военачальники Султана Хусейна преследовали неприятеля в Каратегине, его кавалерия одержала верх, и побежденные бежали далее, к Султану Бабуру в Андижан.[2] Но все же осада Гиссара была снята, и Султан Хусейн ушел обратно. В результате дальнейшей междоусобной войны Хосров-шах ослепил Масу'да, убил его брата Байсонкура и захватил Гиссар, Хутталь, Кундуз и Бадахшан.[3] К этому периоду относятся еще и другие упоминания о Каратегине; так, в 1498—1499 г. в Гиссар через Каратегин проходил один из военачаль-

---

[1] Абд-ар-раззак Самарканди. Рукопись Института Востоковедения Акад. Наук СССР, С 449, л. 123-а. Указано мне О. И. Смирновой.

[2] Babar-Nama. Gibb Memorial series, I. Leyden — London, 1905, л. 33-в и 34.

[3] Там же, л. 57-в и след.; Вамбери. История Бохары, II. СПб., 1873, стр. 15.

ников Узун-Хасан;[1] в 1499—1500 г. к Бабуру присоединился Султан Ахмад-мирза, пришедший из Каратегина. «После смерти Байсонкура-мирзы, — пишет Бабур, — Султан Ахмед-караул, отец Куч-бека, вместе с братьями, семьей и зависимыми людьми, оставив каратегинский вилайет, прибыл к нам.[2]

Наконец, рассказывая о своих собственных приключениях в 1500—1501 г., когда ему пришлось испытать судьбу бездомного скитальца, Бабур сообщает следующее: «Лишившись своих владений, мы вынуждены были пройти через все владения Хосров-шаха, несмотря на то, что последний совершил столько притеснений по отношению к членам нашей династии. Мы полагали, что, пройдя Каратегин и Алай, достигнем младшего дядю по матери Алача-хана, однако это не удалось».

В результате Бабур со своими спутниками избрал дорогу вверх по долине Кемруда, по которой они прибыли в область Фан.[3]

Мы видим, таким образом, что на рубеже XVI в. Каратегин оказывается до известной степени втянутым в орбиту политической жизни Туркестана, хотя политическая жизнь самого Каратегина остается нам неизвестной. Можно лишь предполагать, что и тогда он находился под властью местной династии, вероятно, недостаточно сильной, чтобы воспрепятствовать вторжению в страну иноземных отрядов более могущественных правителей.

С начала XVI в. Туркестаном завладевают узбеки под

---

[1] Babar-Nama, л. 63-в.

[2] Там же, л. 69-в.

[3] Там же, л. 81. К тому же времени относятся упоминания о Каратегине в записках другого принца (двоюродного брата Султана Бабура) мирзы Мухаммеда Хайдара (The Tarikh-i-Rashidi, The Translation by E. Denison Ross. London, 1895, Index). Этим автором Каратегин характеризуется как «страна крепостей», куда спасались бегством некоторые потерпевшие поражение военачальники.

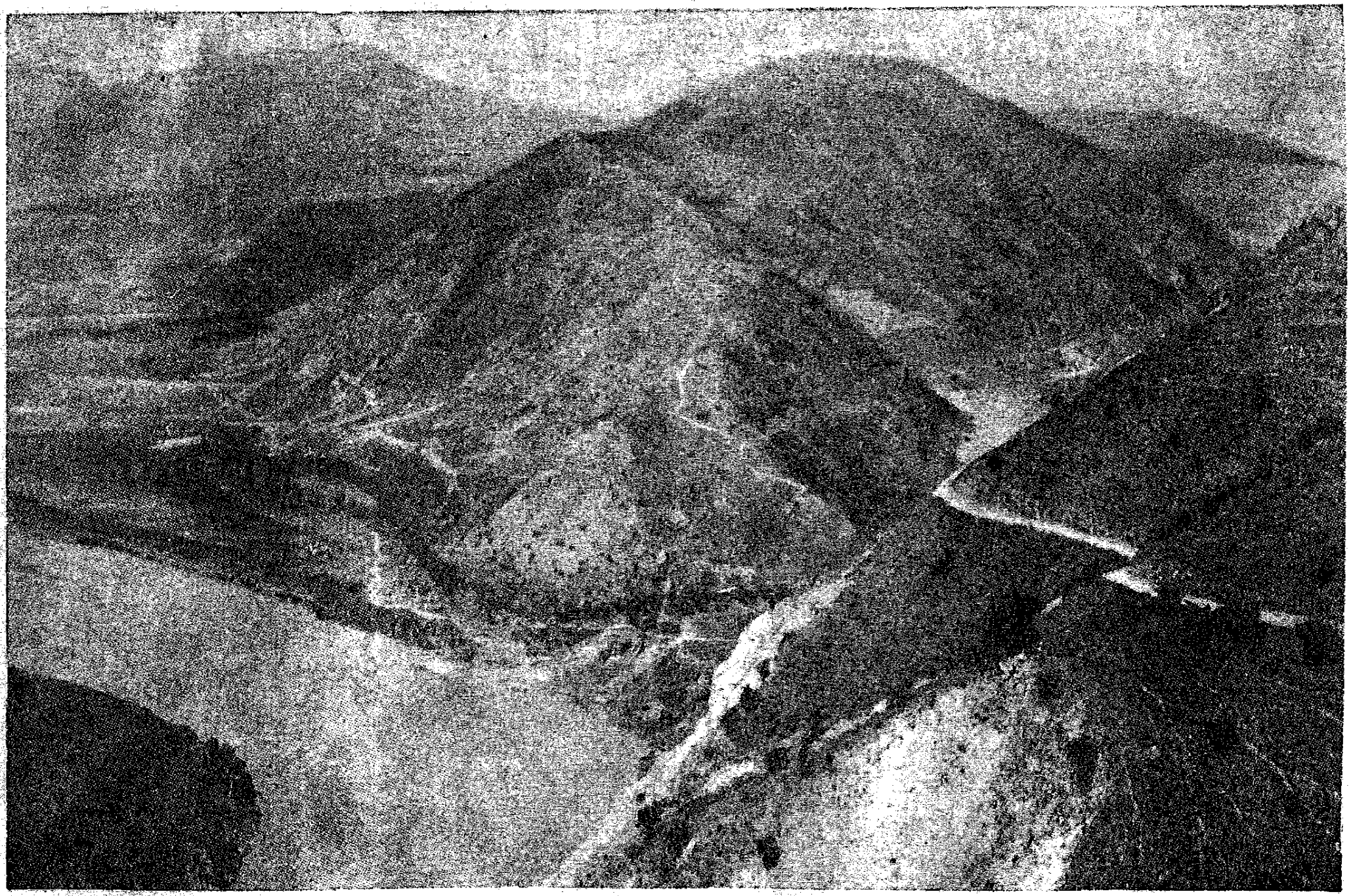

Рис. 6. Река Вахш близ устья р. Оои-гарм.

предводительством Шейбани-хана. Среди завоеванных ими областей упоминается и Гиссар с окрестностями, а также области к югу от р. Аму-дарьи — Бадахшан, Кундуз и Балх.[1] Но уже через несколько лет эти последние вновь были заняты Тимуридами.[2] В течение некоторого времени Тимуридам, повидимому, удалось укрепиться также и на северном берегу р. Аму-дарьи: индийский император Хумаюн, сын Бабура, назначил брату своему Камрану провинцию Хутталян или Куляб до границы Мука и Каратегина; в то же время Мирзе Аскару дан был округ Каратегин. Но эти назначения являлись лишь номинальными: Куляб хотя и считался зависимым от Бадахшана, но имел своего правителя, а Каратегин был, вероятно, совершенно независим.[3]

Тимуриды продержались в Бадахшане до 1584 г., когда последний был завоеван Шейбанидом Абдулла-ханом,[4] равно как и другие области к югу и северу от р. Аму-дарьи.[5] В нашу задачу не входит изучение истории всех этих областей. Укажем только, что как Гиссар и области, лежащие к югу от него и прилегающие к р. Аму-дарье с севера, так равно и Бадахшан, Кундуз и Балх со времен Абдулла-хана попадают под власть узбеков, иногда пользовавшихся независимостью, чаще же находившихся под главенством Бухары. Время от времени источники сообщают о восстаниях против центрального

---

[1] Г. Вамбери. История Бохары, II. СПб., 1873, стр. 18, 22; Г. Юль. Очерк географии и истории верховьев Аму-дарьи. Прилож. к Изв. Русского Географ. Об-ва, 1873, IX, стр. 5.

[2] В. В. Бартольд. Таджики. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 106; Г. Юль. Очерк географии и истории верховьев Аму-дарьи. Прилож. к изв. Русского Географ. Об-ва, 1873, IX. стр. 5—6.

[3] W. Erskine. A History of India, II. London, 1854, стр. 359—360.

[4] В. В. Бартольд. Таджики. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 106.

[5] Г. Вамбери. История Бохары, II. СПб., 1873, стр. 46.

правительства в Гиссаре[1] и в некоторых других областях,[2] но все же к началу XIX в. Гиссар и Термез упоминаются в составе владений Мира Хайдара,[3] тогда как области за р. Аму-дарьей постепенно уходят из рук бухарских эмиров и попадают к этому времени под власть усиливающегося Афганистана.

Мне известны лишь немногие отрывочные известия о Каратегине, относящиеся к первым трем векам господства узбеков. Так, Вамбери передает о том, что возмутившийся Беди-эз-земан, племянник одного из первых представителей династии Аштарханидов, Баки-Мухаммед-хана, удалился в 1602 г. в гористый Каратегин; возмущение окончилось после взятия укрепленного места Меджа (Матча).[4] В. В. Бартольд приводит сообщение историка Махмуда ибн Вели о том, что «в реджебе 1045 г. (11 декабря 1635 г. — 9 января 1636 г., т. е. зимой, когда Каратегин вообще считается непроходимым) через Каратегин прибыли в Гиссар 12 000 семейств киргизов (кара-киргизов), считавшихся кафирами, под начальством 12 предводителей, которые все в начале следующего месяца были приняты узбецким ханом в Балхе».[5] В. В. Бартольд приводит тут же другое сообщение Махмуда ибн Вели о соседнем с Каратегином Дарвазе, а именно о том, что «только в 1047 г. (1637—8) узбекам в первый раз подчинилась крепость в области Хутталян, Калаи-Хум (Кала-и-

---

[1] Г. Вамбери. История Бохары, II. СПб., 1873, стр. 97—119; J. Senkovski. Supplément à l'histoire générale des Huns, des Turcs et des Mongols. St. P., 1824, стр. 51, 67—72.

[2] Г. Вамбери. История Бохары, II. СПб., 1873, стр. 73; J. Senkowski, там же, стр. 46, 53—54.

[3] Mir Abdoul Kerim Boukhary. Histoire de l'Asie Centrale. Publiée, traduite et annotée par Charles Schefer. Paris, 1876, стр. 170.

[4] Г. Вамбери. История Бохары, II. СПб., 1873, стр. 73.

[5] В. В. Бартольд. Таджики. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 107; см. также статью В. В. Бартольда «Karatégin». Encyclopédie de l'Islam, II. Layde—Paris, 1927.

Хумб, главный город Дарваза); во главе узбеков был Бакы-аталык, из рода ойратов; владетель Шах-Гариб был убит, и его голова была отправлена в Бухару». Правителем был оставлен брат убитого — Шах-Кыргыз.[1] Местные предания говорят, что Шах-Кыргизу удалось объединить под своей властью на некоторое время соседние страны — Бадахшан, Рушан, Шугнан, а также Каратегин, причем передающий это предание Кузнецов относит события к XVI в.[2] В. В. Бартольд указывает также, что, по сообщению Масловского, местные жители связывают имя Шах-Кыргиза с именем Абдулла-хана и объясняют эту хронологическую неточность тем, что многие выдающиеся события того времени обычно связываются с именем Абдулла-хана.[3]

Наконец, мы находим упоминания о Каратегине в рукописи «Таарихи Бадахшан», составленной мирзо Санг-Мухаммедом Бадахши в начале XX в. Автор в связи с историей Бадахшана XVII—XIX вв. приводит и некоторые известия о соседних странах и событиях в них. Он сообщает, что в начале XVII в. (точно установить дату невозможно; события относятся к периоду между 1718 и 1729 гг.), в период междоусобиц, бадахшанцы призывали к себе калмыков с р. Или. После одной из понесенных неудач калмыки отправились в обратный путь на родину, через Дарваз и Каратегин, но по дороге в местности Каратегин они подверглись нападению, были ограблены и перебиты, и ни один из них не вернулся домой невреди-

---

[1] В. В. Бартольд. Таджики. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 106—107.

[2] Кузнецов. Дарвоз, Новый Маргелан. 1893, стр. 2; ср. Зайцев. Памирская страна — центр Туркестана. Ежег. Ферганской области, 1903, II, стр. 21; Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. Военный сборник, 1883, № 11, стр. 145.

[3] В. В. Бартольд. Таджики. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 107.

мым.[1] Другое сообщение относится к концу того же XVIII в. (между 1770—1802 гг.). Мир-Махмуд-ша призвал к себе на помощь в Бадахшан дарвазского ша Мансур-хана. В ночь перед битвой с неприятелем один из каратегинских ша, ша Балту, находившийся со своими людьми, повидимому, в войске Мансур-хана, замыслил недоброе против последнего. Для этого среди ночи он вошел в шатер к Масур-хану, но выполнить свой замысел не смог. Мансур-хан догадался о намерениях ша; видя такое несогласие в своей среде, он не проявил особенного усердия в начавшейся на утро битве, а затем поспешил вернуться в Калаи-хумб, не отпуская ша Балту от себя. В Калаи-хумбе правитель Дарваза призвал ша Балту и велел ему отправляться домой (очевидно, в Каратегин) с войском и свитой и сделать необходимые военные приготовления, так как он (Мансур) не замедлит явиться вслед, чтобы свести счеты.[2] Приведенное свидетельство говорит, повидимому, за существование в то время известных вассальных отношений каратегинских ша по отношению к правителю Дарваза.

*

* *

Познакомившись с немногочисленными историческими сведениями о Каратегине, с древнейших времен по конец XVIII в., перейдем теперь к устным преданиям, относящимся к этой стране.

Все эти предания согласны между собою в том, что Каратегин в прошлом был заселен народом тюркской группы — киргизами. Одно из них (кишлак Яхак-паст) гласит следующее. Первоначальными обитателями Каратегина были киргизы, которые заселяли его дважды. Первым переселенцем был некто Тегин-ато, родом из кир-

[1] Таарихи Бадахшан. Рукопись Института Востоковедения Акад. Наук СССР, № В 2311, л. 21-а, 21-б.

[2] Там же, л. 68-в, 69-в.

гизского духовенства; он имел двух братьев — Сайрам-ато и Аулио-ато. Тегин-ато пришел в Каратегин со своими мюридами, среди которых были как киргизы, так и таджики, благоустроил его и был в нем правителем в течение ряда лет. В это время Бухара воевала с Ираном, причем бухарский правитель, несмотря на то, что собрал отовсюду многочисленное войско, был разбит. Тогда он обратился за помощью к Тегину-ато. Тегин отправился в Бухару, разбил войско иранского шаха и стал в Бухаре правителем, а войска его вернулись в Каратегин. Вскоре после возвращения воинов из бухарского похода в Каратегине появилась эпидемия какой-то страшной болезни, во время которой погибло почти все население. Среди немногих уцелевших оказался и сын Тегина — Кара, который взял себе в жены киргизку Тегин-ой. Он привел из Киргизии новых поселенцев, и по имени его самого и его жены стала называться страна. Каратегин постепенно благоустраивался: население стало заниматься хлебопашеством, проводить арыки для орошения полей, сажать деревья, разводить сады. Поселения были расположены в низовьях вдоль р. Сурхоба. Зимой жили в селениях по берегам р. Сурхоба, а летом поднимались в горы, на альпийские пастбища. Население жило богато, привольно и имело много скота.

Спустя некоторое время в Каратегине стали появляться переселенцы — таджики; они приходили из соседних таджикских малоземельных районов, главным образом из Вахио, и нанимались на работу и в услужение к киргизам. В нижнем Каратегине, в Яхак-Юсе и в Оби-гарме собиралось население из Куляба и также нанималось к киргизам. Приходили переселенцы и из Матчи. Каждый приводил с собою семью, так как жить в Каратегине было легко. Работники-таджики жили постоянно на летовках, чтобы зимой стеречь здесь запасы сена. Наконец, таджики, собравшись в большом числе, постепенно стали

брать перевес над киргизами и подчинять их себе. Киргизы под давлением таджиков начали переселяться вверх по долине р. Сурхоба и, наконец, остановились на своем теперешнем местопребывании, в верхнем течении реки. Это вытеснение киргизов сопровождалось, по преданию, и военными действиями против последних. Во главе таджикских вооруженных отрядов стояли представители того шахского рода, который вел свое происхождение якобы из Балха, а впоследствии правил Каратегином. В Калаи-ляби-обе сохранилось воспоминание о битве одного из гармских ша с киргизами у кишлака Мазори-шинг, после чего последние отступили вверх по долине. Наконец, в Хаите пришлось слышать рассказ о битве одного из ша — Авзоль-хона — с киргизами на равнине близ кишлака Нушор.

Как известно из имеющихся исторических свидетельств, киргизы упоминаются впервые в Тянь-шане в начале XVI в., причем нет никаких сведений, откуда и когда они пришли туда. В более ранние века киргизы были известны на Енисее.

Вряд ли будет ошибкой допустить, что, начиная с указанного времени, волны киргизских переселенцев могли неоднократно проникать в Каратегин и задерживаться там на более или менее длительные сроки. Выше уже указывалось на приводимые В. В. Бартольдом свидетельства Махмуда ибн Вели о проходе через Каратегин зимой 1635—1636 г. 12 000 семейств киргизов. В. В. Бартольд замечает, что с этим событием, вероятно, было связано поселение киргизов в Каратегине, а также отмечает предание, по которому Каратегин принадлежал раньше киргизам. [1]

Предания, сохранившееся среди самих киргизов, также указывают на пребывание последних в XVII—XVIII вв.

[1] В. В. Бартольд. Таджики. Сб. «Таджикистан», Ташкент 1925, стр. 107; Его же. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 39.

Рис. 7. Горный кишлак в Каратегине.

в Каратегине. П. П. Иванов сообщил мне слышанное им в 1927 г. в г. Фрунзе среди киргизов предание, согласно которому киргизы, спасаясь от нашествия калмыков, два раза переселялись в Фергану и лежащие к югу от нее районы. Первое из этих переселений произошло лет 300, а второе — лет 200 тому назад. Во время последнего переселения киргизы, по преданию, пробыли на Алае, в Каратегине, Гиссаре и Кулябе 17 лет, а затем в течение 15—20 лет перекочевывали обратно в Тянь-шань.

В связи с первым из этих переселений находится, по-видимому, вышеприведенное известие В. В. Бартольда о проходе 12 000 семейств, в то время как в связи со вторым уместно будет привести следующее замечание В. В. Бартольда: «На так называемой карте Рената (в действительности калмыцкой карте, вывезенной Ренатом в 1733 г.) буруты (киргизы. — *Н. К.*) отмечены только в Фергане, к югу от Сыр-дарьи; возможно, что киргизы были вытеснены из Тянь-шаня ойратами и вернулись туда только после разрушения ойратской державы китайцами в 1758 г.».[1]

По преданиям, записанным Г. В. Покровским и Н. И. Стоговым среди алайских киргизов, последние в союзе с бухарцами в XVII в. отражали набеги калмыков на берегах Катта-карамук-сая, т. е. на восточной границе Каратегина. Спустя некоторое время после окончания борьбы с калмыками по Алаю прошел мор (вероятно, вспышка чумы), от которого погибло все живое. Далее предание сообщает, что в начале XVIII в. киргизы рода Кесек переселились из Каратегина на Алай, а киргизы рода Теит пришли туда же из местности Занку (район Джиргаталя).[2]

---

[1] В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 47.

[2] Г. В. Покровский и Н. И. Стогов. Алайские аульные общества Маргеланского уезда в 1909 г. Статист. обзор Ферганской области за 1911 г. Скобелев, 1914, стр. 79—80.

В конце XIX в. А. А Бобринскому пришлось слышать также от киргизов о том, что на Алае некогда жил пришедший из Кашгара народ чунг-багыш, погибший затем от мора. После гибели этого народа, четыреста лет, а по другой версии — двести лет тому назад, на Алай явились киргизы, пришедшие из Куляба и Гиссара.[1] Отметим здесь, что чон-багыш, равно как и сары-багыш являются киргизским племенем отдела Тагай.[2]

Таким образом, все предания, записанные среди самих киргизов, в той или другой степени совпадают с вышеприведенным преданием каратегинских таджиков о двух волнах киргизов-переселенцев в эти страны и о происшедшей между этими двумя переселениями эпидемии.

Укажем еще на ряд фактов, свидетельствующих о пребывании в прошлом киргизов в Каратегине.

Первый факт — современное расселение киргизов в восточной части Каратегина, выше Хаита, в районе Джиргаталя, а также в Алайской долине. Незначительные поселения киргизов имеются и ниже Хаита, на правом берегу р. Сурхоба; это кишлаки Ходжа-назар, Гыргуни и Пусида-шух. Характерно, что кишлаки эти имеют крайне убогий вид по сравнению с кишлаками окружающих таджиков, совершенно лишены растительности, не имеют удобной для посевов земли. Население этих кишлаков большую часть года проводит на летних пастбищах со своим скотом, возвращаясь в кишлак лишь на холодные, зимние месяцы. Второй факт — это тюркская топонимика, имеющая столь широкое распространение в Каратегине. «Новейшие исследования доказали, — говорит по этому поводу Н. Г. Маллицкий, — что около 10% населения Каратегина живет в селениях, носящих названия различных кочевых племен, главным образом тюрк-

---

[1] А. А. Бобринский. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). М., 1908, стр. 23.

[2] В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 50.

ских... Возможно, что это потомки различных кочевых племен, вторгавшихся в разное время в Каратегин и впоследствии слившихся с таджиками.[1] Действительно, в списке населенных пунктов Каратегина мы встречаем ряд названий тюркского происхождения, как, например: Карашар, Кыз-дара, Кичигзы, Каирма, Каракот, Кача-манды. Кара-манды, Кара-махмуд. Аналогичных тюркских названий, бросающихся в глаза всякому, можно привести значительное число, а специальный лингвистический анализ, вероятно, еще сильно увеличил бы это последнее.

Отметим также, что даже некоторые, повидимому родственные, группы населения в том или ином кишлаке иногда носят тюркское название. Хотя мне не пришлось специально заняться этим вопросом, но укажу в качестве примера название «кыпчак», присвоенное группе населения большого кишлака Яхак-паст, а также название «кашгарй» — для жителей кишлака Ялдимич.

В-третьих, наконец, нужно отметить, что предания о киргизах не являются единичными, а имели и имеют повсеместное распространение среди таджиков Каратегина. Они были известны еще Абрамову, который сообщает в 1870 г. следующее: «Владение Каратиген, расположенное по долине реки Сурхау и его притокам считается вполне независимым. Только однажды оно было покорено Олай Киргизами,... кочующим по склонам гор к Кокану; но Олаи скоро были изгнаны, и с тех пор Каратигенцы никому не подчинялись».[2] Арандаренко также отмечает, что «рассказочная история о Каратегине... гласит, что первые землепашцы и основатели обитаемости здесь были

---

[1] Н. Г. Маллицкий. Учебное пособие по географии Таджикистана. Ташкент — Самарканд, 1929, стр. 103.

[2] К. А. Абрамов. Записка о Каратегинском владении, составленная по расспросам. Изв. Русского Географ. Об-ва, 1870, VI, стр. 106.

киргизы Кара и Тегин, по именам которых и называлась страна...»[1]

А. Стейн, посетивший Каратегин во время своего путешествия по Азии, также слышал предания о том, что лет 200 тому назад верхняя часть долины Сурхоба вплоть до Гарма была занята киргизами. Этот исследователь склонен объяснить оттеснение киргизов-скотоводов таджиками экономическими причинами, хотя указывает, что этому вытеснению содействовали также дарвазские ша, предпочитавшие извлекать доходы с земледельцев-таджиков, чем с кочевников-киргизов.[2]

В Хаите старики до сего времени сохраняют предания о том, что самый Хаит, равно как долину р. Ясмана, а на противоположном берегу р. Сурхоба — Калаи-ляби-об, некогда занимали киргизы, которые затем переселились вверх по р. Сурхобу, причем отдельные киргизские семьи до сего времени проживают в некоторых кишлаках, например в Осиоб-даре. Один из приходов-кварталов кишлака Хаит до сего времени носит название «хади киргизон» или «махаляи киргизон». Рассказывают, что во времена киргизов население жило, главным образом, в горах, на пастбищах, а на месте современного Хаита были сады, куда население собиралось для увеселения в праздничные дни.

Эти же предания с некоторыми вариантами сохранились и на левом берегу р. Сурхоба, в Калаи-ляби-обе и соседних с ним кишлаках. В бассейне р. Камароу имеется большое альпийское пастбище, носящее название «субадаль»; по словам местных жителей, на нем находятся киргизские могилы — «гури киргизон». В районе Гарма при распашке полей жители иногда обнаруживают

---

[1] Г. А. Арандаренко. Каратегин. Военн. сборник, 1878, № 5, стр. 126.

[2] A. Stein. Innermost Asia, II. Oxford, 1928, стр. 892.

в земле человеческие кости, осколки глиняной посуды и глиняных очагов, причем народная молва относит все эти предметы к киргизам.

В этом районе также распространены предания о первых устроителях страны — «Кара» и его жены «Тегин». Согласно этим преданиям, во времена киргизов окрестности Гарма были столь густо заселены и застроены, что домашние козы, играя, переходили по крышам домов от кишлака Халкарф (расположенного в 4—5 *км* выше Гарма) до Гарма, чтобы напиться воды в р. Сурхобе. О бытовании киргизов приходилось слышать также в Хосте, расположенном на левом берегу р. Сурхоба, ниже Гарма.

Другой стороной интересующей нас проблемы является вопрос о переселениях таджиков в Каратегин. То, что Каратегин постоянно пополнялся значительными волнами таджикских переселенцев из других районов, по крайней мере в течение последнего столетия, в настоящее время не подлежит никакому сомнению. О постепенном заселении страны вверх по долине р. Сурхоба таджиками в 80-х годах прошлого века сообщает В. Ф. Ошанин. «Как кажется, территория, занятая таджиками, — пишет он, — медленно расширяется, оттесняя на восток киргизские кочевки. Мне говорили, что лет сорок тому назад вся долина Сурхоба, выше устья Оби-Кабуда, принадлежала кара-киргизам. В настоящее же время пространство между устьями Оби-Кабуда и Оби-Занку занято таджиками». [1]

Для начала XX в. А. А. Семенов, наряду с указаниями на предания, производящие все таджикское население гор с равнин Самарканда и Бухары, отмечает, что в Каратегине встречаются предания о переселенцах

---

[1] В. Ф. Ошанин. Каратегин и Дарваз. Изв. Русского Географ. Об-ва, 1881, XVII, стр. 45.

с Ях-су.[1] Автор, писавший под инициалами А. С., указывает, что, по воспоминаниям населения, «каратегинцы вышли из Дарваза, из местности Вахио».[2] И, действительно, при детальном изучении вопроса на месте оказывается, что значительная часть населения Каратегина представлена выходцами из Вахио, в меньшей степени — Дарваза и некоторых других районов. Переселенцев из Вахио мы находим не только в левобережных кишлаках Каратегина, отделенных от первого лишь хребтом Петра, но также в районе Хаита, Гарма и даже долины р. Камароу.

Потомки переселенцев обычно всегда хорошо помнят, из какой местности или из какого кишлака переселились их предки, причем иногда кишлак, образованный переселенцами в Каратегине, носит название, одинаковое или сходное с тем, которое носит соответствующий кишлак в Вахио. Иногда же группа домохозяйств переселенцев называется по имени своего родного кишлака в Вахио.

Приведем несколько примеров. Население Хоста считает своих предков выходцами из Дарваза, из местности, носящей название Хост. Значительная часть жителей кишлака Яхак-паст, так называемых «вахиочей», ведет свое происхождение от переселенцев из Вахио, пришедших вместе с известным ишаном Аулио. «Вахиочи» имеются и в кишлаках, до революции составлявших ленное владение феодала Баладжона (Хишборак, Ярхаби-калон). Население Калаи-ляби-оба, по рассказам, является потомками переселенцев из различных кишлаков Вахио, в том числе и из Сары-дашта, Сайода, Вуджуна, Арганкуна. В кишлаке Хиссорак члены рода (qaun'a) Носири считаются выходцами из кишлака Сайод, члены рода

---

[1] А. А. Семенов. Этнографические очерки Заравшанских гор, Каратегина и Дарваза. СПб., 1903, стр. 19—20.

[2] А. С. Поездка в горную Бухару. «Туркестанские Ведомости», 1904, № 128.

Халифа Шо-махмада — выходцами из Сабзи-харфа, а члены рода Абдул-файза — выходцами из Иштиуна; все эти три кишлака находятся в Вахио. Точно так же в Хаите имеются группы, называющие себя по именам кишлаков Вахио — «язгандй», «хлозй», «сайодй». Население кишлаков, расположенных в окрестностях Гарма (Бедак и некоторые другие), считает себя потомками выходцев из Вахио, в свое время приобревших за скот и деньги землю у жителей Гарма. Почти все население долины р. Камароу указывает на Вахио как на свою первоначальную родину; население Пингона, Кара-манды и Гоудиона переселилось сюда из кишлака Гоуд в Вахио, население кишлака Нухбоги-боло — из Ляйруна. Кишлаки в долине Камароу — Гоуд, Сайод, Сабзи-харф — названы по одноименным кишлакам в Вахио.

В Каратегине существуют также предания, согласно которым в еще более отдаленные времена страна была населена огнепоклонниками — «оташпараст», предками жителей Ванджа, Язгулома и Памира. Эти огнепоклонники были вытеснены киргизами. От них до последнего времени среди жителей Каратегина сохранился обычай прыгать через огонь в так называемую последнюю среду — «чоршамбеи охирун», причем в прежнее время перед исполнением этого обычая приносилась в жертву собака.

Предания об огнепоклонниках являются характерными не только для Каратегина, но распространены значительно шире на территории Средней Азии. Как и в других местах Средней Азии, огнепоклонникам или «мугам» приписывается возведение в Каратегине курганов и крепостей, развалины которых до сего времени сохранились в различных местах.

В районе Хаита имеются развалины нескольких старинных крепостей близ кишлаков Хаит (Сакоу), Нушор и Хиссорак. Нами был произведен поверхностный осмотр

развалин крепости Хиссорак, в полутора километрах от одноименного кишлака Хиссорак. Крепость была расположена близ впадения речки Ясман в р. Оби-кабуд, недалеко от устья последней, т. е. от впадения ее в р. Сурхоб. Место для крепости здесь было выбрано необычайно удачно: она являлась ключом ко всей широкой, плодородной и густо населенной долине Ясмана и форпостом, выдвинутым против вторжения со стороны Алайской долины и верхнего Сурхоба. Быстрая река Оби-кабуд, на высоком обрыве которой стоит крепость, делала ее еще более неприступной с этой (восточной) стороны. Сохранились остатки крепостных стен в виде огромного вала, вышиной до 3—4 *м* и значительной ширины, образующего прямоугольник, стороны которого имеют до 300—500 *м* длины. Несколько ниже по течению р. Оби-кабуд, ближе к устью р. Ясман видно еще продолжение этих стен, образующих как бы вторую крепость. На валу, среди камней-булыжников в большом количестве находятся плитки обожженного красного кирпича, черепки глиняной обожженной посуды, а также человеческие кости. Жители кишлака Хиссорак передавали, что среди развалин крепости во время пахоты они находили старинные копья, кольчуги, бисер и монеты с именем султана Бабура-мирзы. Некто Хомид из Хиссорака рассказал, что им были найдены однажды кости черепа и ног в большом глиняном горшке, вместе с бусами, металлическими серьгами и тому подобными украшениями. Нам не удалось приобрести решительно ничего из указанных предметов, так как лица, находившие их, выкидывали кости и сосуды как ненужный хлам, а украшения отдавали детям для игры.

Между тем развалины крепости в Хиссораке, по моему глубокому убеждению, представляют собой памятник первостепенной исторической важности, могущий пролить свет на отдаленное прошлое Каратегина, а возможно, даже

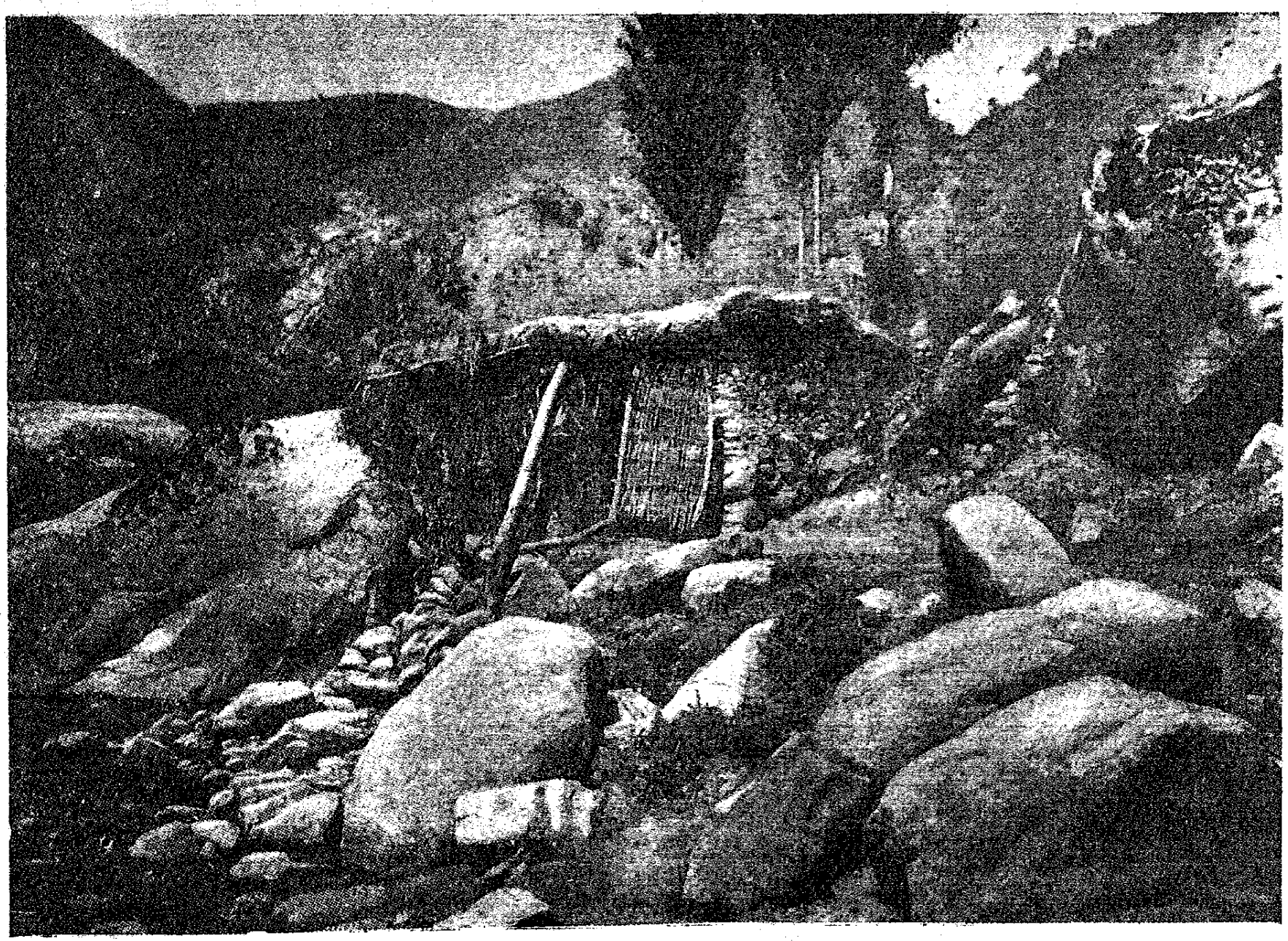

Рис. 8. Водяная мельница.

и соседних районов, в частности — Ферганы, поскольку Хаит находится у основания горной дороги, соединяющей долину р. Сурхоба с долиной р. Сох. Предположение, что хиссоракская крепость могла иметь в прошлом большое стратегическое значение, а может быть была и одной из тех крепостей, которые, согласно арабским источникам, предназначены были защищать страну от вторжения турок, имеет, как мне кажется, некоторые основания. В связи с этим небезынтересно, может быть, будет привести здесь мнение Н. А. Аристова, высказанное им 40 лет тому назад. «Мне кажется, — пишет Аристов, — что столицу Рашта, до которой Ибн-Хордадбех и Кодама дают четыре дня пути от Вашгирда, не следует смешивать или отождествлять с крепостью Рашта, до которой Истахри и Ибн-Хаукаль показывают пять дней пути. Столица Рашта могла находиться около нынешнего Гарма, в четырех, действительно, днях пути от Вашгирда — Файзабада, крепость же должна была находиться на границе Рашта и могла быть в дне пути от столицы на восток, служа для пресечения набегов тюрков с Алая».[1] Ссылаясь затем на приведенные уже нами выше известия В. Ф. Ошанина о том, что раньше вся долина р. Сурхоба между устьями рек Оби-кабуд и Оби-занку была занята киргизами, Н. А. Аристов говорит следующее: «Высота над уровнем моря устья р. Кабуда менее 5200 фут. и устья р. Занку около 6000 фут., а также обилие значащихся на лучших картах селений в долинах Кабуда и его притоков удостоверяют, что местность эта принадлежит к числу удобных для земледелия и потому, надо думать, была занята и в древности оседлым населением. Выше Занку долина Сурхоба узка и быстро повышается до долины Алая, которая непригодна для хлебопашества, по обилию

---

[1] Н. А. Аристов. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах. Русский Антропол. журнал, 1902, № 3, стр. 80.

же летних пастбищ всегда должна была быть занята кочевниками. Весьма поэтому вероятно, что крепость Рашта находилась на границе земель оседлого населения Сурхоба близ устья р. Кабуда, в большом дне пути от столицы».[1]

Но приведенное мнение Н. А. Аристова, равно как и все предания о переселениях в Каратегин и выселениях из него, без нахождения нового исторического материала, а равно и без изучения археологических памятников страны, могут быть лишь приняты во внимание при построении тех или других гипотез, но не раскрывают перед нами истории отдаленного прошлого Каратегина во всей его достоверности.

---

[1] Н. А. Аристов. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах. Русский Антропол. журнал, 1902, № 3, стр. 80.

III. Каратегин под властью последних ша

В начале XIX в., если не считать Хивы, наиболее сильными политическими единицами в Средней Азии являлись ханства Бухарское и Кокандское, ведшие ожесточенную борьбу как между собой, так и со своими более слабыми соседями. Вследствие этого граница обоих ханств часто менялась, а территория их то увеличивалась присоединением вновь покоренных провинций, то уменьшалась вследствие потери их.

В отношении Бухары Н. В. Ханыков в 1840-х годах писал следующее: «Амир-Сеид (мир Хайдар. — *Н. К.*) получил престол в начале XIX века ... после благоразумного царствования Ишан-Мурад-Бия (Шах-Мурада. — *Н. К.*), почти весь Маверо-Инняхрь повиновался его воле, на Юге Балх и Гиссар платили подати молодому повелителю, а на Севере Ура-Тюбя и Ходжент беспрекословно исполняли его требования; но не в таком виде передал он Бухарское Ханство своим наследникам... по смерти его, последовавшей в 1826 г., ... границы Бухарии еще более уменьшились, Хокандцы отнимали селения с С(евера) Ханства, владетель Шехри-Сябза обижал подданных Хана внутри, а Хиссар и Балх с Юга посылали произвольные подарки Бухарскому Эмиру...»[1]

[1] Н. В. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 2—3.

Что касается Шахрисябза, то последний вел и при следующих бухарских эмирах — Насрулле-хане и Музаффар-хане — упорную борьбу за свою независимость и был окончательно присоединен к Бухаре лишь в 1870 г. с помощью русского оружия. Точно так же и Гиссар то становился независимым, то снова оказывался подвластным Бухаре. Мейендорф, посетивший Бухару в 1820 г., говорит о Гиссаре как о независимом государстве и называет гиссарского правителя верным союзником Бухары. Независимым же являлся и расположенный к юго-востоку от Гиссара Куляб.[1] Н. А. Маев, первый из европейцев, посетивший Гиссар, сообщает следующее: «Обширная и плодородная Гиссарская страна (т. е. вся местность к югу от так называемого Гиссарского кряжа) издавна была лакомым куском для бухарских владетелей. Когда Бухара была сильна, она тотчас же распространяла свою власть на Гиссарский край, но как только ханство ослабевало, гиссарские правители тотчас же объявляли себя независимыми».[2] В 1862 г. Гиссар вновь был покорен эмиром бухарским,[3] и после неудачных попыток в 1865 и 1868 гг. восстановить свою независимость[4] вошел окончательно в состав бухарских владений. Вскоре после присоединения Гиссара Куляб также был покорен бухарскими войсками и сделался провинцией ханства.

---

[1] Meyendorff. Voyage d'Orenburg à Boukhara fait en 1820. Paris, 1826, стр. 130, 131, 259. Об отношении гиссарского правителя к эмиру Хайдару см.: «О нынешнем состоянии некоторых областей и городов в Средней Азии». Азиатский Вестник, 1826, кн. 3. В. Л. Вяткин. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов. Изв. Ср.-Аз. Отдела Русского Географ. Об-ва, XVIII. Ташкент, 1928.

[2] Н. А. Маев. Очерки Бухарского ханства, Гиссарского края и горных бекств. Материалы для статистики Туркестанского края, 1879, V, стр. 175.

[3] М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. I. СПб., 1906, стр. 275.

[4] Н. А. Маев. Там же, стр. 175-177.

Области, расположенные к югу от р. Аму-дарьи и находившиеся в прежнее время в зависимости от Бухары, в первой половине XIX в. оказались разделенными на ряд небольших владений, в которых правили представители местной узбекской родовой знати. В 1820-х и 1830-х годах одному из этих узбекских правителей, Мурад-беку, избравшему своей резиденцией Кундуз, удается объединить под своей властью ряд соседних владений, среди которых были также Балх, Бадахшан и Куляб. Через владения Мурад-бека проезжали английские путешественники 1830-х годов — Борнс и Вуд. Спустя некоторое время после смерти Мурад-бека области к югу от р. Аму-дарьи были покорены афганскими эмирами и после ряда попыток вернуть себе самостоятельность окончательно присоединены к Афганистану.

Непосредственно соседивший с Каратегином с юга Дарваз, малодоступный вследствие своих географических особенностей, на протяжении первых трех четвертей XIX в. оставался, повидимому, все время независимым, если не считать кратковременной номинальной зависимости его от Коканда, о чем будет сказано ниже, в связи с историей Каратегина. Точно так же попутно с изложением истории Каратегина я коснусь и исторических судеб областей, расположенных по верхнему течению р. Зарафшана и граничащих с Каратегином на северо-западе.

Остается сказать еще несколько слов о Кокандском ханстве, северном соседе Каратегина. На рубеже XVIII и XIX вв., во время правления Нарбуты-бия и Алим-хана, Коканд превратился в сильное среднеазиатское государство, постоянно соперничавшее с Бухарой и ведшее с последней нескончаемые войны за обладание Ура-тюбе, Джизаком, Ходжентом и Ташкентом. Экспансия кокандских ханов простиралась также и к северу на казахские степи, к востоку в Кашгар и на юг, как мы увидим далее, в горные, населенные таджиками, районы — Каратегин и

Дарваз. Раздираемое постоянными междоусобиями, Кокандское ханство не раз подвергалось вторжению бухарцев и, наконец, в 1876 г. было окончательно уничтожено Россией, а территория его вошла в состав последней под именем Ферганской области.

Среди всех этих политических событий Каратегин не всегда сохранял полную независимость от более сильных соседей; тем не менее им постоянно владели местные правители, принадлежавшие к одному роду и передававшие власть по наследству в этом роде. Каратегинские ша, как и многие правящие фамилии других мелких владений этой части Средней Азии, считали себя потомками Александра Македонского и при случае пытались доказывать это положение, прибегая к построению различных легендарных генеалогий.[1] Все эти ша обычно прибавляли к своему имени титул «хан» или «хон».

Достоверно известными являются лишь имена последних правителей Каратегина, начиная с Музаффар-хона, правившего в годы завоевания Средней Азии русскими. А. П. Федченко, лично посетивший Музаффар-хона во время своего путешествия по Кокандским владениям в 1871 г., получил от последнего список предков ша, но, к сожалению, утерял его. Сохранилась лишь неполная копия, которую автор и приводит в своей работе. В ней указаны следующие ша: Музафар-ша, Абдуль-Азиз-хан, Наяк-ша, Зумбра-ша, Ша-Абду-Наби,

---

[1] «В нём (городе Гарме. — *Н. К.*) живет владетель Каратигена Музаффар-хан, производящий свой род, подобно дарвазскому правителю, от потомков Искандер-Зуль-Карнейна» (К. А. Абрамов. Записка о Каратегинском владении, составленная по расспросам. Изв. Русского Геогр. Об-ва, 1870, VI, стр. 107); «Он (Музаффар-хон.—*Н. К.*) дал мне список своих предков, но не мог довести свой род до Александра Македонского, на происхождение от которого ша претендует» (А. П. Федченко. Из Кокана. Материалы для статистики Туркестанского края, 1873, II, стр. 395—396).

Мусаммир-хан, Шаи-Дарвоз, Ша-Киргиз, Хас-Искандер, Шамух-ша, Ша-Турк, Измаил-хан, Ибрагим-хан, Ша-Тут, Шаи-Дарвоз. «При этом оказалось, — добавляет А. П. Федченко, — что Дарваз и Каратегин прежде составляли одно владение и стали управляться разными владетелями только после того, как какой-то ша разделил царство между двумя своими сыновьями».[1] Действительно, в приведенном списке мы находим имена ша, известных в качестве правителей Дарваза; таковы: Шаи-Дарвоз, Ша-Киргиз, Ша-Турк, Измаил-хан, Ибрагим-хан.[2] Вопрос о родственных связях дарвазских и каратегинских ша, естественно, тесно переплетается с вопросом о взаимоотношениях этих двух стран, но для решения его мы располагаем в настоящий момент лишь очень незначительными данными.

А. П. Федченко указывает, что последствием разделения некогда общего владения явилось то, что «многие из позднейших правителей Каратегина старались подчинить себе Дарваз, и, наоборот, были такие дарвазские ша, которым удавалось подчинить себе Каратегин... Во время похода коканцев (в 1830-х годах, о чем будет сказано ниже. — *Н. К.*) при Мухамет-Али-хане Каратегин был именно подчинен Дарвазу, так как коканцы имели дело с тремя братьями, из которых один жил в Хаите, ... другой — в Гарме, третий — в Дарвазе».[3] Предания, относящиеся к более раннему времени, собранные Арандаренко и Кузнецовым, также говорят о том, что когда-то Дарваз

---

[1] А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан. В Кокандском ханстве. Изв. Об-ва любит. естествозн., антроп. и этногр., 1871, XI, в. 7, стр. 126.

[2] Ср. Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. Военный Сборник, 1883, № 11, стр. 146; Кузнецов. Дарвоз. Новый Маргелан, 1893, стр. 1—6.

[3] Примечания А. П. Федченко к книге Г. Юля «Очерк географии и истории верховьев Аму-дарьи». Прилож. к Изв. Русского Географ. Об-ва, 1873, IX, стр. 75.

и Каратегин были объединены под властью одной династии и что впоследствии не раз Каратегин подчинялся дарвазским правителям.[1] «Предание гласит, — сообщает Васильев, — что не один раз Каратегином управляли государи Дарваза, Гиссара и Куляба; но редко бывало, чтобы каратегинские ша преследовали такую же воинственную политику. Каратегинцы говорят, что, как они теперь, так и их предки предпочитали мирную жизнь.[2] Представляется весьма вероятным, что каратегинские ша принадлежали к младшей ветви рода дарвазских ша, вследствие чего последние считали себя законными владетелями Каратегина и при всяком удобном случае пытались осуществить на деле свои притязания. Тогда сообщение А. П. Федченко следовало бы понимать в том смысле, что в Дарвазе и в Гарме во время кокандского похода сидели шахами не родные братья, а более отдаленные родственники, тем более что часто под словом «брат» горные таджики подразумевают двоюродных, троюродных и т. д. братьев, ведущих общее происхождение по мужской линии. Холь Азим из Хиссорака сообщил мне, что род дарвазских ша назывался «дарвазио», в то время как каратегинские ша принадлежали к роду «зумратшо» (ср. с именем ша Зумбра-ша, приведенным у А. П. Федченко), и что русские считали дарвазских ша более родовитыми и оказывали им предпочтение перед ша каратегинскими. По другим преданиям (Зайнутдин Амон), род каратегинских ша происходит из Балха, из потомков некоего Искандера Чубинапо, сыновья которого правили как в Каратегине, так и в Дарвазе, Гиссаре и Кулябе.

---

[1] Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. Военный сборник 1883, № 11, стр. 146—147; Кузнецов. Дарвоз. Новый Маргелан. 1893, стр. 1—6.

[2] Васильев, капитан. Краткое статистическое описание Каратегина. Сб. географ., топограф. и статист. материалов по Азии, 1888, XXXIII, стр. 25.

Ни расспросные сведения, ни литературные источники не дают возможности окончательно разобраться в именах и хронологии ша Каратегина до Музаффар-хона. Одни источники называют отцом этого ша Абдул-Азиз-хона (Сеид Ходжа Амин, Шокир-бой), в то время как другие—Юсуф-Али-хона (Холь Азим). Имя Абдул-Азиз-хона мы находим также в списке А. П. Федченко, где оно стоит непосредственно перед именем Музаффар-хона; с другой стороны, в своей «Истории Кокандского ханства» В. П. Наливкин упоминает Абдул-Азиз-хона в качестве правителя Каратегина в связи с изгнанием сыновей Алим-хана. Что же касается Юсуф-Али-хона, то одно из местных преданий (Шокир-бой) называет его правителем Каратегина во время похода кокандцев при Мадали-хане. Промежуток времени в 50 лет между правлением Абдул-Азиз-хона и Музаффар-хона (1860-е годы) еще не говорит за то, что последний не мог быть сыном первого, но в таком случае остаются неясными родственные отношения к двум последним ша Юсуф-Али-хона. Братьями Музаффар-хона (детьми Абдул-Азиз-хона) мне называли (Сеид Ходжа Амин) Муким-хона, Шахи Тура, Саадат-шо и Сиджоат-шо (или Сиджо-аго).

* * *

Мейендорф, член русского посольства 1820 г. в Бухаре, среди прочих стран называет также и Каратегин, о котором он имел весьма неточное понятие; так, он указывает, что каратегинцы хотя и являются неверными, не мусульманами, но не очень жестоки.[1] Вообще в Бухаре того

[1] Meyendorff. Voyage d'Orenburg à Boukhara fait en 1820. Paris, 1826, стр. 132—133. Ср. В. В. Бартольд. Таджики. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 107. Из европейцев в 1830-х годах прошлого века о Каратегине упоминает также английский путешественник Вуд, по словам которого, эта страна в вопросе о подчинении колеблется между Кокандом и Кундузом. См. В. В. Бартольд. Таджики. Сб. «Таджикистан». Ташкент, 1925, стр. 108.

времени существовали, очевидно, лишь очень смутные представления о Каратегине.

Напротив, кокандские источники XIX в. дают нам ряд сведений о Каратегине, что и понятно, принимая во внимание непосредственное соседство Коканда с Каратегином и столкновения между ними, о которых будет речь ниже.

Уже в начале XIX в. каратегинцы, повидимому, в большом числе ходили на заработки в Фергану, может быть и поселялись там. Алим-хан кокандский набирал себе регулярное войско из находившихся в Ферганской долине горцев, в частности — из каратегинцев; как говорит историк, последних вместе с горцами Вахио было завербовано за короткий срок 3700 человек. Завербованные снабжались довольствием и оружием, получали лошадей и заносились в особые списки-тетради.[1] Уроженцы Каратегина находились в кокандском войске и при следующих ханах. В Кашгарском походе 1830 г. при Мадали-хане участвовало 2000 каратегинцев.[2]

В 1809 г. Алим-хан был убит, и кокандский престол занял его брат — Омар-хан. Видя в сыновьях своего покойного брата претендентов на ханство, Омар-хан стал уничтожать и высылать последних, причем двое из них — Ибрагим (или Аталык-хан) и Мурад бежали в Каратегин и получили приют у шаха Абдул-Азиз-хана.[3] Эти два претендента, недосягаемые для кокандского правительства, самым своим существованием не давали покоя

---

[1] Мулло Ниоз Мухаммед ибн Мулло Ашур Мухаммед Хуканди. Таарихи Шахрохи. Изд. Пантусова, Казань, 1880, стр. 42—44.

[2] Велиханов. О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-лу. Записки Русского Географ. Об-ва, 1861, III, стр. 6.

[3] В. П. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 103.

Омар-хану и вступившему на престол после его смерти сыну его Мадали-хану. Так, например, у В. П. Наливкина мы находим следующее известие: «Вскоре по возвращении... Омар-хана ему донесли на престарелого Раджаба-кушбеги, что будто бы он задумал привезти из Каратегина Ибраим-бека (сына Алим-хана, изгнанного по смерти отца Омаром в Каратегин) и посадить его на престол».[1] Это событие относится к 1820—1821 гг., т. е. к концу правления Омар-хана.

При Мадали-хане кокандцами был предпринят военный поход против Каратегина, причем, повидимому, одной из задач этого похода являлся захват сыновей Алим-хана, удалившихся на некоторое время в Бухару, а затем снова появившихся в Каратегине. В. П. Наливкин считает даже, что появление претендентов снова в Каратегине являлось непосредственной причиной организации похода.

Об этом походе и последующем захвате Каратегина наиболее подробные сведения мы находим у Хаким-хана,[2] современника событий. Поход был предпринят в 1834 г. (1250 г. хиджры) и явился, повидимому, полной неожиданностью для горцев. В это время ша Дарваза был Султан-Махмуд, верховная власть которого признавалась и каратегинскими ша. Он собрал все каратегинское и дарвазское войско и приготовился к отражению неприятеля,

---

[1] В. П. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 115. Точно так же в Каратегине в 1826 г. некоторое время скрывался другой изгнанник, один из сыновей эмира Хайдара, свергнутый с бухарского престола своим кровожадным братом Насруллой—эмир Омар-хан. См. Мирзо Шамс Бухари. Записки о некоторых событиях, происходивших в Бухаре, Хиве и Кокандском ханстве. Ученые Записки Казанского университета, 1861, кн. 1, стр. 28—29.

[2] Хаким-хан. Мунтахаб-ат-таарих. Рукопись Института Востоковедения Акад. Наук СССР, С 470, л. 645 и след.; о ней см. П. П. Иванов. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг. Труды Института Востоковедения Акад. Наук, 1937, XXVIII, стр. 46.

а кокандского царевича Аталык-хана отослал к бухарскому эмиру Насрулле. Близ Хаита и Сары-пуля[1] между кокандцами и горцами произошла кровопролитная битва, в результате которой горцы были разбиты, Султан-Махмуд бежал в Дарваз, а другие ша (шахзода — шахские дети) частью были перебиты, частью захвачены в плен. Все каратегинские крепости были заняты кокандскими гарнизонами, правителем страны стал Мухаммед-Кули-парвоначи, а войско вернулось в Коканд. Через некоторое время вместо Мухаммед-Кули-парвоначи наместником Каратегина был назначен Мирзо-Рахим-парвоначи, а после смерти последнего — Шои-парвоначи, бывший до того правителем в Ура-тюбе.

Если можно полагаться на данные Мулло Ниоза,[2] то между завоеванием Каратегина и назначением Шои-парвоначи прошел ряд лет, так как это назначение относится к семнадцатому году правления Мадали, т. е. 1839 г., в то время как в шестнадцатом году правления Мадали Шои-парвоначи был еще наместником Ура-тюбе. Вскоре Шои-парвоначи прислал в Коканд гонца с известием, что со стороны Куляба появилось войско и в стране назревает восстание. Мадали поручил Мухаммед-Шарифу-кушбеги организовать новый поход в Каратегин.[3]

[1] Здесь, вероятно, имеется в виду хаитский мост через р. Обикабуд, а не местность Сары-пуль ниже Гарма, так как вряд ли одновременно битва могла происходить около Хаита и около Гарма, расстояние между которыми более 50 *км*.

[2] Мулло Ниоз Мухаммед ибн Мулло Ашур Мухаммед Хуканди. Таарихи Шахрохи. Изд. Пантусова, Казань, 1880, стр. 122 и предыдущие.

[3] У Хаким-хана не сказано по поводу того, участвовал ли непосредственно сам Мухаммед-Шариф в этих походах; в то время как Наливкин говорит об участии Мухаммед-Шарифа в обеих кампаниях (цит. соч., стр. 134—135), сообщение Мулло Ниоза вообще очень лаконично: он говорит, что в 17-м году правления Мадали Мухаммед-Шариф захватил Каратегин и Дарваз, куда по приказу хана был назначен правителем Шои-кушбеги (Таарихи Шахрохи, стр. 122).

Кокандские военачальники снова появились в пределах Каратегина и, соединившись с Шои-парвоначи, двинулись в Дарваз. Но на этот раз Султан-Махмуд отказался от сражения и поспешил выразить свою покорность победителям, а кулябский правитель Катта-бек, зная наклонности Мадали, предложил в дар хану свою «красавицу»-дочь. Забрав Султана-Махмуда и дочь Катта-бекка с собой, кокандские военачальники отправились в обратный путь, но, не доезжая Коканда, в пути Султан-Махмуд неожиданно скончался и был похоронен в Шахи-мардане.[1]

Рассказ о борьбе Султана-Махмуда с кокандцами, его пленении и смерти слышал в конце прошлого века Кузнецов; воспоминания об этом событии сохранились в памяти стариков в Вахио и Дарвазе и до нашего времени.[2] Сюда же относится приведенное выше замечание А. П Федченко о трех братьях, имевших дело с кокандцами.[3]

После второго похода кокандцев в 1839 г. и смерти Султана-Махмуда Шои-парвоначи, повидимому, сумел продержаться в Каратегине лишь очень короткое время. Об этом сообщает анонимный автор «Обозрения Кокандского ханства», относящегося к 1841 г. «Окончив войну с китайцами, — пишет он, — Гали-хан (Мадали-хан. — *Н. К.*) обратил оружие против южных своих соседей, горных Таджеков. Покорив область Каратиген, он занял Коканским гарнизоном главный город ее Калай-Хум (? — *Н. К.*). С того времени каратигенцы признавали власть его; но когда в 1840 г. появившаяся там холера

---

[1] См. также Мулло Ниоз Мухаммед ибн Мулло Ашур Мухаммед Хуканди. Таарихи Шахрохи. Изд. Пантусова, Казань, 1880, стр. 122.

[2] Некоторые подробности отмечены мною в работе «Ишан — феодал Восточной Бухары». Труды Таджикистанской Базы Акад. Наук СССР, IX, 1940.

[3] Ср. В. В. Бартольд. Таджики. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 108.

истребила до 700 человек Кокандского гарнизона, то правитель области, Мулла-Шаги (Шои-парвоначи. — *Н. К.*), опасавшийся нападения жителей, раздраженных его жестокостями, счел за лучшее, собрав остатки своего войска, возвратиться в Кокан. В нынешнем (1841) году Коканское правительство приостановилось посылкой туда нового правителя, и на что решится, еще неизвестно. (Примечание. По занятии Каратегина дети прежнего владельца этой области были перевезены в Кокан, где и получают содержание от ханской казны.)

Тогда же небольшое владение Куляб признало над собой власть Коканского хана, и владетель его Каттабек, в знак приязни, выдал за Мухаммеда-Гали свою дочь; впрочем, Каттабек не спускает глаз с Каратигена, который, как мы сказали, находится в нерешительном положении. Если Каратигенцы успеют отделиться от Коканнии, то и Кулябское владение не замедлит последовать их примеру.

Вместе с Кулябом покорились Мухаммеду-Гали: Дарваз, имеющий своего наследственного правителя Ахмед-шага (Ахмад-ша — согласно сведениям Кузнецова, брат Султана-Махмуда, правивший Дарвазом недолго и убитый затем ша Измоил-хоном. — *Н. К.*), и лежащая далее на юг небольшая область Шугнан.

Повидимому, все эти области составляют сомнительную принадлежность Коканнии и останутся ли за нею, покажет время». [1]

О кокандском походе и об изгнании Шои-парвоначи местные предания (Шокир-бой, Давлят-бек Рахим) рассказывают следующее. Кокандцы пришли в Каратегин во время правления ша Юсуф-Али-хона. Между гор-

---

[1] Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. Записки Русского Географ. Об-ва, 1849, III, стр. 196. О составлении этого обозрения см. В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и в России. СПб., 1911, стр. 227.

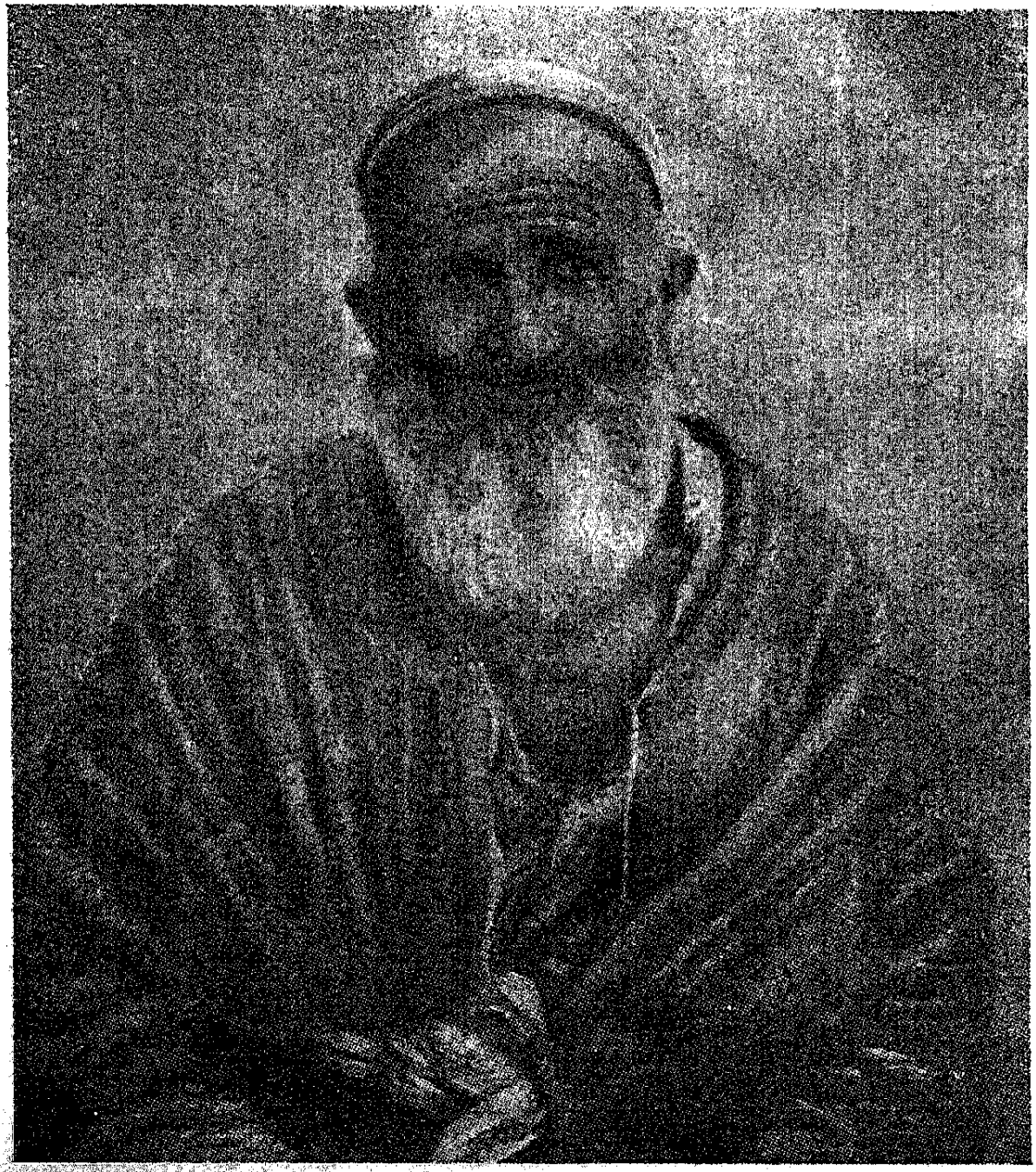

Рис. 9. Таджик — житель каратегинского бекства.

цами и кокандскими войсками произошла битва, после чего кокандцы осадили гармскую крепость. Юсуф-Али-хон заперся в цитадели и продолжал отбиваться сам даже уже после того, как при нем не осталось никого из приближенных и лишь его верная жена заряжала и подавала ему ружья. После того как кокандцы гарантировали ему жизнь, Юсуф-Али-хон покинул крепость и был отпущен в Куляб. В Гарме наместником сделался Шои, придворный Мадали-хана. Но вскоре местная знать стала проявлять недовольство кокандским правителем, что, естественно, сделалось известно Шои. Тогда он призвал четырех наиболее влиятельных лиц из местной знати, обласкал их и отправил в Коканд, дав им в руки запечатанное письмо к хану, в котором заключалась просьба подвергнуть подателей письма смертной казни. Не подозревая недоброго, четыре вельможи отправились в путь. В результате трое из них были схвачены в Коканде и преданы смерти, а четвертый, некто Махмад-Назар-бек, предупрежденный одним своим знакомым, приближенным хана, бежал на родину. По дороге он встретил пастуха, поменялся с ним платьем и долгое время скрывался в ущелье близ кишлака Ярхич. Сюда на тайное совещание явились некоторые влиятельные лица из Гарма; результатом совещания была посылка гонца в Куляб к Юсуф-Али-хону с просьбой прибыть в Каратегин. Юсуф-Али-хон, находившийся в Кулябе на положении полузаключенного, тайком бежал из этого города. Скрываясь в дороге, он попал однажды в дом одного из кулябских чиновников, некоего Партоу, и упросил жену последнего дать ему пристанище. Женщина скрывала его в течение трех дней в подземелье, после чего лишь решилась рассказать об этом мужу. Крайне испуганный Партоу велел жене выпроводить гостя самой, чтобы в случае розыска и допроса он смог бы поклясться, что «и в глаза не видел Юсуф-Али-хона». Наконец, Юсуф-Али-хон явился

в Гарм, после чего главари заговора пришли в крепость и заявили Шои, что ради добрососедских отношений с ханом Кокандским они дарują ему жизнь, но просят немедленно покинуть пределы Каратегина. После отъезда Шои правителем Каратегина снова сделался Юсуф-Али-хон.

Остается неизвестным, признавали ли каратегинские ша себя зависимыми от Коканда в течение ближайших лет после отъезда Шои-парвоначи. А. П. Федченко в 68-м примечании своем к работе Г. Юля утверждает, что после Кокандского похода в Дарвазе и Каратегине правители остались туземные, но признававшие себя вассалами Коканда, и что Дарваз несколько ранее перестал повиноваться Коканду, а Каратегин был в зависимости от него до 1869 г.[1]

Но зато мы имеем несколько отрывочных сведений о мирных торговых сношениях Каратегина с соседними странами, главным образом с Кокандом. Автор «Обозрения Кокандского ханства» сообщает, что кокандские торговцы отправляют в Каратегин хлопчатую бумагу и прочие товары, которые вьючат на ослов, но чаще рабочие-каратегинцы несут тяжести на спине.[2] Вельяминов-Зернов указывает на существование в Кокандском ханстве торга с Каратегином, причем, по его словам, каратегинцы нередко приносят золото. Это золото у каратегинцев скупают также индийские и кабульские купцы, вывозящие его затем в Бухару. Цены на этот благородный металл колеблются в Коканде от 14½ до 18 таньга за золотник.[3] По словам

---

[1] Примечания А. П. Федченко к книге Г. Юля «Очерк географии и истории верховьев Аму-дарьи». Прилож. к Изв. Русского Географ. Об-ва, 1873, IX, стр. 75; ср. также В. В. Бартольд. Таджики. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 108.

[2] Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. Записки Русского Географ. Об-ва, 1849, III, стр. 212.

[3] В. В. Вельяминов-Зернов. Сведения о Кокандском ханстве. Вестник Географ. Об-ва, 1856, XVIII, стр. 130—131.

Велиханова, главную статью торговли Каратегина с Кокандом составляет золото в самородках.[1] Наконец, примерно в то же время казак Максимов также упоминал Потанину о стране Каратегин, лежащий к югу от Коканда, но не приводил о ней никаких подробностей.[2]

Из истории Дарваза известно, что приблизительно с середины 1840-х годов и до начала 1860-х годов там правил ша Измоил-хон, повидимому, племянник Султана-Махмуда. Этому ша удалось значительно расширить пределы его государства, так что власть его распространилась также на Шугнан и Каратегин, а в течение некоторого времени даже на Куляб с Гиссаром. Резиденцией Измоил-хона являлась крепость Тавильдара на р. Хингоу.[3] Относительно Измоил-хона капитан Васильев пишет следующее: «В начале 60-х годов Каратегин был под властью дарвазского ша Измаила. Он подчинил себе также земли Гиссара и Куляба. Об управлении его рассказывают много и современники; говорят, между прочим, что он был добрый человек, не притеснял слишком в податях, но ожесточил против себя народ вследствие того, что брал всех красивых девушек. Первыми поднялись против него кулябцы, воевавшие с ним и вернувшие свою независимость; управителем Куляба стал Сары-хан. Каратегинцы ходили в Дарваз на помощь кулябцам; но им не пришлось вести продолжительной и упорной борьбы с Измаилом ша, который главным образом занялся кулябцами. Каратегин сде-

---

[1] Велиханов. О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-лу. Записки Русского Географ. Об-ва, 1861, III, стр. 14.

[2] Потанин. Показания сибирского казака Максимова о Кокандском владении. Вестник Русского Географ. Об-ва, 1860, № 3, стр. 67.

[3] Упоминания о Измоил-хоне мы находим в указанных выше работах Арандаренко и Кузнецова; предания об Измоил-хоне, собранные мною в долине р. Хингоу, изложены в работе «Ишан — феодал Восточной Бухары».

лался опять независимым и управлялся Музафар-ша».[1] Старики в Каратегине помнят еще, как во времена Измоил-хона дехкан заставляли давать для него масло, большие сосуды с которым сами же дехкане носили на спине в Тавильдару (Атаулло Хольмурод).

Но, повидимому, Измоил-хон, подобно Султан-Махмуду, имел лишь номинальную власть над Каратегином, управлявшимся попрежнему своими родовыми ша. Так, в конце 1850-х годов мы уже находим в Каратегине Музаффар-хона, правда, лишь в качестве правителя Хаита. Об этом сообщает В. П. Наливкин в связи с походом кокандцев на Каратегин при Малля-хане. Малля-хан, брат кокандского хана Худояра, отнял у последнего в 1858 г. престол; Худояр-хан вместе с братом своим Султан-Мурад-беком бежал в Каратегин, куда вслед за ними был послан военачальник Канаат-ша. Последний осадил Хаит, в результате чего бывший там Музаффар-хон сдался и принял подданство Малля-хана. После бегства Худояр-хана в Гарм весь Каратегин перешел в руки Канаат-ша, и он, оставив правителем Музаффар-хона, возвратился в Коканд.[2] Здесь небезынтересно будет отметить, что Канаат-ша, память о котором долго сохранялась в Каратегине, сам родом каратегинский таджик из кишлака Самсалык. Это был один из тех горцев, известных еще со времен Алим-хана, которые поступали на службу к кокандским ханам. Канаат-ша, брат другого крупного кокандского чиновника Даурон-бека, был любимцем временщика Шади-мингбаши. Во время управления Канаат-ша городом Туркестаном жители последнего вздумали отложиться от Коканда, но потерпели неудачу,

---

[1] Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина. Сб. географ., топограф. и статист. материалов по Азии, 1888, XXXIII, стр. 25—26.

[2] В. П. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 190.

и Канаат-ша вынужден был бежать в Бухару к эмиру, где он тоже занимал ряд видных должностей. Но потом он снова бежал в Коканд к Худояр-хану, затем перешел на сторону Малля-хана и участвовал в походах против наступавших с севера в 1860-х годах русских (Зайнутдин Амон, Давлятбек Рахим).[1] Впоследствии Канаат-ша был убит по приказу бухарского эмира Музаффар-хана.

*
* *

Время правления Музаффар-хона в качестве ша всего Каратегина, повидимому, датируется 1858—1869 гг. Последняя дата не вызывает никакого сомнения. Что же касается первой, то за нее говорит приведенное выше свидетельство В. Н. Наливкина, рассказы о том, что Музаффар-хон правил в течение 12 лет (Сеид Ходжа Амин, Сайфутдин Бадаль), а также некоторые подсчеты стариков.[2] Непосредственным предшественником Музаффар-хона называют старшего его брата — Муким-хона (Шокир-бой). Если сопоставить с этим упомянутое свидетельство В. П. Наливкина, то можно предположить, что во время правления своего старшего брата Музаффар-хон, по существующему обычаю, как ближайший родственник ша, был правителем одного из округов Каратегина — Хаита (Сакоу).

Известны имена и некоторых других родственников ша того времени, сидевших в качестве наместников в отдельных каратегинских провинциях и подчинявшихся непосредственно Гарму. Еще при преемнике Музаффара в Ярхиче сидел ша Якуб-хон (Сайфутдин Бадаль); при Музаффаре в Сакоу (Хаит) наместником был Махмад-Ходжа, в Каляи-ляби-обе — Мир Хуссейн (Сайфутдин Бадаль), а также Мизроб-хон, сын Саадат-шо и племян-

---

[1] В. П. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 166, 189, 191 и 193.

[2] Тот же Сеид Ходжа Амин, которому в 1936 г. шел 79-й год, передавал, что он родился в год начала правления Музаффар-хона.

ник Музаффар-хона; в Ярхиче наместником был Мусомир-хон (Холь Азим). При преемнике Музаффара — Рахим-хоне — в Наудонаке правителем был Олим-хон, в Сары-пуле — сын Рахим-хона, Нурали-хон (Сеид Ходжа Амин), в Калаи-ляби-обе — Мирзо-Наим, дядя Рахим-хона со стороны матери (Холь Азим).

Хотя первые годы правления Музаффар-хона в Каратегине совпадают с последними годами правления Измоил-хона в Дарвазе, взаимоотношения между этими двумя ша остаются невыясненными. Выше уже было указано, что Каратегин одно время находился под властью Измоил-хона, но было ли это во время правления Музаффар-хона или раньше — неизвестно. Из взаимоотношений Каратегина и Дарваза в последние годы правления Музаффар-хона мы располагаем лишь следующим известием. Незадолго до прихода Сара-бека произошла битва между Музаффар-хоном и Искандер-хоном, ша Вахио, на высокогорных пастбищах Бозирак в хребте Петра I. В результате сражения Искандер-хон был взят в плен каратегинцами и содержался в кишлаке Дуова (местность Хныч близ Гарма) до прихода Сара-бека, когда ему удалось бежать.

В начале 1860-х годов Каратегин посетил посланный англо-индийским правительством разведчик Абдул-Маджид, прошедший через Каратегин и Алай в Коканд и оставивший маршрут своего путешествия; по его словам, Каратегин и Дарваз являются данниками Коканда.[1]

В 1868—1869 гг. Музаффар-хон послал письмо в Самарканд генералу Абрамову по поводу некоторых «смешных» притязаний своего родственника, правителя Матчи (см. ниже). От посланцев, привезших это письмо,

---

[1] К. А. Абрамов. Записка о Каратегинском владении, составленная по расспросам. Изв. Русского Географ. Об-ва, 1870, VI; Примечания А. П. Федченко к книге Г. Юля «Очерк географии и истории верховьев Аму-дарьи». Прилож. к Изв. Русского Географ. Об-ва, 1873, XI, стр. 75.

К. А. Абрамов получил ряд сведений о Каратегине того времени, которые он опубликовал в своей «Записке». В ней автор сообщает, что Каратегин есть владение независимое, которое было лишь раз покорено алайскими киргизами; что правитель Музаффар-хан проживает в главном городе страны—Гарме и ведет свой род от Александра Македонского; что в Гарме имеются 800 домов; что Музаффар-хан имеет 2000 готового войска, а в случае войны может выставить 15 000—20 000. Далее указывается, что в Каратегине около 400 кишлаков, в среднем по 30 дворов в каждом, причем кишлаки объединены в 22 группы, каждая из которых управляется особым беком. Население страны — «гальча» — живет особняком и вступает в брак исключительно между собой. Женщины относительно свободны, хотя существует обычай уплаты калыма. Затем перечисляются занятия населения: земледелие, скотоводство, охота, кустарные промыслы и добыча полезных ископаемых.[1] Все эти сведения, добытые путем расспросов не на месте, а в Самарканде, естественно, мало точны, но представляют интерес именно как первые более или менее связные сведения о Каратегине в русской литературе.

О личности самого Музаффар-хона нам известно по описанию А. П. Федченко, посетившего ша 15 июля 1871 г. в Уч-кургане, где он жил почетным пленником кокандского хана, лишившись своих каратегинских владений.[2] Время для свидания оказалось выбранным не совсем удачно, так как Музаффар-хон только что потерял свою любимую 16-летнюю жену, на которой женился, когда ей было 12 лет. Музаффар принял А. П. Федченко в саду, на галерее небольшого домика, а О. А. Федченко прово-

---

[1] К. А. Абрамов. Записка о Каратегинском владении, составленная по расспросам. Изв. Русского Географ. Об-ва, 1870, VI.

[2] А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан. В Кокандском ханстве. Изв. Об-ва любит. естествозн., антроп. и этногр., 1875, XI, в. 7, стр. 125—129.

дил к матери своей умершей жены. А. П. Федченко рисует внешность Музаффара следующим образом: «Музаффарша оказался здоровенным детиной огромного роста, 34 лет, смуглый, с окладистой черной бородой; в шелковом халате на каракульке (мерлушке), в туфлях на босу ногу, он мало походил на других правителей среднеазиатских, которых мне случалось видеть. Грубость, впрочем, довольно добродушная, резкость в манерах, свободное отступление от общепринятого у таких особ этикета, заключающегося в молчании и неподвижности, показывали, что человек этот вырос и родился в стране с несколько иными условиями».[1] Заметим здесь, что в другом месте А. П. Федченко пишет, что Музаффару в то время было лет пятьдесят.[2] Разговор был начат А. П. Федченко выражением соболезнования Музаффару в постигших его несчастьях (см. ниже) и преподнесением ему серебряных часов. В беседе Музаффар сообщил гостю список своих предков, но ни он, ни его секретарь не могли сообщить каких-либо исторических подробностей о своей стране. Малоосведомленным оказался ша и в вопросе о границах своей страны. Говоря об отношении Каратегина к соседним владениям, Музаффар ударил себя в грудь и сказал, что это Каратегин, правая рука — Матча, левая — Дарваз, правая нога — Гиссар, левая — Куляб, а голова — Коканд. По этому поводу А. П. Федченко замечает, что ша довольно верно выразил этим относительное положение названных стран, а также засвидетельствовал свои верноподданнические чувства по отношению к кокандцам. Когда разговор касался щекотливой темы о потере Музаффаром Каратегина и о его счастливом преемнике Рахим-хоне, в сердце

---

[1] А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан. В Кокандском ханстве. Изв. Об-ва любит. естествозн., антроп. и этногр., 1875, XI, в. 7, стр. 126.

[2] А. Федченко. Из Кокана. Материалы для статистики Туркестанского края, 1873, II, стр. 395—396.

ша закипала злоба, и он с презрением отзывался о Рахиме. В заключение А. П. Федченко указывает, что, как ему передавали, Музаффар-ша не пользовался любовью каратегинцев, «очень уж деньги любил наживать, и этим объясняется, почему он оставил Гарм при первом слухе о приближении кулябцев: он спешил увезти свои сокровища».[1] Жадность Музаффара может характеризовать также следующий случай (Юнус Раджаб). Ишан Аулио, имевший большой религиозный авторитет как среди народа, так и среди высших классов, привел в Яхак-паст своих людей из Вахио, а 49 хозяйств коренных жителей Яхак-паста выселил прочь. Не решаясь вмешиваться в действия старца ишана, Музаффар, лично присутствовавший на похоронах Аулио, после его смерти разрешил яхак-пастцам вновь занять свои дома, но взял за это с каждого вернувшегося домохозяйства в свою пользу по пять золотых (тилло).

Весной 1869 г. столица Каратегина Гарм подверглась внезапному нападению со стороны кулябцев во главе с правителем Куляба Сара-беком или Сары-хоном.

Сара-бек — один из крупнейших политических и военных деятелей того времени, действовавших на территории современного Таджикистана, владетель Куляба и Бальджуана, которыми он правил в течение многих лет. По происхождению он был каттаганский узбек.[2] В союзе с гиссарцами Сара-бек вел войну с Измоил-хоном дарвазским и взял его в плен.[3] Ревностно отстаивая независимость

---

[1] А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан. В Кокандском ханстве. Изв. Об-ва любит. естествозн., антроп. и этногр., 1875, XI, в. 7, стр. 129.

[2] Н. А. Маев. Очерки Бухарского ханства, Гиссарского края и горных бекств. Материалы для статистики Туркестанского края, 1879, V, стр. 216.

[3] Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. Военный сборник, 1883, № 11, стр. 146; см. также нашу работу «Ишан — феодал Восточной Бухары».

своей родины от бухарского ига, Сара-бек в союзе с гиссарским правителем Абдул-Каримом, воспользовавшись затруднениями эмира в борьбе с русскими в 1865 г., отложился от эмира, но в результате союзники были разгромлены, и Абдул-Карим казнен. Через некоторое время Сара-беку, имевшему от эмира титул аталыка, снова удалось вернуть себе расположение Бухары и вторично стать правителем Куляба. Но затем Сара-бек, воспользовавшись мятежом бухарского наследного принца Катта-тюры (1868), опять восстает против Бухары, и, когда, после ужасных кровопролитий, эмиру бухарскому к концу 1869 г. удастся вновь покорить большинство горных княжеств (Гиссар, Куляб, Денау и др.), бежит в Кабул.[1]

Сара-бек состоял в родстве с Музаффар-хоном, женившись на дочери последнего (Юнус Раджаб, Зайнутдин Амон, Сеид Ходжа Амин). Какая причина побудила его предпринять поход против своего тестя, остается окончательно невыясненным. А. П. Федченко полагал, что непосредственной причиной нападения Сара-бека на Каратe-

---

[1] О Сара-беке см.: Географические и статистические сведения о Задарьинском крае (рапорт подполковника Дмитровского). Изв. Русского Географ. Об-ва, 1869, стр. 316; А. П. Федченко. Топографический очерк Заравшанской долины и заметки о соседних бекствах. Изв. Об-ва любит. естествозн., антроп. и этногр., 1870, VIII, в. 1, стр. 32—33; Мелкие известия и заметки. «Туркестанские Ведомости», 1870, № 2; А. П. Федченко. Поездка в Магиан. Прот. засед. Об-ва любит. естествозн., антроп. и этногр., 1871, IX, стр. 24; А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан. В Кокандском ханстве. Изв. Об-ва любит. естествозн., антроп. и этногр., 1875, XI, в. 7, стр. 128—129; Н. А. Маев. Очерки Бухарского ханства, Гиссарского края и горных бекств. Материалы для статистики Туркестанского края, 1879, V, стр. 175—177 и 216; Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина. Сб. географ., топограф. и статист. материалов по Азии, 1886, XXXIII, стр. 25—26; М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии, I. СПб., 1906, стр. 482; М. А. Варыгин. Опыт описания Кулябского бекства. Изв. Русского Географ. Об-ва, 1916, LII, в. 10, стр. 741.

гин явилось следующее событие. В Гарме в это время находилось посольство Якуб-бека кашгарского, который, усилившись, перестал признавать над собой власть кокандского хана. Последний, в свою очередь, решительно отказываясь признавать за Якуб-беком право внешних сношений, потребовал от Музаффар-хона немедленной выдачи посольства кокандским властям, что правитель Каратегина и решил осуществить, правда, не без колебаний. Но давнишний друг и союзник Якуб-бека — Сара-бек, узнав об этом, решил воспрепятствовать выдаче посольства и двинулся на Каратегин.[1] Г. А. Арандаренко указывает, что причиной похода послужило вероломство Музаффар-хона, который переслал эмиру бухарскому письмо Сара-бека, предлагавшего Музаффару совместно действовать против Бухары.[2]

Выступив из Куляба, Сара-бек через перевал Тальбар прошел в Тавильдару, а оттуда через хребет Петра I перевалил в Каратегин и, повидимому, застал каратегинцев врасплох. На подступах к Гарму, близ моста через р. Сурхоб у кишлака Сары-пуль, произошло сражение, в котором некоторые воины Музаффара проявили большую храбрость. Рассказывают, что некто Куса Шариф из Хоста, засев в окопе, отстреливался до последней возможности; когда он был приведен к Сара-беку и тот спросил, что побудило его так энергично защищать Музаффара, то Шариф ответил, что он ел его хлеб-соль в течение многих лет и потому обязан защищать его. Ответ понравился Сара-беку, и он велел наградить Шарифа (Ориф Наим).

Но сам каратегинский правитель отнюдь не проявил

---

[1] А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан. В Кокандском ханстве. Изв. Об-ва любит. естествозн., антроп. и этногр., 1875, т. XI, в. 7, стр. 128: ср. корреспонденцию из С.-Петербурга, «Туркестанские Ведомости», 1874, № 4.

[2] Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. Военный Сборник 1883, № 11, стр. 147—148.

должного мужества. Бросив столицу и войско, он поспешно бежал вверх по ущелью р. Сорбух, по дороге к перевалам, ведущим в Матчу. Семью свою Музаффар еще ранее отправил вверх по р. Сурхобу, в сторону Коканда. Однако победитель, повидимому, не собирался задерживаться надолго в завоеванной стране. Возможно, как это передает и Кузнецов, Сара-бек, уже находясь в Гарме, получил известие о продвижении к Кулябу бухарских войск. Во всяком случае он послал одного из захваченных им каратегинских людей — Ходжа-бека, сына Худояр-бека, с письмом к Музаффару, в котором он предлагал своему тестю вернуться. Музаффар-хон вернулся обратно, и оба правителя в течение двух дней вели переговоры в кишлаке Сары-пуль, после чего Музаффар-хон попрежнему остался ша Каратегина, а Сара-бек поспешил на родину (Холь Азим, Сеид Ходжа Амин, Зайнутдин Амон, Шокир-бой, Ориф Наим).

Вскоре, однако, Каратегину снова пришлось испытать нашествие неприятеля, на этот раз уже со стороны Коканда. Через 3 месяца после прихода Сара-бека, летом 1869 г. (во время жатвы пшеницы, которая производится здесь в августе-сентябре) Гарм был занят кокандским военачальником пансатом (пятисотенником) Шир-Алибием. Музаффар-хон попал в плен и был отвезен в Коканд, а правителем Каратегина хан назначил Шир-Алибия. В течение очень короткого времени Шир-Али, повидимому, сумел восстановить против себя население. А. П. Федченко рассказывали, что Шир-Али сильно ослабил себя тем, что отпустил из Каратегина большую часть войска, так как предпочитал класть собранные с населения подати себе в карман, чем тратить их на содержание кокандских солдат.[1]

---

[1] А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан. В Кокандском ханстве. Изв. Об-ва любит. естествозн., антроп. и этногр., 1875, XI, в. 7, стр. 129.

В результате, зимой того же года Шир-Али был выгнан каратегинцами из страны при поддержке беков соседних районов (Гиссар, Куляб), где к тому времени уже окончательно установилась власть эмира бухарского. Неясно, была ли при этом оказана реальная помощь в виде посылки войска в Каратегин, или же дело ограничилось военной демонстрацией бухарцев на западной границе страны, придавшей каратегинцам мужество в борьбе с кокандцами. Согласно А. П. Федченко, каратегинцы получили помощь от управляющего Гиссарской провинцией бухарского бека Якуба,[1] а мне рассказывали, что в Каратегин явился с отрядом бухарский туксобо Рахим-Гаюрбек (Сеид Ходжа Амин).

Во время пребывания своего в Гарме Шир-Али посадил в отдельных провинциях своих людей. Так, в Сакоу наместником был некто Мири Сурх, бежавший затем вместе с Шир-Али (Холь Азим). Каратегинцы преследовали неприятеля, и близ кишлака Думбурачи произошла битва, во время которой были захвачены в плен люди Шир-Алибия и некоторое число киргизов, союзников кокандцев. Пленные киргизы были размещены на зиму в хаитских кишлаках, а затем отпущены по домам (Мусофир Ватан).

Наши расспросные сведения ничего более не говорят о Шир-Али. Есть лишь отдельные указания (Сайфутдин Бадаль), что кокандцы приходили в Каратегин два раза, один раз занимали Гарм, а другой раз появились в восточной части страны и были разбиты выше Хаита. Это известие находится в соответствии с тем, что мы знаем из письменных источников.[2]

---

[1] А. П. Федченко. Там же, стр. 129.

[2] Сюда относятся: небольшая заметка в газете «Туркестанские Ведомости», 1870, № 2; работа М. А. Терентьева. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875, стр. 43—44 и 71—74; Его же. История завоевания Средней Азии, I, 1906, стр. 482; указанная выше работа А. П. Федченко, стр. 129. Факты, приводимые у E. Schuyler'a

После изгнания Шир-Али-бия из Каратегина, по словам М. А. Терентьева, в начале декабря 1869 г. кокандский хан пожаловался туркестанскому генерал-губернатору фон-Кауфману на то, что эмир бухарский напал на каратегинского правителя Шир-Али и принудил его бежать в Коканд. В свое оправдание эмир представил письмо Шир-Али, которое доказывало соучастие последнего в мятежных действиях гиссарцев и кулябцев. Худояр-хан объявил это письмо подложным и в доказательство представил другое письмо с подлинной печатью Шир-Али. Действительно, спорное письмо имело печать несколько иной формы, с резьбой низкого качества, что давало повод заподозрить подложность письма. Не желая допустить осложнения отношений между эмиром и ханом, Кауфман написал эмиру, чтобы он принял к руководству правило, что друзья губернатора должны быть друзьями эмира, а враги губернатора — его врагами, и указал на добрососедские отношения русских с кокандским ханом; в заключение он предложил эмиру отказаться от притязаний на Каратегин. В то же время Худояр-хану было предложено воздержаться от задуманной им экспедиции для возвращения Каратегина силой.

Не дожидаясь конца переговоров, Шир-Али вновь вторгся в Каратегин, но был разбит, по словам М. А. Терентьева, силами гиссарского и кулябского беков, захвачен в плен и отправлен в Бухару. «Желая предупредить

в его «Turkistan» (II, 1876, стр. 276—277), заимствованы, повидимому, из ранней книги М. А. Терентьева; об этом см.: В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л. 1927, стр. 229—230. Более общие заметки о Шир-Али-бие и Кокандском походе в Каратегин 1869 г. см. также: «Географические и статистические сведения о Задарьинском крае». Изв. Русского Географ. Об-ва, 1869, примеч. редакции на стр. 316; Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. Военный Сборник, 1883, № 11, стр. 148; Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина. Сб. географ., топограф. и статист. материалов по Азии, 1888, XXXIII, стр. 25—26.

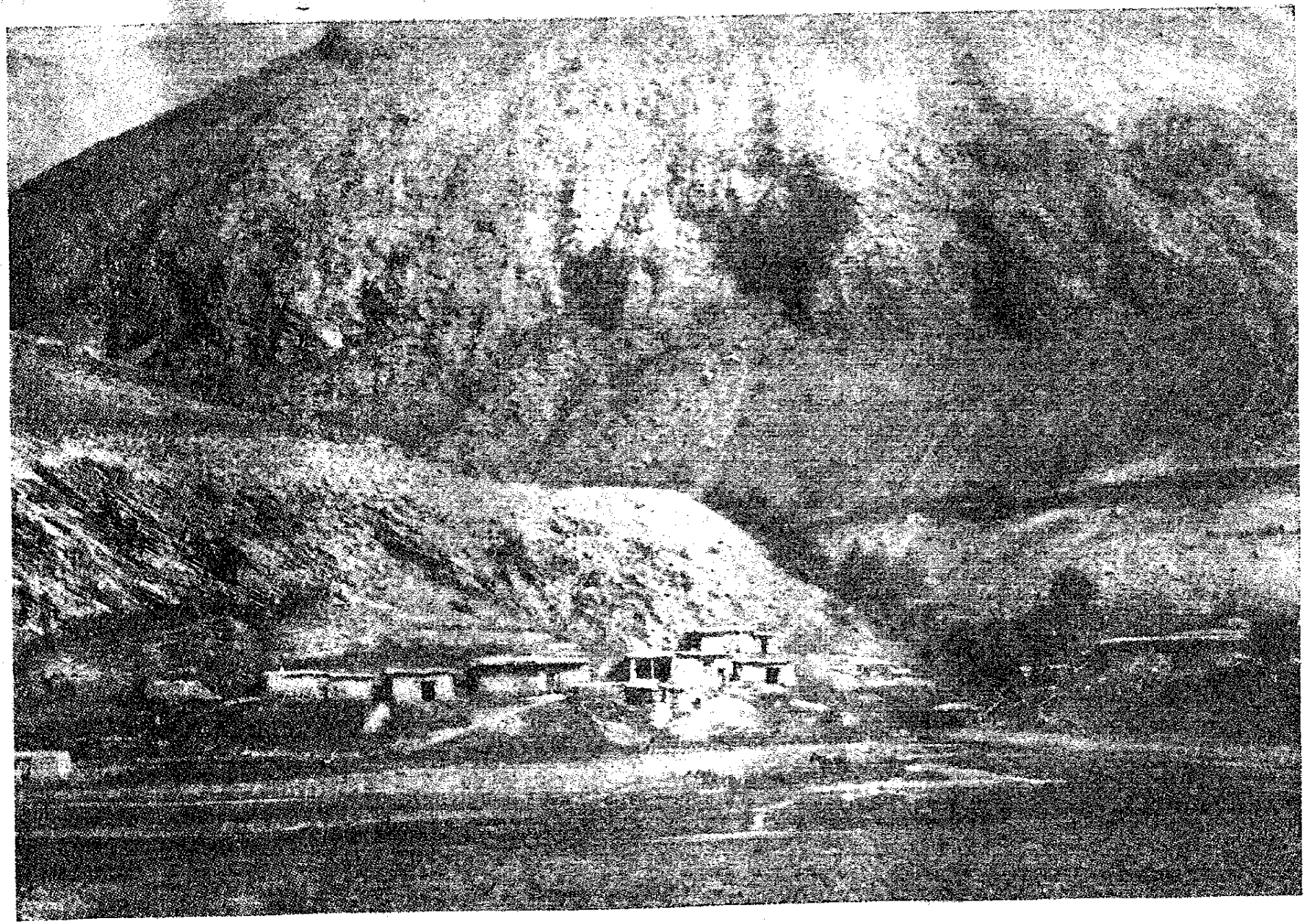

Рис. 10. Киргизская зимовка в кишлаке Домбурачи.

всякое столкновение между Бухарой и Коканом, так как успех одного мог компрометировать наше покровительство другому, — пишет далее Терентьев, — генерал-губернатор предложил Худояр-хану возвратить Каратегин прежнему его владетелю, Музаффар-шаху, содержавшемуся пленником в Кокане, а эмира просил дать за то свободу Шир-Али-бию. Эта комбинация была принята обеими сторонами и немедленно приведена в исполнение...»[1] М. А. Терентьев замечает затем, что комбинация эта доставила русским две выгоды: отделила территорию Бухары от территории Коканда почти самостоятельным владением и примирила с русскими столь яростного врага, каким до того времени был Шир-Али.

Подтверждение того, что Шир-Али-бий был действительно отпущен эмиром в Коканд, мы находим в заметке в «Туркестанских Ведомостях», № 2 за 1870 г., где сообщается, что этот кокандский сановник в Ташкенте на пути в Коканд был принят и обласкан генерал-губернатором. Но полным недоразумением следует считать сообщение Терентьева о том, что предложение о возвращении Каратегина Музаффар-хону было приведено в исполнение. Если бы это действительно было так и Музаффар-хон вторично оказался бы правителем Каратегина, то об этом несомненно сообщил бы А. П. Федченко, видевший Музаффар-хона летом 1871 г., т. е. всего через год с небольшим после этих событий; но наш автор сообщает лишь о неудавшейся попытке Музаффара захватить Каратегин из Алая с отрядом в 100 человек, — попытке явно авантюрного характера, окончившейся, естественно, полной неудачей.[2] Неизвестно даже, относится ли эта попытка

---

[1] М. А. Терентьев. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875, стр. 72.

[2] А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан. В Кокандском ханстве. Изв. Об-ва любит. естествозн., антроп. и этногр., 1875, XI, в. 7, стр. 129.

к началу 1870 г. или к более позднему времени. Кроме того возвращение Музаффара в Каратегин опровергается как местными расспросными материалами, так и фактом появления в Каратегине нового правителя — ша Рахимхона.

Между тем крайне удивительно, что версию о возвращении Каратегина Музаффар-хону поддерживали как американец Скайлер, лично посетивший Туркестан в 1873 г., так и наш акад. В. В. Бартольд. Последний в своей статье «Каратегин» ошибочно указывает, что Музаффар-хон в 1869 г. попал в плен в Бухару и что после вмешательства Кауфмана он вновь получил Каратегин. В другом месте В. В. Бартольд, полемизируя с М. А. Терентьевым, вновь повторяет эту ошибку, заявляя, что «со своей стороны Худояр-хан должен был вернуть свободу и возвратить область прежнему каратегинскому беку Музаффар-шаху, находившемуся в плену в Коканде».[1] Все это тем более странно, что М. А. Терентьев в своей ранней работе, буквально одной страницей ниже приведенной нами его же цитаты, сообщает, что генерал-губернатор отправил затем в Коканд дипломатического чиновника, статского советника Струве, которому поручено было, между прочим, переговорить с ханом и касательно «разъяснения причин, препятствующих возвращению в Каратегин прежнего владетеля его Музаффар-шаха».[2] Одна эта фраза уже показывает, что возвращения Каратегина Музаффар-хону на самом деле не произошло.

Как мы уже указывали несколько выше, к началу 1870 г. все западные районы современного Таджикистана подчинились Бухаре. «В январе 1870 г. в Хиву пришло известие о взятии эмиром Гиссара и Куляба; Хивинский

---

[1] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 230.

[2] М. А. Терентьев. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875, стр. 73.

историк, — пишет В. В. Бартольд, — с явным осуждением эмира говорит об этой войне, что она продолжалась 6—7 месяцев и что с обеих сторон погибло много мусульман».[1] Затем наступила очередь Шахрисябза. Но здесь эмир Музаффар не мог уже справиться собственными силами и должен был обратиться за содействием к русским, также заинтересованным в уничтожении столь беспокойных соседей, как шахрисябзские беки, которые оказывали поддержку всем мятежным элементам, выступавшим против бухарского деспотизма и русского империализма. Воспользовавшись ничтожным предлогом, русский отряд под начальством генерала Абрамова в середине августа, т. е. тогда, когда все мирное население было занято уборкой хлеба, вторгся в шахрисябзские владения, занял города Шаар и Китаб, передав власть бухарским чиновникам, прибывшим с большим отрядом войск. Шахрисябзские беки — Джура-бек и Баба-бек — бежали в кокандские владения, откуда, по предложению Кауфмана, были выданы русским властям.[2]

Перед этим походом, летом того же 1870 г., состоялась известная Искандеркульская военная экспедиция к верховьям р. Заравшана и к озеру Искандер-кулю, возглавляемая тем же генералом Абрамовым. В экспедиции приняли участие несколько человек ученых, в числе которых были А. П. Федченко, топографы Аминов, Скасси и Старцев, ориенталист Кун, Л. Н. Соболев и геолог Мышенков. Эта экспедиция дала значительные научные результаты, а в военно-политическом отношении закончилась присоединением к России территории верхнего течения р. Заравшана и его притоков. Тем самым Каратегин впервые стал непосредственно граничить с русскими владениями. Гра-

---

[1] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 230.

[2] М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии, I. СПб., 1906, стр. 500—510.

ница эта, проходившая по Матчинскому и Гиссарскому хребтам, впоследствии, с потерей Каратегином политической самостоятельности, и вплоть до самой революции оставалась границей между Россией и Бухарой.

Страны по верхнему Заравшану — Матча, Фальгар, Ягноб, Фан, Урмитан, а также расположенные вблизи Пянджикента — Ургут, Магиан, Фараб и Кштут в течение долгих лет то жили независимой жизнью, то попадали под власть своего более сильного западного соседа — Бухары. Что касается четырех последних стран,[1] то они издавна управлялись беками из узбекского рода Минг, которые были первоначально независимыми правителями, а с течением времени стали вассалами Бухары, пока, наконец, эмир Насрулла в конце своего правления не выселил этих беков в Чарджуй, а на их место назначил чиновников из своих приближенных. Но когда в 1868 г. русские войска заняли Самарканд, бухарские чиновники из Ургута бежали, а в последнем водворились Хусейн-бек, Шады-бек и Сеид-бек, потомки прежних правителей. Вскоре эти беки принуждены были бежать из Ургута, который заняли русские, в Магиан, а в 1870 г., после шахрисябзского похода, Магиан, Фараб и Кштут были окончательно присоединены генералом Абрамовым к России, а их правители сдались победителю и добровольно явились в Самарканд. Точно так же страны Матча, Фальгар,

---

[1] Относительно Ургута, Магиана, Фараба и Кштута см.: А. П. Федченко. Топографический очерк Заравшанской долины и заметки о соседних бекствах. Изв. Об-ва любит. естествозн., антроп. и этногр., 1870, VIII, в. 1, стр. 34; Его же. Поездка в Магиан. Изв. Об-ва любит. естествозн., антроп. и этногр., 1871, IX, в. 1, стр. 23—24; Его же. Заметки о Магианском бекстве. Материалы для статистики Туркестанского края, 1873, II, стр. 53; Краткие исторические заметки о бекствах Ургутском, Магианском, Фарабском и Кштутском. Материалы для статистики Туркестанского края, 1873, II, стр. 68—70; М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии, I. СПб., 1906, стр. 486, 490—500, 509—510.

Ягноб, Фан и Урмитан до 1868 г. управлялись беками, назначаемыми из Бухары, которой дважды, при эмире Хайдаре и эмире Насрулле, приходилось подчинять себе край.[1] Затем, после взятия русскими Самарканда эти беки также бежали. Но вскоре, по словам историков, урмитанцы пригласили к себе в качестве правителя одного из бухарских беков — Абдул-Гафара, а матчинцы по тому же поводу обратились в соседний Каратегин к Музаффар-хону, и последний прислал в качестве правителя своего родственника — Рахим-хона, по прозванию «Пучук», т. е. курносый. Вряд ли здесь имело место действительное приглашение населением по собственному желанию того или другого деспота, которые разоряли страну нещадно, ничуть не меньше, чем бухарские наместники. Забитое, доведенное до отчаяния постоянными междоусобиями и грабежами население, повидимому, относилось безразлично к тому, кто будет правителем, лишь бы он мог обеспечить относительный мир и покой в стране. В этом смысле, конечно, родственник сильного соседа — каратегинского ша — имел некоторое предпочтение.

Абдул-Гафар присоединил к своим владениям нижний Фальгар, Фан, Ягноб, а Пучук распространил свою власть

---

[1] См. А. П. Федченко. Топографический очерк Заравшанской долины и заметки о соседних бекствах. Изв. Об-ва любит. естествозн., антроп. и этногр., 1870, VIII, в. 1, стр. 32—33; А. Гребенкин. Заметки о Когистане и Очерки Когистана. Материалы для статистики Туркестанского края, 1873, II, стр. 71—72, 76—79; Аминов. Военно-топографический очерк горной страны верховьев р. Заравшана. Материалы для статистики Туркестанского края, 1874, III, стр. 8—10; А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан. В Кокандском ханстве. Изв. Об-ва любит. естествозн., антроп. и этногр., 1875, XI, в. 7, стр. 127—128; Schuyler. Turkistan, I. London, 1876, стр. 280; А. Л. Кун. Сведения о Ягнаубском народе в «Ягнобских этюдах» Залемана, стр. 6 (Рукопись Института Востоковедения Акад. Наук СССР); М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии, I. СПб., 1906, стр. 486, 490—500.

на Матчу и верхний Фальгар. Он перенес свою резиденцию из Польдарака в Пакшиф — кишлак, находившийся на прямой дороге в Каратегин. Вскоре энергичный Пучук двинулся вниз по долине, разгромил своего соперника Абдул-Гафара, обратил его в бегство и подчинил своей власти всю страну. Но месяца через три фальгарцы вновь решили отложиться и просили себе в качестве бека Шады-бека, одного из вышеупомянутых ургутских правителей. Шады-бек явился в Урмитан, но вскоре Пучук вновь завладел всей страной. После этого Пучук, упоенный своими успехами, решил завоевать и Гиссар, и с войском двинулся в долину р. Зиди; но его войско, испугавшись такой смелой затеи, как поход против столь сильного противника, возмутилось против Пучука и избрало вместо него беком некоего Подшо-ходжу, местного уроженца. Пучук бежал в Каратегин, а его жены и имущество достались Подшоходже. Затем нижние провинции снова восстали против нового бека и вновь пригласили Абдул-Гафара; но Подшоходже удалось нанести ему новое поражение и забрать этого неудачливого бека в плен.

События эти происходили в 1869 г. Подшо-ходжа продержался в Матче до лета 1870 г.; при появлении отряда генерала Абрамова в верховьях Заравшана он бежал, а затем, при приближении на обратном пути отряда к Пянджикенту, явился в лагерь и отдался под покровительство русских.

А. П. Федченко передает о следующем случае из истории правления Пучука в Матче. Ставши матчинским беком, Пучук написал в Самарканд генералу Абрамову письмо, в котором он указывал, что является потомком Александра Македонского и потому имеет исконное право на Самарканд и его округ, но что, не желая ссориться с русскими, он будет удовлетворен, если ему дадут в управление Пянджикент. Узнав об этом поступке Пучука, Музаффар-хон отправил к Абрамову посланца с письмом,

в котором он просил извинения за дерзость своего «глупого родственника». «Мой брат слишком молод и глуп, — писал он, — чтобы мог сам писать письма, а потому тому, что он написал, не верьте, и вперед от него писем не принимайте, а верьте только тому, что я напишу».[1] Этот факт показывает, что Музаффар-хон в 1868—1869 гг. вполне трезво учитывал, с каким врагом в лице русских он имеет дело, что не всегда еще в то время учитывали другие, более могущественные и, вероятно, более образованные среднеазиатские правители. От посланца Музаффар-хона Абрамов и получил те сведения, которые легли в основу его «Записки о Каратегинском владении».

*

* *

Вскоре после изгнания Шир-Али-бия Каратегином стал управлять племянник Музаффар-хона, сын его старшего брата Муким-хона — Рахим-хон, получивший на это соответствующую грамоту — «ялик»[2] от эмира бухарского.

В отношении этого ша, правившего страной в течение шести лет, остается совершенно неясным следующее обстоятельство. Являлся ли он тем самым Рахим-хоном, который носил прозвище Пучук и правил некоторое время Матчей, или же это было другое лицо. Здесь мы имеем два ряда противоречивых свидетельств; в то время как письменные источники говорят за то, что матчинский правитель Рахим-хон Пучук и каратегинский ша Рахим-хон — одно и то же лицо, расспросные наши сведения, собранные на месте, утверждают противное.

---

[1] А. П. Федченко. Топографический очерк Заравшанской долины и заметки о соседних бекствах. Изв. Об-ва любит. естествозн., антроп. и этногр., 1870, VIII, в. 1, стр. 32; Его же. Путешествие в Туркестан. В Кокандском ханстве. Изв. Об-ва любит. естествозн., антроп. и этногр., 1875, XI, в. 7, стр. 127—128.

[2] От jaliq—повеление, приказ, царский указ.

Основным доводом в пользу первого мнения бесспорно является свидетельство А. П. Федченко, как известно, лично беседовавшего с Музаффар-хоном, в частности и по поводу нового каратегинского ша. Излагая содержание этой беседы, А. П. пишет следующее: «...Противник Музаффар-ша, его родной племянник Рахим-ша, по прозванию Пучук (курносый), завладел Каратегином при помощи бухарцев...», а далее собеседники припомнили, как этот самый Рахим, в бытность его правителем Матчи, послал свое «глупое» письмо генералу Абрамову.[1] В той же работе, но в другом месте, А. П. по поводу восстания сохских киргизов пишет: «Вообще кокандцы сильно напирали на то, что каратегинцы, именно бек Рахим-ша, по прозванию Пучук, курносый, деятельно помогали восставшим...»[2] Г. А. Арандаренко указывает, что после изгнания Шир-Али правителем Каратегина сделался Магомет-Рахим-пшук (курносый).[3] А. Гребенкин отмечает, что матчинский правитель Рахим-хан Пучук был племянником Музаффара, а Аминов называет его сыном последнего.[4]

[1] А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан. В Кокандском, ханстве. Изв. Об-ва любит. естествозн., антроп. и этногр., 1875, XI в. 7, стр. 127.

[2] Там же, стр. 96. В работе 1870 г. (Топографический очерк Зарафшанской долины и заметки о соседних бекствах, стр. 32) А. П. пишет, что матчинского правителя зовут Мирза-шах и что он является братом каратегинского бека Музаффар-ша. Эти сведения, полученные в 1869 г., естественно, могли быть менее точны; Мирза, вероятно, одно из прибавлений к имени Рахима, что так часто на Востоке. Ср. также 67-е примечание А. П. к книге Г. Юля, где сообщается, что Каратегином управляет племянник Музаффара, Рахим-ша, по прозванию Пучук.

[3] Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. Военный Сборник, 1883, № 11, стр. 148.

[4] А. Гребенкин. Заметки о Когистане и Очерки Когистана. Материалы для статистики Туркестанского края, 1873, II, стр. 71 и 78; Аминов. Военно-топографический очерк горной страны верховьев р. Зарафшана. Материалы для статистики Туркестанского края, 1873, II, стр. 10.

Между тем, по расспросным сведениям, племянник Музаффар-хона и будущий правитель Каратегина никогда не был беком в Матче, а при своем дяде являлся наместником одной из каратегинских провинций, причем мне называли в качестве таковой Муджихарф (Сеид Ходжа Амин) Калаи-Ляби-об (Зайнутдин Амон) и Сары-пуль (Шокир-бой). Правитель Матчи, Рахим-хон Пучук, происходил из рода каратегинских ша, но не был племянником Музаффар-хона. Местные предания представляют все дело следующим образом (Сеид Ходжа Амин, Шокир-бой, Холь Азим). Вскоре после бегства Шир-Али-бия и наступившего безвластия бывший матчинский бек Рахим-хон Пучук прибыл в Гарм, завладел городом и объявил себя ша. В то же время находившийся вместе с Музаффаром в Коканде его племянник Рахим тайком пробрался в Бухару, явился к эмиру и получил от него звание парвоначи и «ялик» на Каратегин, куда и не замедлил отправиться. Тем временем Пучук бежал в Хаит и заперся в крепости Сакоу. Рахим-хон двинулся за соперником и осадил его в крепости; в результате Пучук попал в плен к Рахим-хону, а крепость Сакоу была срыта. Про Пучука рассказывают также (Холь Азим), что он страдал сифилисом и имел провалившийся нос, в то время как ша Рахим-хон был человеком красивой наружности и богатырского телосложения. Кроме всего этого имеется одно свидетельство, записанное в Хаите (Сайфутдин Бадаль) и говорящее о том, что при Рахим-хоне Хаит был дан в наместничество Пучуку.

Представляется маловероятным, чтобы народная память на протяжении сравнительно столь малого времени, когда живы еще непосредственные свидетели описываемых здесь событий, могла допустить такую ошибку и из одной исторической личности сделать две.

Появление Рахим-хона в Каратегине с «яликом» эмира бухарского, повидимому, должно быть отнесено к началу 1870 г. Во время Искандеркульской экспедиции, т. е. летом

этого года, в Польдараке, на обратном пути экспедиции от истоков Заравшана, к генералу Абрамову «прибыл посланец каратегинского бека с письмом».[1] Можно предполагать, что этим беком был Рахим-хон. Точно так же представляется весьма вероятным, что в стычке с кокандскими войсками, сопровождавшейся пленением Шир-Али-бия, каратегинскими отрядами также руководил Рахим-хон; во всяком случае, среди собранных на месте материалов имеется отдельное упоминание (сообщение Мирзо-Азизбоя из кишлака Хазор-чашма), что Рахим-хон сражался близ кишлака Думбурачи с кокандскими войсками и одержал над ними победу.

То обстоятельство, что Рахим-хон получил грамоту на Каратегин из рук эмира бухарского, естественно, ставило его в положение вассала Бухары, а страну обращало в провинцию бухарского ханства, хотя официально, например в сношениях с русскими, Каратегин продолжал оставаться самостоятельным государством, а его ша — независимым правителем. Эту двойственность положения каратегинского ша подчеркивают и русские авторы того же времени. Ежегодные поездки ша «на селям» (с приветствием) к эмиру считались признаком вассальной зависимости. Газета «Туркестанские Ведомости» в своем обозрении края за 1876 г. пишет следующее: «Со времени... занятия бухарцами Гиссарского и Кулябского края, в 1869 г., Каратегин признал себя вассалом Бухары. Каратегинский ша (шах) ежегодно отправлялся «на селям» к эмиру, когда эмир проводил летние месяцы в Шахрисябзе. Впрочем, прежде этим единственно и выражались вассальные отношения Каратегинского ша к эмиру».[2] Г. А. Арандаренко с еще большей категоричностью подчеркивает суверенитет

---

[1] М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии, I. СПб., 1906, стр. 492.

[2] Туркестанский край в 1876 году. «Туркестанские Ведомости», 1877, № 3.

Каратегина времен Рахим-хона: «Эта... часть Когистана,— пишет он, — остается в полной фактической зависимости от Бухары, и если теперь пока в правители назначаются эмиром потомки властвовавшей когда-то в Каратегине династии, то это не более как уступка прежнему режиму».[1] Далее автор говорит о том, что Каратегин теперь находится в такой же полной зависимости от Бухары, как и бухарские бекства, что эмиру ничто не мешает сменять правителей Каратегина и что ему одному принадлежит право объявления войны и смертной казни в стране, наконец, что каратегинский правитель отчитывается перед Бухарой во всех своих делах. Несколько иначе освещает вопрос Н. А. Маев. «После счастливого похода эмира в Гиссарский край, — сообщает этот автор, — ...Каратегин и Дарваз также признали себя вассалами Бухары, и их владетели (ша) ежегодно являются «на селям» к эмиру. Они приезжают в определенное время, иногда в Шаар или Карши, когда там находится эмир, а иногда в Бухару... Каратегинский ша приезжает к эмиру... не более одного раза в год. Как Каратегин, так и Дарваз считаются странами бедными, непроизводительными, и их владетели привозят эмиру весьма незначительные подарки. Эмир, наоборот, весьма щедро отдаривает их, возвращает привезенные ими подарки и, во все время пребывания дарвазского и каратегинского владетелей в пределах Бухарского ханства, выдает им по 60 тенег (12 рублей) суточных. Эти щедрые подарки, вероятно, и приманивают дарвазского и каратегинского ша в Бухару, «на селям» эмиру, у которого они гостят обыкновенно месяца два или три».[2]

---

[1] Г. А. Арандаренко. Каратегин. Военный Сборник, 1878, № 5, стр. 128.

[2] Н. А. Маев. Очерки Бухарского ханства, Гиссарского края и горных бекств. Материалы для статистики Туркестанского края, 1879, V, стр. 219. Г. А. Арандаренко пишет, что каратегинский ша,

Но новый правитель Каратегина, вынужденный под давлением обстоятельств встать в вассальные отношения к Бухаре, повидимому, не так легко мог примириться со своим положением. Это был человек незаурядный, смелый и решительный, имевший недюжинные военные, административные и дипломатические способности. По крайней мере, такое заключение можно сделать, судя по всем его действиям. Все время своего правления он, очевидно, втайне надеялся, что ему удастся рано или поздно освободиться от опеки Бухары и сделать свою родину вполне независимой от могущественных соседей.

Первой заботой Рахим-хона было собрать и объединить вокруг себя каратегинскую знать (sarkarda, sipoh) и завести хорошее войско из детей этой знати (sipoh-baca). Войско свое Рахим-хон снабжал холодным оружием — шашками и пиками, а также ружьями. Время от времени ша собирал своих джигитов в Гарме и устраивал для них полевые учения и состязания в военном искусстве. Джигиты должны были на полном скаку попадать копьем в подвешенное кольцо и успеть вытащить копье обратно. Происходили примерные сражения, и джигиты должны были ударять друг друга обратной стороной копья: устраивалась стрельба в цель. Во время смотров джигиты поодиночке проезжали перед ша. Состоявшие на военной службе получали от ша «джуру», т. е. продовольствие в виде пшеницы, одежды для самих себя и семьи, а также разные пожалования. Лицам, проявлявшим свою военную доблесть, давались большие награды.[1] Щедрыми подар-

---

в свою очередь, представляет эмиру «тартук» из 100 сабель, шкур медведя, выдры, рыси, лисицы, шерстяных тканей, халатов и шаровар, каждого предмета по 18 штук, а также 18 тюков халатов, 18 лошадей со сбруей, 18 деревянных чашек из орехового дерева (Каратегин. Военный Сборник, 1878, № 5, стр. 130).

[1] Г. А. Арандаренко, которому в условиях обстановки лета 1875 г. (см. ниже) были, естественно, сообщены несколько преувель-

ками — «иньом» (in'om) привлекал этот ша на свою сторону население, практикуя раздачу их на празднествах и по различным другим поводам. Лично следил он и за поступлением доходов в государственную казну: осенью объезжал те кишлаки, где имелись шахские земли, и сам наблюдал за уборкой хлебов.

Весной 1871 г. произошло восстание киргизов, живущих по р. Сох на границе с Каратегином, против кокандских властей. Восстание, по словам А. П. Федченко, как это уже указывалось выше, поддерживалось из-за рубежа каратегинским ша Рахим-хоном. Двенадцать участников восстания, среди которых были и каратегинские таджики, были казнены в Коканде. Эти киргизы, кочующие в горах и принужденные на зиму спускаться в расположенные более низко долины, естественно, могли так открыто рвать с кокандцами лишь в том случае, если они имели уверенность, что найдут зимой убежище в Каратегине. Кроме поддержки киргизского восстания, Рахим-хон в то же самое время оказывал поддержку и появившемуся претенденту на кокандский престол — Назар-беку. Все это вместе взятое обострило отношения между обеими странами настолько, что в Коканде были запрещены всякие торговые сношения с Каратегином, а также проезд туда и обратно.[1] Повидимому, приблизительно такие же отношения между

шенные сведения о военных приготовлениях каратегинцев, пишет следующее: «.. Стремление в войска свободолюбивых горцев и понятно, потому что наукары числятся лишь в списках правителя, службы решительно никакой не несут, учений не делают и только являются раз в год на общие сборы в курган Гарм где ша проверяет собравшихся по спискам и задает иногда военные упражнения (машк), заключающиеся в стрельбе пехоты в пространство и в джигитовке для кавалерии» (Каратегин. Военный Сборник, 1878, № 5, стр. 129).

[1] А. П. Федченко. Из Кокана. Материалы для статистики Туркестанского края, 1873, II, стр. 398—399; Его же. Путешествие в Туркестан. В Кокандском ханстве. Известия Об-ва любит. естествозн., антроп. и этногр., 1875, XI, в. 7, стр. 96 и 112.

Каратегином и Кокандом сохранялись и в 1873 г., во время путешествия Скайлера, которого кокандские власти усиленно отговаривали от поездки в Каратегин и запугивали всякими воображаемыми опасностями. Правда, тому же Скайлеру довелось видеть в кокандских владениях все тех же каратегинцев-отходников, так что закрытие границы, вероятно, не было таким уже безусловным.[1]

Политика интриг против Коканда и поддержки всяческих претендентов на кокандский престол,[2] вызывавших все новые и новые междоусобия в этой несчастной стране, была свойственна каратегинскому ша Рахиму и в последующие годы.

В начале лета 1875 г. один из таких претендентов на кокандский престол, Насыр-хан, проживавший перед этим долгое время в Бухаре, пришел через Гиссар в Каратегин с целью пробраться на кокандскую территорию. Но ввиду того, что его союзник, матчинский выходец Мотобар-ша, находившийся в Шингличе, не был пропущен матчинцами через свою территорию, а также в силу ряда других обстоятельств Насыр-хан отказался от своей попытки и вышел в Пянджикент к русским властям.[3]

Как известно, в июле того же года вспыхнуло крупное восстание против Худояр-хана кокандского. Во главе восстания стоял некий Пулод-хан,[4] к которому вскоре при-

---

[1] Schuyler. Turkistan, II. London, 1876, стр. 45—46.

[2] Рахим-хон оказывал поддержку и давал убежище также политическим деятелям и других соседних стран: некоторое время в Каратегине проживал изгнанный афганцами независимый владетель Бадахшана ша Джегандар («Туркестанские Ведомости», 1881, № 3).

[3] Корреспонденция Г. А. Арандаренко из Самарканда. «Туркестанские Ведомости», 1875, № 35.

[4] Пулод-хан выдавал себя за сына Алим-хана сына Нарбуты; русские власти, ведя борьбу с Пулод-ханом, доказывали, что последний является самозванцем-киргизом См. корреспонденцию Г. А. Арандаренко из Самарканда. «Туркестанские Ведомости», 1876, № 8.

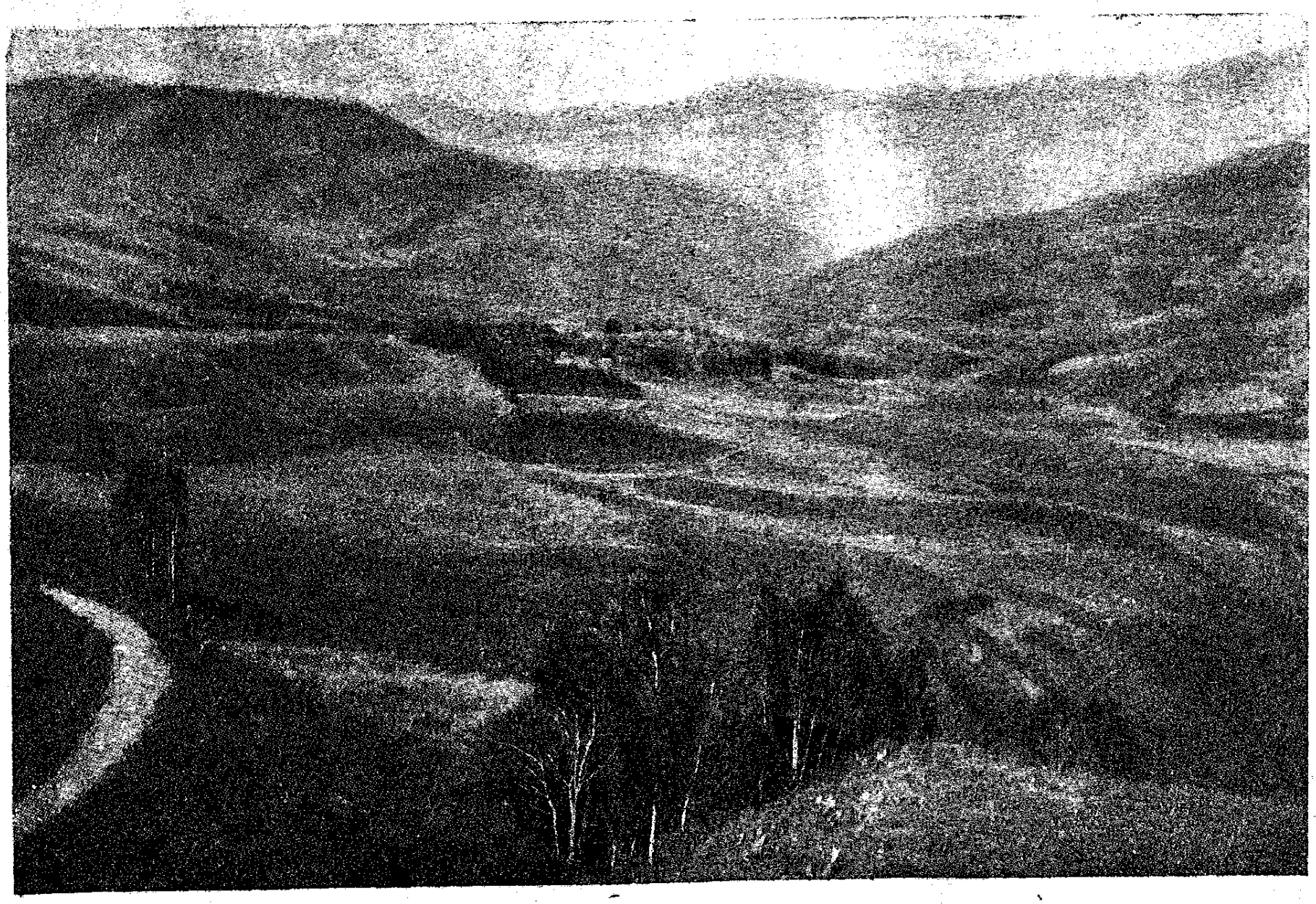

Рис. 11. Оби-гарм.

соединились виднейшие кокандские сановники — Абдурахман автобачи и Иса-Аулио. Худояр-хан бежал в Ташкент, а ханом был провозглашен сын Худояра, Сеид-Наср-Эддин, примкнувший к восставшим. С этого времени против мятежников начинаются операции русских войск под командой пресловутого «белого генерала» Скобелева, закончившиеся присоединением Кокандского ханства к России в феврале 1876 г.[1] Все движение 1875—1876 г. в значительной мере было направлено против царской колонизации Туркестана.[2]

Каратегинское правительство не оставалось в стороне от текущих событий. В августе 1875 г. на верхнем Заравшане были получены прокламации из Коканда, в которых горцы призывались выступить на войну за веру. В то же самое время Рахим-хон принялся склонять заравшанских горцев итти вместе на Ура-тюбе, для чего требовал пропустить его с отрядом через Пакшифский перевал, угрожая в противном случае прорваться в Матчу силой. Когда весть об этих прокламациях дошла до Пянджикента, управляющий нагорным районом Г. А. Арандаренко с сотней казаков двинулся вверх по Заравшану. Узнав о прибытии русского казачьего отряда в Матчу, Рахим-хон, получивший, по словам Г. А. Арандаренко, преувеличенные сведения о движении двухтысячного отряда русских, распустил свои отряды, находившиеся в Гарме, Шингличе

---

[1] См. М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии, II. СПб., 1906, соответствующие главы.

[2] «Молодой хан (Наср-Эддин. — *Н. К.*), получивший от русских, как и его отец, титул «светлости», не мог справиться с движением; впоследствии Кауфман узнал, что им был отправлен в Бухару посол Сеид-Али-Ходжа с письмом на имя эмира, где хан извещал о своем вступлении на престол и выступлении против русских; о том же эмиру и каратегинскому беку писали те же вельможи, которыми было написано верноподданническое письмо Кауфману...» (В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 218).

и Бини-суфиане, и на запрос русского командования по поводу военных приготовлений каратегинцев поспешил прислать ответное письмо. Письмо это было доставлено гармским раисом (лицом, наблюдающим за благочестием населения) в Пянджикент 16 сентября. В письме Рахим-хон опровергал слухи о его покушениях на спокойствие Матчи и уверял, что, поскольку он является вассалом бухарского эмира, он тем самым есть верный слуга белого царя. Раис провел в Пянджикенте 3 дня и сообщил Арандаренко те сведения, которые послужили материалом к его очерку «Каратегин», точно так же как пятью годами раньше другой посланник каратегинского ша дал материал для очерка генерала Абрамова. [1]

Тем не менее, зимой того же года в Матче возникли новые, более серьезные волнения, вызвавшие вторичную экспедицию к верховьям Заравшана. Роль каратегинского правительства в этих волнениях заравшанских горцев представляется недостаточно ясной. [2]

В начале 1876 г. почти вся территория Ферганы оказалась занятой русскими войсками, и главари восстания должны были бежать и скрываться в горах. Энергичный Пулод-хан вместе со своим тестем, бывшим владетелем Каратегина, ша Музаффар-хоном, попрежнему проживавшим в Уч-кургане, ушел в пограничные между Кокандом и Каратегином горы, намереваясь силой прорваться в Каратегин. Вероятно, Музаффар-хон вновь решил попытаться прогнать своего врага Рахима и вернуть себе утраченную власть. Эта новая попытка окончилась полной неудачей для союзников: Пулод-хан получил две раны, а Музаффар-

---

[1] См. сообщение Г. А. Арандаренко из Самарканда. «Туркестанские Ведомости», 1875, № 35 и 39.

[2] М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии, II. СПб., 1906, стр. 400 и след. Г. А-о. Зимняя экспедиция г.-м. Абрамова в верховья Заравшана. «Туркестанские Ведомости», 1876, № 15.

хон попал в плен к Рахиму.[1] Вынужденный вернуться на кокандскую территорию, Пулод-хан был схвачен и по приговору русского военно-полевого суда 29 февраля повешен в Маргелане.[2]

Музаффар-хона отвезли в Гарм, где он в течение некоторого времени содержался под арестом в кишлаке Лойяк, в окрестностях Гарма. Кишлак этот расположен в небольшой долине, окружен с трех сторон крутыми и высокими склонами и имеет выход только вниз, в сторону Гарма. Дальнейшая судьба Музаффар-хона в точности неизвестна. Повидимому, он вскоре был отправлен в Бухару, где впоследствии умер естественной смертью (Шокир-бой, Зайнутдин Амон, Давлятбек Рахим).[3]

Через 10 дней после казни Пулод-хана в Коканд к командующему войсками генералу Колпаковскому прибыл посланец Рахим-хона, некий Мулла Мухаммед-Юсуф, с письмом; в этом письме Рахим-хон подробно излагал обстоятельства налета Пулод-хана, происшедшего затем сражения и указывал на услуги, оказанные им русскому

---

[1] Совершенно непонятно, на основании каких данных В. В. Бартольд в статье «Каратегин» пишет по этому поводу следующее: «Le Karategin a aussi pris part aux derniers combats du Farghana...; le beg Muhammad Rahim shah marcha avec des troupes contre les revoltés, bien qu'ils fussent soutenus par son **frére Muzaffar shah (il né faut pas l'identifier,** comme on le voit, **avec le prince mentionné plus haut)**» (т. е. с бывшим владетелем Каратегина Музаффар-хоном. Подчеркнуто нами. — *Н. К.*).

[2] О Пулод-хане и о событиях, связанных с последними днями его жизни, см. Н. Корытов. Самозванец Пулат-хан. Ежегодник Ферганской области, 1902, I.

[3] Менее чем через 20 лет вокруг имени Музаффар-хона создались легендарные рассказы, в которых он представляется как свободолюбивый богатырь: в 1892 г. Казанскому вблизи перевала Тенгиз-бай показывали какие-то каменные заграждения, где будто бы обитал в изгнании Музаффар-хон, защищаясь от врагов одновременно со стороны Коканда и со стороны Каратегина (Вблизи Памиров. «Туркестанские Ведомости», 1892, № 39).

правительству в деле поимки Пулод-хана. 11 марта посланец был принят генералом Колпаковским; последний справился о положении дел на границе и о судьбе Музаффархона и просил передать ша о желании русских жить с ним в дружбе, для чего ша должен предоставить русским купцам право свободной торговли на своей территории, с гарантией охраны интересов этих купцов, а также задерживать и выдавать русскому правительству всех злонамеренных людей и преступников. Затем генерал указал на печальную участь Хивы и Коканда, отказавшихся выполнять законные требования России. В ответ на речь Колпаковского посланец еще раз заверил генерала в дружественных чувствах к России каратегинского ша. [1]

---

[1] Корреспонденция из Ферганской области. «Туркестанские Ведомости», 1876, № 13. Считаем небезынтересным привести здесь это письмо каратегинского правителя.

Сначала следуют обычные религиозные формулы и пожелания. Далее сказано: «*Безумный, безродный самозванец Фулат-хан забрал в свою голову глупые и неосуществимые замыслы, хотел занять Кокандское ханство и самому быть ханом.*

Желая возобновить прежнюю вражду со мной, он женился на дочери Музаффар-шаха, который со мной находится в родстве. Несколько раз, еще при Худояр-хане, он вторгался в мои владения и волновал народ, но безуспешно.

После женитьбы он назначил одного сына Музаффар-шаха при себе пятисотенным начальником (понсад), другого его сына — казначеем, а самого Музаффар-шаха — визирем и первым советником.

Подстрекаемый злонамеренным Музаффар-шахом, Фулад-хан совершал злодейства, грабежи, опустошения и убийства. Не будучи в состоянии что-нибудь сделать в Коканде, он возвратился и остановился в Алали, откуда идет дорога с одной стороны в Ярканд и Кашгар, а с другой — в Шугнан, Дарваз и в мои владения.

Эту дорогу, ведущую к моим владениям, он занял своими людьми, назначив пятисотенником киргиза, по имени Гаиб. Я послал несколько человек с письмом к упомянутому киргизу, но он приказал их убить и ограбить.

После гибели Пулод-хана киргизские отряды еще продолжали действия против русских. Во главе их стояли выходец из Бадахшана Худай-куль, собравший сподвижников Пулод-хана, Худояр-Хальпы и Абдулла-бек, сын Мармаджан-датхи. Последняя, одна из племенных старейшин алайских киргизов, влиятельная женщина, пользовалась большим авторитетом среди своих сородичей, а потому с ней считались и кокандские ханы; она была известна среди русских под именем «алайской царицы». Чтобы покончить с Абдулла-беком и другими восставшими, Скобелевым был предпринят поход на Алай. «Алайскую царицу» привезли в Ферганскую долину, где она и жила в дальнейшем в качестве почетной пленницы. Абдулла-бек, не рассчитывавший, что русские придут на Алай, поспешно бежал в афганские владения, в то время как другие мятежники, в частности, племянник Худояр-хана, Абдул-Карим-бек, бежали в пределы Каратегина.

Желая последовать примеру бухарского эмира в дружественных отношениях с вами, я посылал к вам несколько раз людей и письма, но, по причине занятия проходов противником, эти письма не дошли до вас.

Когда я достоверно узнал, что безумный Фулад-хан, по внушению Музаффар-шаха, вознамерился захватить мои владения и затем взять Коканд, для чего дал двум-трем пятисотенникам знамя, чтобы в сопровождении Музаффар-шаха вторгнуться в мои владения, то я отправил против них войска под начальством Мир-Мирзы-Неима. Мои войска заняли несколько укрепленных мест; произошло сражение, в котором Фулад-хан был разбит и, получив две раны, с несколькими своими людьми успел бежать к вашим владениям. Чтобы не отстать от других в оказании услуг вам, все дороги, за исключением кокандской, были заняты с целью не допустить Фулад-хана и его друзей в другие страны. Музаффар-шах и все пятисотенники взяты в плен. По склонности жителей Алали к возмущениям и волнениям, была назначена для наблюдения за убежавшим Фулад-ханом часть войска, а остальные войска возвратились обратно. После бегства Фулад-хана до меня дошло известие, что он пойман вами и та-

Воспользовавшись этим предлогом, честолюбивый Скобелев, жаждавший новых «подвигов», просил у Кауфмана разрешения итти походом на Каратегин. При этом Скобелев, в качестве исторической параллели, указывал на Шахрисябз, стоявший в 1870 г. к бухарскому эмиру в таком же полуподчинении, как в 1876 г. Каратегин; следует-де занять эту страну и отдать ее в полное распоряжение эмира. Но на этот раз Кауфман ограничился тем, что лишь обратился с письмом к эмиру «о внушении каратегинскому беку, чтобы он не давал у себя приюта нашим бунтарям и беглым преступникам». Тем самым впервые русскими властями Каратегин официально был признан бухарским владением. В результате, когда генерал Скобелев, двигаясь по Алайской долине, подошел к границам Каратегина, каратегинский ша выслал навстречу ему своего брата, Суфи-хона, который согласился от имени ша на все требования Скобелева. 28 августа между обеими сторонами был заключен договор о границе, которая осталась той же,

---

ким образом положен конец его зловредному влиянию и действиям народов.

Таково настоящее положение дел, о чем я и сообщаю вам; будьте уверены и спокойны, что с нашей стороны, кроме расположения и желания иметь дружеские отношения с вами, нет никаких иных желаний. Об остальном словесно можно узнать от вручителя этого письма».

К письму приложена печать Мухаммед-Рахим-шаха-бия и парвоначи.

В заметке в «Туркестанских Ведомостях», № 30, от 29/VII 1875 г., посвященной началу кокандских событий, говорится о том, что Пулод-хан (Булат-бек) подготовлял свое первоначальное наступление в Каратегине. Это известие мало согласуется с содержанием только что приведенного письма, хотя вполне возможно, что Рахим-хон поддерживал сперва Пулод-хана, а затем, когда убедился в превосходстве русского оружия, стал действовать против Пулод-хана и поспешил выступить со своим письмом, опасаясь, что русские вздумают посягнуть и на Каратегин.

что была и при Худояр-хане. После этого русские войска возвратились в Фергану.[1]

Трудно с достоверностью сказать, какие причины привели к низложению, а в дальнейшем и к гибели Рахим-хона. Возможно, что после признания за Бухарой сюзеренных прав на Каратегин со стороны могущественного Кауфмана эмир решился, наконец, посягнуть на самостоятельность этой области. Но возможно также, что постоянный страх и опасения, которые испытывал эмир в отношении энергичного каратегинского правителя, заставили его предпринять шаги для устранения Рахима от управления. Совершенно очевидно, что военные упражнения, а также и популярность ша не могли оставаться неизвестными эмиру.

В том же 1876 г. Рахим-хон был вызван эмиром в Бухару и задержан там. По одной версии, он поехал в Бухару добровольно, как ездил обычно, ничего не подозревая о готовившейся ему участи. По другой версии, его принудили к поездке представители местной знати, которые сами за последние годы все чаще и чаще стали ездить в Бухару и получать от эмира бухарские чины.

Но, несмотря на задержание Рахим-хона, эмир все еще не решался сделать последнего шага в деле окончательного уничтожения самостоятельности Каратегина. Он прислал на место Рахим-хона нового ша, также из родственников Рахима, его двоюродного брата Сеид-хона (Сеид-хон был сыном Сиджоат-шо, брата Музаффар-хона и Мукимхона. Сеид Ходжа Амин). Новый правитель являлся, повидимому, послушным орудием в руках эмира. Сеид-хон вскоре восстановил против себя каратегинцев, которые, как передают, обратились в Бухару с просьбой прислать им

---

[1] М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии, II. СПб., 1906, стр. 418—419 и предыд.; Костенко. Туркестанский край. I, 1880, стр. 119—120; В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 230 и 238.

снова в качестве ша Рахим-хона. Тогда, наконец, эмир решился на последний шаг: в 1877 г. Сеид-хон был вызван в Бухару и затем сослан на жительство в Чарджуй. Рахим-хон лишен жизни (nobut şudast), а в Каратегин был послан правителем бухарский вельможа Худой-Назар-аталык (Юнус Раджаб, Иофтулло Одина, Зайнутдин Амон, Сеид Ходжа Амин, Шокир-бой).[1]

*

* *

При последних независимых ша Каратегин почти целиком еще находился на стадии натурального хозяйства.[2] Труднопроходимые горные тропы, которыми шло сношение с внешним миром, вместе с тревожной политической обстановкой, создавшейся вследствие постоянных междоусобиц среди отдельных мелких горных княжеств, затруднение общения между собой жителей не только соседних районов, но подчас и ближайших кишлаков — такова была картина общественной жизни страны.

В эти сравнительно не столь отдаленные времена иногда отдельные кишлаки Каратегина враждовали между собой, а случалось, устраивали друг на друга набеги с целью грабежа. Лица, отправлявшиеся в Гиссар, собирались большими группами и вооружались чем попало, так как в Калаидаштской долине бродили шайки грабителей (duzd). Кто уходил в Коканд, с тем прощались так, как если бы расставались навеки. Алайские киргизы часто тревожили

---

[1] О замене Рахим-хона Сеид-хоном и о лишении власти последнего см.: Г. Ар-ко. Из Пенджикента. «Туркестанские Ведомости», 1876, № 42; Туркестанский край в 1876 году. «Туркестанские Ведомости», 1877, № 3; В. Ф. Ошанин. Каратегин и Дарваз. Изв. Русского Географ. Об-ва, 1881, XVII, в. 1, стр. 52—53.

[2] Материалом для нижеизложенного послужили сообщения Зайнутдина Амона, Иофтулло Одина, Атаулло Хольмурода, Холя Азима, Давлятманда Рахима, Сайфутдина Бадаля, Сеид Ходжа Амина, Юнуса Раджаба, а также статьи К. А. Абрамова и Г. А. Арандаренко.

своими набегами подведомственных каратегинскому ша джиргатальских киргизов, и тогда из Гарма на помощь высылались правительственные отряды.

Население, занимавшееся экстенсивным земледелием и скотоводством, а также некоторыми домашними ремеслами, покрывало свои потребности, главным образом, продуктами своего производства. Основные продукты питания — хлеб, мясо, молоко — доставляло собственное хозяйство. Выделываемые на месте кустарные ткани, шерстяные и бумажные, служили для изготовления одежды.

Базаров, лавок и караван-сараев в крае не существовало вовсе. Денег, повидимому, кокандской и бухарской монеты, в Каратегине обращалось самое незначительное количество, они были лишь у ша и их приближенных. О мерах длины и поверхности население имело слабое представление.

Незначительный, случайный обмен, существовавший в стране, как бы еще с большей яркостью подчеркивал господство натурального хозяйства. Отдельные лица носили в Гиссар шерстяные халаты — чакмени, обменивавшиеся на изготовляемую там кустарным способом ткань — карбос, алачу, адрас. Из Гиссара приносили также хлопок, которого не было в Каратегине и из которого здесь на месте выделывали кустарную бязь. Точно так же отдельные лица гоняли в Коканд баранов и обменивали их на кустарную материю. В Матчу, Дарваз и Гиссар сбывалось за бесценок некоторое количество излишков хлеба. Кроме материи, из Ферганы приносили еще куски железа и металлические изделия — наконечники для плугов и котлы для варки пищи.

В середине лета в Каратегин приезжали одиночные купцы из Ура-тюбе, Коканда, Гиссара и Кашгара, которые, за неимением караван-сараев и базаров, останавливались у случайных знакомых и торговали по кишлакам. Купцы эти привозили материю, седла, платки, обувь, гребни,

зеркала и прочую мелочь. Главными покупателями являлись ша и местная знать. По кишлакам шла торговля в обмен, на скот и шкуры, причем все товары приравнивались к таньге — серебряной монете, стоимостью в 20 коп. Арандаренко приводит цены, существовавшие в то время в Каратегине: пуд пшеницы стоил 9 коп., фунт коровьего масла — 3 коп., кура — 5 коп., баран — 1 р. 80 к., корова — 3—8 руб.; дешевы были также меха: лисья шкура стоила 80 коп. Абрамов говорит о еще более низких ценах. Купцы оценивали привозимые товары втрое выше их стоимости; так, по словам Арандаренко, за кусок алачи стоимостью в 60 коп. брали барана стоимостью в 1 руб. 80 коп.

Но этот начинавшийся обмен еще не затрагивал повседневного быта широких народных масс. Все одевались в платья из домотканного карбоса и шерсти, причем большая часть населения ходила в шерстяных чакменях на голое тело, подпоясав их куском материи. Воду для питья кипятили в глиняных горшках и пили из глиняных чашек, так как ни пиал, ни чайников в то время не было. Кипяток заваривали корнями растения «пудина» (мята) или листьями и стеблями шиповника и доливали молоком; этот напиток назывался чаем.

По рассказам очевидцев, резиденция каратегинских ша — Гарм — был более населен и благоустроен, чем впоследствии, во времена беков. В Гарме население имело до 500 пар быков (çuft gou);[1] существовало три прихода с мечетями, которые носили названия: «Большая мечеть» (maciti kalon), «Мечеть кашгарцев» (maciti kaşqarijon) и «Пингонская мечеть» (maciti pingon). В кашгарском квартале (здесь проживало некоторое количество кашгарцев) было 100 хозяйств ремесленников по обработке железа

[1] Г. А. Арандаренко отмечает, что в Гарме насчитывается 340 дворов (Каратегин. Военный Сборник, 1878, № 5, стр. 117).

Рис. 12. Река Сурхоб близ Хаита.

(mexcagar), а в пределах квартала Большой мечети существовал еще «квартал кожевников» (maxalaji carmgaron), где было 100 хозяйств ремесленников по обработке кожи. Все эти ремесленники получали сырье из запасов ша и работали на этих последних и на их войско.

Придворный быт имел в значительной степени патриархальный характер. При ша постоянно находилась местная знать, лица, отличившиеся на военном поприще — «богатыри» (bodər) или на гражданской службе — советники ша. Среди последних были люди, носившие почетное звание «отца ша» (boboji şah); это были лица, интимно связанные с шахским родом, например, воспитатели самого ша или его наследников, мужья женщин, воспитывавших шахских детей в раннем возрасте, а иногда и вскармливавших их грудью. Все они имели в Гарме свои дома. По утрам придворные отправлялись на приветствие к ша и просиживали за шахским «достарханом» (угощением) значительное количество времени. Здесь также им подавался указанный выше напиток, а также суп в такой же глиняной посуде, как и у простых дехкан, баранина и хлеб. Сам ша и вся знать также одевались обычно в домотканное платье, карбосные шаровары и рубаху, а на ногах имели «чоруки» (coruk) — обувь местного производства.

Каждый новый год в Гарме устраивались различные состязания: борьба силачей — «палвонов» (palvon), козлодрание — «бузкаши» (buzkaşi), бега и скачки — «пойга» (pojga), состязания певцов. Победителям в состязаниях давали подарки — карбос, халаты, лошадей, быков, жен. В последнем случае правитель сам выплачивал калым отцу предназначенной победителю девушки. Про Музаффар-хона рассказывают, что он всегда проявлял большой интерес к скачкам и козлодранию, и если чья-либо лошадь калечилась, то он сам принимался лечить ее.

«Богатыри» имели тяжелые доспехи — кольчугу (cojna) и кожаные щиты с гвоздями (sipar), были воору-

жены пиками (najza) и шашками (şop), а впоследствии и тяжелыми фитильными ружьями (kamon). В поход они отправлялись верхом, в то время как простые воины большей частью шли пешие и плохо вооруженные.

По стране были разбросаны крепости — курганы (qal'a, qurqon), которые имели большое значение, принимая во внимание постоянные междоусобия того времени. К этим курганам тяготело окрестное население. Один из старейших курганов находился, повидимому, в Сакоу, близ Хаита; последний в то время был сравнительно незначительным кишлаком. Существовала крепость и в Сарыпуле, срытая затем по приказу Рахим-хона, будто бы тогда, когда стало известно, что сидевший в ней сын правителя замышляет что-то недоброе против отца.

IV. Каратегинское бекство

Каратегин, о котором в последние годы правления местных ша в русской литературе существовали лишь сведения, основанные на расспросных данных, непосредственно после присоединения его к Бухаре становится объектом различных научных экспедиций и военно-стратегических обследований. Русские исследователи того времени двигались буквально по следам бухарских войск и проникали в бывшие горные княжества непосредственно после их завоевания. От эмира бухарского, верного вассала царского правительства, можно было легко получить и разрешение на въезд в его новое владение, и «фирман» о полном содействии в пути, в то время как за личную безопасность путешественника отвечало бухарское правительство; не так обстояло дело прежде, когда с независимыми владетелями Гиссара, Куляба, Каратегина и Дарваза у России не существовало нормальных дипломатических сношений и исследователь, предпринимавший поездку в эти горные страны, мог бы рассчитывать только на свои собственные силы.

В предыдущей главе уже пришлось упоминать об Искандеркульской экспедиции, возглавлявшейся генералом Абрамовым, которая посетила страны, правда, не принадлежащие Бухаре. Но это была не только ученая экспедиция, а, главным образом, военный поход русского

отряда, такой же, как и Алайский поход генерала Скобелева в 1876 г., в котором также принимали участие ученые-исследователи, в частности В. Ф. Ошанин. Другим исключением являлась поездка смелого и неутомимого А. П. Федченко, рискнувшего вместе с женой, О. А. Федченко, в 1871 г. проникнуть в Алайскую долину, в то время лишь номинально зависевшую от Коканда. А. П. Федченко — первый путешественник, достигший края Памирского плоскогорья и видевший своими глазами Заалайский хребет и истоки таинственного Сурхоба.

Через 5 лет после окончательного присоединения Гиссара к Бухаре, в 1875 г., Н. А. Маев первый из европейцев обследовал Гиссарскую долину и посетил города Регар, Каратаг, Гиссар, Дюшамбе, Курган-тюбе и Кабадиан. На востоке он доходил до Файзабада. Н. А. Маева сопровождали астроном Шварц и подпоручик Вишневский. До экспедиции 1875 г. не было в точности известно даже, существует ли город Гиссар.

В. Ф. Ошанину, ученому зоологу, дошедшему в 1876 г. с Алайской экспедицией до восточной границы Каратегина, в 1878 г., т. е. менее, чем через год после присоединения Каратегина к Бухаре, выпала на долю честь первому из исследователей посетить эту страну. Спутниками его были: топограф Руднев и коллектор Невесский. Из Самарканда В. Ф. Ошанин отправился в Каратаг, откуда 12 августа выступил в дальнейший путь, и 17 августа, пройдя Дюшамбе и Файзабад, ночевал на западной границе Каратегина — в Калай-даште. Вскоре В. Ф. Ошанин прибыл в Гарм, откуда он прислал письмо в Ташкент, датированное 25 августа. После этого экспедиция направилась вверх по р. Сурхобу до Дараут-кургана, откуда была сделана разведка на верховья р. Мук-су. В. Ф. Ошаниным открыт и описан мощный горный хребет, тянущийся вдоль южной границы Каратегина, названный им хребтом Петра I, и огромный ледник в истоках р. Мук-су,

названный в честь крупнейшего русского исследователя Средней Азии — ледником Федченко. Перу В. Ф. Ошанина принадлежит прекрасное географическое описание Каратегина.[1]

Вскоре после присоединения Дарваза к Бухаре ботаник Н. С. Смирнов, а затем доктор А. Э. Регель предприняли путешествие в эту неисследованную до того времени страну. Маршрут Н. С. Смирнова мне неизвестен; его путешествие относится к 1881 г., хотя имеются некоторые косвенные указания, не совсем, правда, надежные, о том, что первая поездка Смирнова в Дарваз состоялась в 1879 г. А. Э. Регель в том же 1881 г. из Самарканда пошел вверх по р. Заравшану, затем через перевал Пакшиф пробрался в Гарм, а отсюда через Камчирак в Тавильдару, Калайхумб и далее на Вандж. В 1882—1883 г., а затем в 1884 г. А. Э. Регель предпринял два новых путешествия в горные страны, посетил Дарваз и Припамирье, а также Каратегин.

До конца XIX в. в Каратегине побывало еще несколько русских экспедиций. В 1883 г. здесь проходила Памирская ученая экспедиция (Путята, Иванов и Бендерский); в 1887 г. обследование Каратегина произвел капитан Васильев; капитан Б. Л. Громбчевский, предпринявший в 1889—1890 гг. экспедицию в Канджут, Тибет и Кашгар, посетил по пути Алай, Каратегин, Вахио и Дарваз. В 1891 г. Бушен и Каль были посланы в Каратегин губернатором Вревским. В последние годы XIX в. ботаник В. И. Липский предпринял несколько путешествий по горной Бухаре, во время которых посетил также и Каратегин. На рубеже XX в. в Каратегине побывали ориенталист А. А. Семенов и несколько позднее — геолог Я. С. Эдельштейн, Н. Л. Корженевский, капитан А. Е. Снеса-

---

[1] В. Ф. Ошанин. Каратегин и Дарваз. Изв. Русского Географ. Об-ва, 1881, XVII, в. 1.

рев, иностранцы В. Рикмерс и Лева и целый ряд других исследователей-путешественников. Были произведены различные исследования страны — географического, геологического, ботанического, статистического и экономического характера.

Но наряду со всем этим со времени присоединения Каратегина к Бухаре интерес к социально-политической жизни этой страны в значительной степени ослабевает. Каратегин становится одной из многочисленных провинций-бекств Бухары, где все покорно воле эмира и где сами правители сменяются согласно этой воле. Русское управление Туркестанским краем мало интересуется тем, какой именно бек сидит в Гарме, что он делает и как он настроен по отношению к своим северным соседям. Все вопросы, касающиеся судеб Каратегина с его 120-тысячным населением, решаются уже не в Гарме, а в Бухаре. С другой стороны, самая жизнь в стране принимает спокойный, будничный характер; здесь не наблюдается никаких особенно выдающихся политических событий, из года в год беки собирают налог и ездят в Бухару «на селям», производят суд и расправу, наблюдают за благочестием и крепостью устоев эмирата в стране. Так, внешне сравнительно однообразно проходят сорок лет бухарского владычества над Каратегином. Не мудрено поэтому, что, начиная с 1880-х годов, Каратегин уже реже появляется на страницах туркестанских газет, его социально-политическая жизнь мало интересует исследователей, русское общество и русские власти.

*
* *

Последний правитель Каратегина из рода местных ша был вызван в Бухару и задержан там летом 1877 г. Появление вместо него в гармской цитадели бухарского чи-

новника [1] Худой-Назара, повидимому, было принято в Каратегине довольно равнодушно и не встретило никакого сопротивления: местная знать, подкупавшаяся эмиром уже со времен Рахим-хона различными пожалованиями и подарками, с полным безучастием отнеслась к падению правившей династии, а трудящееся население не имело ни сил, ни желания заступиться за своих бывших позелителей, тем более что последний из ша был до крайности непопулярен, да и правил он фактически согласно указаниям из Бухары.

Но неожиданно события в Каратегине нашли отклик в соседнем Дарвазе. Правитель Дарваза Сероджедин-хон, находившийся в таком же полуподчинении к Бухаре, как в свое время Рахим-хон, являлся, по словам В. Ф. Ошанина, родственником злосчастного Сеид-хона. Свободолюбивые дарвазцы, пользовавшиеся по сравнению с каратегинцами всегда большей независимостью, имея перед глазами пример гибели самостоятельности Каратегина, отказались повиноваться власти Бухары. В ответ на это Худой-Назару было приказано начать военный поход против непокорного Дарваза. [2] Из Бухары были присланы

---

[1] Со времени присоединения Каратегина к Бухаре назначавшиеся в страну правители, подобно тому как это имело место и в других бухарских провинциях, назывались арабским термином «мир» или же турецким термином «бек». А. А. Семенов (Этнографические очерки Заравшанских гор, Каратегина и Дарваза. СПб., 1903, стр. 5) пишет, что первый термин больше употреблялся интеллигенцией, второй же простонародьем и русскими. В Каратегине среди широких масс известен, главным образом, первый термин.

[2] О дарвазском походе Худой-Назара см.: В. Ф. Ошанин. Каратегин и Дарваз. Изв. Русского Географ. Об-ва, 1881, XVII, в. 1, стр. 32, 51—53; Его же. Письма из Каратага и Гарма. «Туркестанские Ведомости», 1878, № 36 и 38; А. Э. Регель. Поездка в Каратегин и Дарваз. Изв. Русского Географ. Об-ва, 1882, XVIII, стр. 140; Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. Военный Сборник, 1883, № 11, стр. 140; Н. Н. Покотило. Путешествие в Центральную и Восточную Бухару в 1886 году. Изв. Русского Географ. Об-ва, 1889,

отряды войск, с которыми в декабре 1877 г. Худой-Назар двинулся в поход на столицу Дарваза — Калаи-хумб. Зима 1877—1878 г. отличалась крайней суровостью и обилием снегов во всем Туркестане, и дарвазцы, естественно, не ожидали, что бухарские войска смогут зимой еще переправиться через высокие перевалы Дарвазского хребта. Но бухарцы справились с этим препятствием и, несмотря на отчаянное сопротивление, оказываемое горцами, пройдя перевал Гишун, достигли Калаи-хумба. В. Ф. Ошанину рассказывали, что под Калаи-хумбом дарвазцы потеряли 200 человек, в то время как потери бухарцев исчислялись единицами. Нескольким представителям правившей династии удалось спастись бегством; через 3 месяца они собрали новое ополчение и двинулись на выручку Калаи-хумба, но близ кишлака Киврон были снова наголову разбиты бухарцами.

Эти последние события происходили, вероятно, незадолго до приезда В. Ф. Ошанина в Гарм. Наш автор сообщает, что во время проезда его в августе по Гиссарской долине вся эта область оказалась очищенной от войск, так как гарнизоны крепостей Сары-джуя, Регара, Гиссара, Каратага и др. были отправлены в Дарваз. Горная дорога от Оби-гарма до Гарма незадолго до приезда В. Ф. Ошанина была расширена и приведена в порядок специально для прохода войск; на этой дороге в течение 10 дней работали от 500 до 1000 человек ежедневно. В самом Гарме В. Ф. Ошанин вместо бека застал его племянника, заме-

---

XXV, в. 6, стр. 501; Кузнецов. Дарвоз. Новый Маргелан, 1893, стр. 1—6; А. А. Семенов. Этнографические очерки Заравшанских гор, Каратегина и Дарваза. СПб., 1903, стр. 15, примеч.; М. А. Варыгин. Опыт описания Кулябского бекства. Изв. Русского Географ. Об-ва, 1916, LII, в. 10, стр. 741; Бурхан-уд-дин. Каттаган и Бадахшан. Ташкент, 1926, стр. 192. Некоторые подробности этого похода еще недостаточно ясны. В частности, неясен вопрос о том, был ли Сероджедин-хон предварительно вызван в Бухару и задержан там, или же попал в плен при взятии Калаи-хумба.

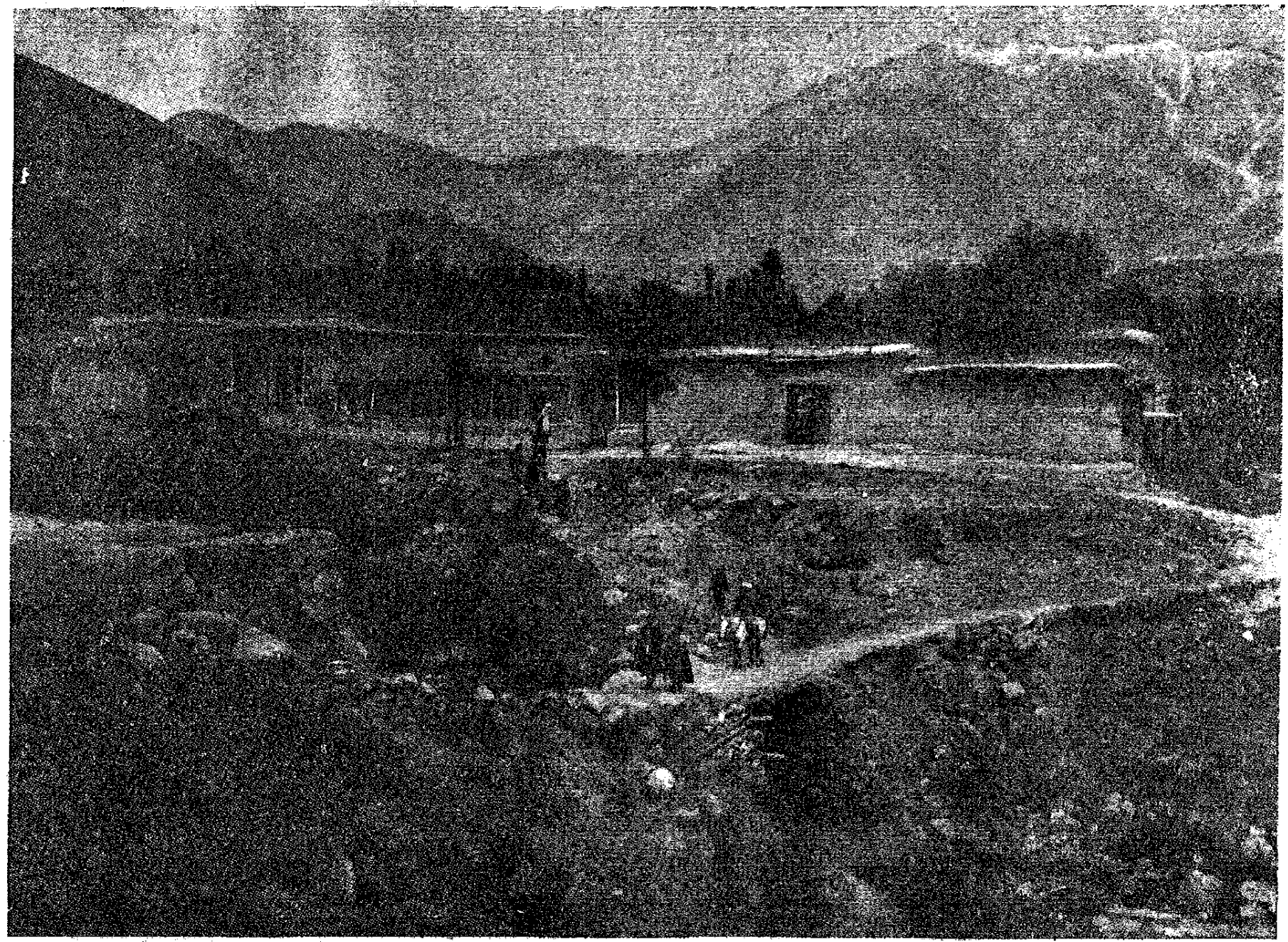

Рис. 13. Базар в дореволюционном Гарме.

нявшего дядю, не возвратившегося еще из Дарваза. Вместе с Худой-Назаром в Дарвазе находились до 5000 (? *Н. К.*) человек сарбазов (солдат). Все это показывает, какое серьезное сопротивление оказывалось бухарцам при завоевании Дарваза.

После замирения Дарваза Худой-Назар возвратился в Каратегин, где и продолжал занимать должность бека в течение ряда лет. Повидимому, одновременно он управлял также и Дарвазом, хотя уже в начале 1880-х годов там был особый бек — Мурод, о котором нам еще придется говорить ниже.

Худой-Назар по национальности был таджик, родом с Ях-су, по другим сведениям из Оби-гарма. Во всяком случае, в Ромите и Оби-гарме он имел много родственников, хозяйство и земли. В Каратегин он был назначен уже в очень преклонном возрасте, после долгой службы при дворе. В народной памяти сохранилось его прозвище «kal Xudoj Nazar», так как голова его была совершенно лысая. Местное предание рассказывает, что в молодости Худой-Назар был пастухом, а затем выдвинулся лишь благодаря своим личным качествам.

Покорив Дарваз, Худой-Назар отправился ко двору, где был обласкан эмиром Музаффаром, получил чин аталыка,[1] а также в качестве особой милости — право собирать закет (сбор со скота) в Гиссаре, Кулябе и Курган-тюбе, причем сбор с последнего шел в его личную пользу как «дастархан» (угощение) эмира.[2] Передают, что Худой-

---

[1] Аталык — самый высший бухарский чин, дававшийся особо почитаемым и уважаемым лицам.

[2] Мне рассказывали также, что, кроме закета с Курган-тюбе, в «дастархан» Худой-Назара входил закет с Кабадиана и пошлинный сбор — «бодж», собираемый у Нурекского моста через Вахш (Малик Одина); привилегия каратегинских миров взимать закет с Курган-тюбе сохранилась и в дальнейшем, но, повидимому, последующие миры самый закет должны были сдавать в казну, пользуясь лишь теми выгодами, которые всегда имел всякий сборщик налогов в Бу-

Назар устроил в Бухаре несколько больших празднеств — «туй», отдельно для эмира и высших чинов государства, для казиев и чиновничества и для духовенства, одарив всех присутствовавших. Все это вместе взятое создало ему такой авторитет, которого среди правителей Восточной Бухары еще никто не имел.

Вернувшись в Каратегин, Худой-Назар занялся благоустройством вновь завоеванного края и дальнейшим закреплением в нем власти эмира. При нем и его преемниках были проведены большие работы по улучшению и расширению горных дорог, которые во время своего путешествия видел еще А. А. Семенов. Худой-Назар возвел в Гарме новую крепость — цитадель. Характерным новшеством явилось его распоряжение возводить при кишлачных мечетях отдельные помещения для молитвы — «хонако»; до того времени, как это можно было наблюдать в глухих кишлаках и непосредственно перед самой революцией, местом для общественных молитв служило помещение «алоу-хона», старинного кишлачного «дома огня», существовавшего, вероятно, еще до внедрения в стране ислама. В курганах, расположенных на территории Каратегина, стали строить новые дома и разводить сады; при Худой-Назаре был разведен большой сад в Оби-гарме.

Худой-Назар всячески привлекал на свою сторону местную знать и поднимал ее авторитет, раздавая предста-

---

харском ханстве (А. Е. Снесарев. Восточная Бухара. СПб., 1906, стр. 138—139; П. Гаевский. Курган-тюбинское бекство. Изв. Русского Географ. Об-ва, 1919—1923, IV, в. 2, стр. 62). Г. А. Арандаренко пишет: «Каратегинский правитель заведует сбором сорокового закета со скота всех кочевников Гиссара, Куляба, Бальджуана, Каратегина и кроме того собирает подати через своего родственника с бывшего когда-то бекства Курган-тюбе, обращенного эмиром в амлякство специально для усиления средств своего любимого и заслуженного старшего генерала Худой-Назар-диван-беги» (Дарваз и Каратегин. Военный Сборник, 1883, № 11, стр. 150).

вителям ее бухарские чины и новые ленные владения — «танхо»; количество последних при Худой-Назаре, по сравнению с прошлым, несоизмеримо увеличилось. Были приняты также меры к поднятию авторитета духовенства и более прочному внедрению мусульманского вероучения, которое в этих отсталых районах имело постоянного соперника в лице различных доисламских поверий и культов. С этой целью, как мы видели, возводились «хонако», а также устраивались по кишлакам духовные школы.

В курганах, откуда изгнаны были родственники прежних правителей — ша, сидели теперь приближенные Худой-Назара, главным образом, его родственники из Ромита и Оби-гарма. Эти наместничества стали теперь называться «амлок», а сами наместники — «амлокдоры». В Шингличе «амлокдором» сидел некто Рахмон, гиссарец по происхождению (Малик Одина); в Калаи-ляби-обе амлокдором был Мири Махманазар (Сайфутдин Бадаль, Холь Азим, Умар Фозиль), женатый на дочери Худой-Назара, которую, как передают, он боялся настолько, что не решался без ее позволения отлучиться из дому ни на одну ночь. Махманазар возвел для себя в Калаи-ляби-обе новые помещения, для чего велел возить с противоположной стороны реки, из развалин старинной крепости Хиссорак, плитки обожженного кирпича. Курган в Сакоу, срытый при последних ша, не был возобновлен и при Худой-Назаре, и местным хаитским чиновникам приходилось постоянно переправляться через реку, чтобы попадать в курган Калаи-ляби-оба, куда они должны были являться почти ежедневно. При Худой-Назаре хаитцы не смели жаловаться на такое положение вещей; лишь при следующем мире был основан дополнительный амлок в Хаите. Правой рукой Худой-Назара был его бессменный диван-беги (управляющий), бадахшанский таджик Сафар Бадахши.

Опиравшийся на местную знать, Худой-Назар значительно увеличил количество ленных пожалований, а так-

же, занятый строительством, увеличил число работ, на которых применялся бесплатный крестьянский труд — «бегорй».[1] Но налоги, повидимому, были оставлены в том же размере, в каком они взимались при ша, в чем сказывается известная осторожность, продиктованная опасением вызвать недовольство во вновь завоеванной стране.

Со времени правления Худой-Назара край начинает постепенно втягиваться в орбиту товарного хозяйства. Увеличивается обмен между Каратегином и соседними странами, все большее число торговцев начинает приезжать в Гарм и привозить различные товары. В то время как В. Ф. Ошанин констатировал еще в 1876 г. полное отсутствие базаров в Каратегине, Г. А. Арандаренко в 1882 г. отмечает наличие базара в главном городе бекства — Гарме, устраивавшегося еженедельно по четвергам. При Васильеве в 1887 г., повидимому, существовало уже несколько базаров, так как этот автор пишет, что «торговля ведется на базарах» и что «лучший базар в г. Гарме»; на этом гармском базаре существовало 10—15 лавок.[2] Предметами вывоза попрежнему являлись: хлеб (вывозившийся в Дарваз и Матчу), скот и пушнина, в то время как предметами ввоза были хлопок, материя, чай, рис и железо.

Обращает на себя внимание значительный рост цен. По данным, приводимым тем же Г. А. Арандаренко, в 1882 г. цена пшеницы стала вдвое больше, чем она была в 1875 г. (20 коп. за пуд), цена на рабочий и молочный скот также поднялась в два раза.

---

[1] Совершенно непонятно поэтому заявление Г. А. Арандаренко (указ. соч., стр. 149—150), который утверждает, что Худой-Назар стремился всячески сократить количество наукаров в Каратегине и уничтожил поденщину. Напротив, известно, что количество «сипо», равно как и бесплатные крестьянские повинности в Каратегине во времена владычества Мангытов беспрерывно росли.

[2] Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина. Сб. географ., топограф. и статист. материалов по Азии, 1888, XXXIII, стр. 22.

Со времени Худой-Назара в Каратегине начинается покупка-продажа земли, которая в прежнее время наблюдалась лишь в исключительных случаях. Появляется новая для страны фигура — фигура кишлачного кулака-бая, который торгует скотом и начинает скупать крестьянские земли. В связи с этим цены на землю стремительно поднимаются: по материалам того же Г. А. Арандаренко, в 1875 г. десятина поливной земли стоила 4 руб., а богары — 2 руб. В 1882 г. та же земля стоила соответственно 40 и 20 руб. Отметим также, что со времени правления Худой-Назара в Каратегине наблюдается тенденция к замене натуральных налогов денежным налогом, о чем нам еще придется говорить несколько ниже.

Худой-Назар умер в 1885 г. в Гиссаре во время сбора закета, почти одновременно с эмиром Музаффар-ханом, и был похоронен близ Оби-гарма.[1] Немедленно после его смерти из Бухары в Каратегин прибыл бухарский чиновник с 500 сарбазами; войско простояло два месяца в Гарме и затем отправилось обратно. Причиной посылки отряда было опасение нового эмира, что в Каратегине произойдет восстание против бухарцев. Напомним, что это было время, когда в соседних Ховалинге и Бальджуане кипело восстание Восе, направленное против эксплоататоров и угнетателей и, в первую очередь, против бухарских чиновников.

После смерти Худой-Назара миром в Каратегине был назначен узбек-мангыт Рахмон-куль-бек, участник дарвазского похода в 1877—1878 г. В курганах он также посадил своих родственников; должность диван-беги при нем исполнял тот же Сафар Бадахши, после смерти которого был

---

[1] Неизвестно, какими источниками пользовался М. А. Варыгин, писавший, что Худой-Назар по доносу был казнен эмиром Музаффар-ханом (Опыт описания Кулябского бекства. Изв. Русского Географ. Об-ва, 1916, LII, вып. 10 стр. 742).

назначен каратегинский таджик Юнус-Мурад-бек из кишлака Гумуш.

Этот мир во время своего кратковременного правления Каратегином различными жестокостями и притеснениями восстановил против себя как местную знать, так и все остальное население. Его молодой сын Исмон вместе с ватагой приближенных и свитой Рахмон-куля разъезжал по окрестным кишлакам, чиня различные безобразия и насилия над беззащитными жителями. При Исмоне в качестве махрама (придворного) находился сын некоего Шухи, незнатного наукара из кишлака Булькос. Предаваясь с этим мальчиком разврату, столь свойственному в то время бухарскому двору, сын Рахмон-куля причинил ему серьезные увечья. Чтобы скрыть следы преступления, он вместе со своими сподвижниками убил мальчика и зарыл труп в развалинах разрушенного дома. Долгое время поиски сына, предпринятые Шухи, не давали никаких результатов, пока, наконец, труп был обнаружен по запаху случайными прохожими. После допроса, произведенного представителями гармской знати по собственной инициативе, преступление было раскрыто. Произошло всеобщее возмущение. «Сипо» вместе со своими людьми оцепили цитадель, в которой находился мир; одновременно в Бухару была послана жалоба с просьбой избавить каратегинцев от Рахмон-куля. Вскоре после этого в Гарм прибыл от эмира махрам Акрам-бек, привезший миру предписание отправиться в Бухару.

Новым миром был назначен Ботыр-бек,[1] который по примеру своих предшественников привез с собой новых амлокдоров. Но и этот правитель оказался не лучше прежнего: клевета и штрафы сделались при нем обычным явлением. Мир крайне подозрительно относился к каратегинским «сипо»; он, вероятно, не мог забыть поведения

---

[1] По Васильеву—с июня 1887 г.

местной знати при Рахмон-куле, а может быть даже имел на этот счет соответствующие инструкции из Бухары. Вскоре после его приезда без всякого внешнего повода были схвачены четверо виднейших каратегинцев: ишага-баши Дервиш из Капали, ишага-баши Сафар Хакназар из Ярхаба, мирохур Шах Бадаль из Самсалыка и мирзо Закрио Мирзо из Камароу, которых затем отправили в Бухару. Это мероприятие, повидимому, должно было послужить острасткой для недовольных на будущее время.

Ботыр-бек после недолгого управления страной умер в Гарме, а на его место был прислан Алмаз-бек-парвоначи, правивший Каратегином, повидимому, также недолго. Наши расспросные сведения не дают возможности в точности установить годы правления того или другого мира. А. А. Семенов, называющий Алмаз-бека преемником Худой-Назара, пишет, что он умер, кажется, в 1891 г. Таким образом, на трех миров, следовавших за Худой-Назаром, приходится всего шесть лет правления. А. А. Семенову,[1] а также В. И. Липскому[2] на месте рассказывали, что при Алмаз-беке была закончена дорога вдоль р. Сурхоба, начатая еще при Худой-Назаре. В августе 1891 г. губернатор Вревский совершил поездку в южно-кокандские горы и на Алай, причем в Дарaут-кургане встретился с каратегинским миром Алмаз-беком и другим бухарским чиновником — Абдул-Кадыром. Сопровождавший губернатора Казанский пишет, что встреча с бухарцами никакого политического значения не имела и явилась лишь актом вежливости со стороны эмира. Бухарцы «засвидетельствовали, что предложение командующего войсками относительно улучшения пути по Сурхобу на Гарм приводится в исполнение, и бек Каратегина оказал командиро-

---

[1] А. А. Семенов. Этнографические очерки Заравшанских гор, Каратегина и Дарваза. СПб., 1903, стр. 5.

[2] В. И. Липский. Горная Бухара, I. СПб., 1902, стр. 237.

ванным для проверки работ чиновникам полное содействие...»[1]

Преемник Алмаз-бека, Мир-Мурод-парвоначи правил Каратегином в течение 12 лет (повидимому, с 1891 по 1903 г.). Перед этим он управлял Дарвазом, куда был назначен уже при Худой-Назаре.[2] Еще в Дарвазе он был известен в качестве энергичного и жестокого правителя. Покотило, заставший этого мира в 1886 г. в Дарвазе, слышал рассказ о том, как за несколько лет перед тем один из потомков бывших ша сделал попытку овладеть страной; но Мир-Мурод обратил его в бегство и, не прекратив преследования даже в афганских пределах, занял крепость Раг и угрожал итти на Файзабад, требуя выдачи беглеца. Добившись этого, он велел зарезать мягежного ша.[3]

По воспоминаниям каратегинцев, Мурод был тучным, огромного роста человеком и отличался крайней невоздержанностью в пище. Передают, что он съедал один целого гиссарского ягненка. Русский военный Н. Юхновский, видевший Мурода в Гарме, характеризует его следующим

---

[1] Казанский. Вблизи Памиров. «Туркестанские Ведомости», 1892, № 39. Этот автор следующим образом описывает мира Алмаз-бека: ...Бек Каратегина, с виду очень почтенный, высохший от времени старец, в дорогом парчевом халате, с неуверенными манерами, тихим голосом, чуждый всякого лоска... Несмотря на свое происхождение от персидских рабов, Алмас-бий еще в молодости выдвинулся какими-то государственными услугами и, служа вот уже при третьем эмире, неизменно пользовался уважением своих повелителей».

[2] Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. Военный Сборник, 1883, № 11, стр. 146—147.

[3] Н. Н. Покотило. Путешествие в Центральную и Восточную Бухару в 1886 г. Изв. Русского Географ. Об-ва, 1889, XXV, в. 6, стр. 501; рассказывают (Умар Фозиль), что в операции против этого ша вместе с Миром-Мурод ом принимал участие каратегинский «сипо» Дервиш, тот самый, который при Ботыр-беке был увезен в Бухару. Мурод, уже будучи правителем Каратегина, ходатайствовал за Дервиша перед эмиром, и тому разрешили вернуться в Каратегин.

образом: «Магмат-Мурад... человек мстительный и жестокосердый... Русских властей страшно боится. Удивительный обжора и сластолюбец. Одевается в богатые парчевые и шелковые халаты, подарки его высочества эмира Бухарского, но до того неряшлив, что даже сморкается в полы этих халатов... Бек хотя человек старый, но очень крепкий и выносливый в верховой езде. Имеет 17 жен: 5 — в Гарме и 12 — в других населенных пунктах. Награжден орденом св. Станислава 2-й степени, но таковой почти никогда не надевает из фанатизма, а показывает лишь в футляре. Расположением населения не пользуется, но умеет управлять им при помощи хитрости и чрезмерной строгости...»[1]

Эта неприглядная характеристика согласуется со всем тем, что известно про Мира-Мурода. А. С., путешествовавший по Каратегину вскоре после перевода мира из Каратегина, пишет: «Много интересного пришлось нам слышать по дороге про бывшего каратегинского бека Махомеда-Мурода-парвоначи, проведшего в этой должности 12 лет. Это целая летопись жестоких деяний и полного произвола; «бек много съел», выражается по-своему здешний туземец, задумчиво качая головой...»[2] Мир жестоко обращался с населением и очень притеснял его; ему подражали местные «сипо». Количество штрафов увеличивалось, их размеры доходили иногда до 1000 таньга. Население все чаще стали гонять на бесплатные поденные работы. Мастеров-плотников заставляли в зимнюю стужу работать

---

[1] Н. Юхновский. Тринадцатимесячное пребывание русского отряда в Каратегине. Изборник Разведчика, 1897, VII, стр. 72—73. В Каратегине в течение 13 месяцев существовала так называемая Гармская дистанция Туркестанского пограничного надзора отдельного корпуса пограничной стражи, в которой состояли 1 офицер и 34 нижних чина; дистанция эта была ликвидирована 10 августа 1896 г.

[2] А. С. Поездка в Горную Бухару. «Туркестанские Ведомости», 1904, № 112.

в Гарме по несколько месяцев подряд совершенно безвозмездно. Амлокдоры, ставленники Мурода, подражали ему во всем. Зять правителя — Курчи, бывший амлокдором в Шингличе, изнурял население постоянной работой по возведению новых зданий в кургане и отбирал у дехкан Шинглича участки земли. Мурод, женатый на дочери одного из яхак-пастских ишанов Махмада-Обида, дал этим ишанам в «танхо» новые кишлаки Камолистан и Фолума и позволил им издеваться над яхак-пастскими дехканами и выселять последних из их домов.

В связи с развитием товарно-денежных отношений при Муроде в Каратегине было введено еще одно новшество. Часть существовавших ранее разнообразных натуральных налогов была заменена денежными налогами. Новшество это получило распространение, повидимому, не сразу и в разных местах Каратегина имело различные формы. Во многих кишлаках был отменен сбор шерстью и веревками, а традиционный сбор по одному барану с хозяйства был заменен уплатой денег в размере от 12 до 21 таньга.

Жестокое обращение, ряд чинимых со стороны мира, его людей и местной знати притеснений вызвали глубокое недовольство среди населения. «Fuqaro dodgu şudand»— «народ стал роптать». Особенно чувствительным, повидимому, было введение денежных налогов. В то время в Каратегине деньги еще были редкостью, и дехканин из глухого кишлака, отдававший ранее одного барана, теперь, чтобы приобрести необходимую для уплаты налога сумму, был вынужден предпринимать длинное путешествие в Гарм, чтобы продать на базаре двух-трех баранов. Дехканин, не сумевший во-время продать скот на базаре, должен был реализовать его на месте, пользуясь услугами скупщика-бая; естественно, что в этом случае он оставался в еще большем убытке. В результате, в отдельных кишлаках население начало сочинять жалобы и посылать ходо-

Рис. 14. Общий вид г. Гарма.

ков к миру, а затем и в Бухару. Из столицы был прислан специальный чиновник для разбора жалоб, после чего, повидимому, кое-где были сделаны послабления: так, в Камаровском ущелье (один из наиболее глухих районов Каратегина) разрешили уплачивать налоги по желанию — деньгами или бараном (сообщение Махманазара Амона из кишлака Пингон и Гадои Кабира из кишлака Нухбоги-та).

В некоторых местах население отказывалось платить налоги и исполнять некоторые повинности. Кое-где дело доходило и до непосредственных столкновений дехкан с представителями власти. Так, например, в Хаите одно время диван-беги при амлокдоре был некто Махмуд-мирохур из кишлака Метаннон, очень притеснявший дехкан. Однажды несколько сот человек жителей долины Ясмана напали на дом этого мирохура, разрушили стены, окружавшие сад, поломали все хозяйственные постройки и хотели уже приняться за дом. Тогда к толпе были посланы несколько человек хаитских наукаров, которые сумели уговорить присутствовавших разойтись по домам. В результате Махмуд-мирохур вынужден был отказаться от должности (Холь Азим). Другой случай, происшедший в Шингличском амлокдорстве, описывает В. И. Липский. В кишлаке Гориф местный амлокдор (возможно, упомянутый нами выше Курчи), «требуя доставки свежих лошадей, обошелся не совсем почтительно с одним из стариков, замахнувшись на него рукой. Результатом было то, что толпа, подстрекаемая местным кази (судья), бросилась на амлякдара и намяла ему бока. Наш оставшийся человек хотел было заступиться, но и ему досталось и даже больше досталось, чем амлякдару. Его не только основательно поколотили, поставили кое-где фонари, порвали на нем все бывшие на нем три халата, но в конце концов ковырнули шилом». «Поступок тем более странный и даже неожиданный, — выражает свое удивление

по этому поводу автор, — что вообще население Бухары отличается забитостью, покорностью и незлобивостью».[1]

В ответ на все это последовал ряд репрессий. «Сипо» там и здесь производили расправу с населением: аресты, избиения, даже убийства. Один дехканин, некто Шо из Хоста, был предан казни в Гарме. Но и среди некоторой части местных «сипо» также, повидимому, проявлялось недовольство хозяйничанием в стране бухарцев. Во всяком случае известно, что Мир-Мурод арестовал некоторых «сипо»: Кози Мулло Гюса из Хоста, Шомансурбия из Поджи, ишана мулло Зопра из Аскалона, Сияра Абдурахмона из Шуля и Каляндара из Кули-мирзанчи. Последних трех отправили в Гиссар, первых — в Бухару (Зайнутдин Амон).

Передают, что Мир-Мурод по собственной инициативе увеличил размер «туксана», т. е. ежегодной подати Каратегина, отправляемой в Бухару, с 60 000 таньга до 100 000 таньга;[2] такое рвение каратегинского мира очень пришлось по вкусу эмиру, который в благодарность многим из близких Мурода людям пожаловал бухарские чины (Умар Фозиль). Другим мероприятием этого мира было введение в Каратегине обычая взимать с сыновей умершего «сипо» известную, иногда очень значительную сумму, называвшуюся «падар мурда» — «за смерть отца», что давало им право самим становиться «сипо» (Малик Одина).

Мир-Мурод выстроил в Гарме новую школу и мечеть, развел сад. В годы его правления торговля как внешняя, так и внутренняя получила дальнейшее развитие. В Каратегин стало приезжать больше торговцев, местные жители, в свою очередь, в большем числе стали ходить

---

[1] В. И. Липский. Горная Бухара, I. СПб., 1902, стр. 265.

[2] Д. Н. Лагофет определяет сбор, поступающий в Бухару из Каратегина, в 600 000 руб. (Страна бесправия, СПб., 1909, стр. 53).

в Коканд.[1] В стране появилась заводская посуда, в кишлаках фабричная ткань стала вытеснять кустарную. Дороги сделались лучше и безопаснее. Крупные скотопромышленники Куляба и Гиссара начали пригонять свой скот на альпийские пастбища Каратегина, уплачивая в казну мира «купрукона» — мостовую подать и «хасона» — налог с пастбищ. По определению Д. Н. Лагофета, Гарм становится одним из главных пунктов хлебной торговли в Восточной Бухаре.[2] Согласно А. Е. Снесареву, в первые годы XX в. цена пшеницы на базаре в Гарме достигала 32 коп. за пуд при хорошем урожае, а в неурожайные годы 90 коп. за пуд.[3]

После смены Мира-Мурода[4] правителем в Гарм был

---

[1] «В Ошском уезде американского хлопка посеяно 2220 десятин... окучка началась во второй половине мая... Недостатка в рабочих не чувствовалось, так как кадры их пополняются пришлым людом из Каратегина» («Туркестанские Ведомости», 1905, № 90).

[2] Д. Н. Лагофет. Страна бесправия. СПб., 1909, стр. 86.

[3] А. Е. Снесарев. Восточная Бухара. СПб., 1906, стр. 66 и след.

[4] Позволю себе привести здесь описание двора Мира-Мурода в Гарме, имеющееся у В. И. Липского: «Вечером мы сделали визит наместнику бека (сам бек находился в Курган-тюбе, где собирал закет. — *Н. К.*) Помещение, которое занимает бек, находилось недалеко от нас. Оно занимает превосходную позицию на возвышенном берегу Сурхоба; с балкона его открывается великолепный вид на долину реки...

Посещение наше было обставлено известной торжественностью. Доехав до ворот верхом, мы слезли с лошадей, отдали их прислужникам, которые толпились здесь у ворот, а сами вошли в эти интересные ворота. Вход скорее похож был на длинный коридор, идущий под прямым углом. Этот темный коридор был весь увешан старинными ружьями, огромной величины и теперь никуда негодными; некоторые из них были диковинные, с развилками, другие скорее изображали собою пушки. Эта коллекция разного оружия сделала бы честь какому-либо музею. Вход этот, особенно ночью, когда мы возвращались назад в сопровождении фонаря, производил какое-то странное, фантастическое впечатление. Масса почтительной, молчаливой прислуги, в пестрой одежде, стоящей рядами или двигающейся точно автоматы;

назначен Абдул-Мумин-инок, за свой широкий нос прозванный населением «чушка». Этот бухарский чиновник, так же как и его предшественник, насаживавший амлокдоров из своих людей и родственников, правил Каратегином ряд лет. Один из его родственников — Холик Назар, сидевший в Шингличе, настолько восстановил против себя население различными притеснениями, что шинглічцы не раз посылали жалобы в Бухару. Наконец, Абдул Мумина перевели в Гиссар, а в Каратегине его сменил каршинский мангыт Алоукуль-парвоначи (он был правителем Каратегина в год смерти эмира Абдул-Ахад-хана, т. е. в 1910 г.), сын знатного вельможи Аланор-бека, погибшего в битве с русскими под Самаркандом. Алоукуль был «кори» — чтец Корана. Этот мир, по рассказам, имел привычку ходить ночью по городу в простом платье и незаметным образом наблюдать, что делают его служащие и население. В таком виде он подходил к своим «богбон»— садовым сторожам, говорил им, что он проезжий человек, ведущий в Куляб на продажу лошадей, и просил их тайком продать немного люцерны из мирского сада. Когда сторож отказывался, он начинал его еще сильнее уговаривать, обещая заплатить втридорога. Когда он видел, наконец, что сторож остается неподкупен, уходил, а наутро призывал этого сторожа и сердито спрашивал, почему он по ночам тайно продает мирскую люцерну. Испуганный сторож клялся, что он не продал ни одного снопа, и повторял при этом, какие ругательства он отпустил ночью по адресу назойливого просителя. Тогда Алоукуль рассказывал присутствовавшим, кто был ночной гость, и весело смеялся над смущенным сторожем.

Алоукуль назначен был затем гиссарским «куш-беги» (наместником всей Восточной Бухары), где в 1920 г. встре-

---

темный коридор со стенами, увешанными старинным оружием; слабо мерцающий фонарь, — все это отзывалось весьма отдаленной стариной» (Восточная Бухара, т. I, стр. 235—236).

Рис. 15. Всадник с соколом.

чал эмира Алим-хана, вместе с которым затем бежал в Афганистан.

Последними бухарскими мирами Каратегина были Негматулло-додхо, Рахмон-куль-додхо и Абдул-Хафиз-парвоначи; Абдул-Хафиз был иранец по происхождению, из бывших рабов.. Он покинул Каратегин осенью 1920 г., будучи вызван в Дюшамбе к эмиру, который собирал армию для борьбы с советской властью.

В декабре 1920 г. в Каратегине вспыхнуло восстание, известное здесь под именем «восстания Исмона». Лицо руководителя восстания — Исмона, сына Махмад-Амина, представляется до сего времени недостаточно ясным. Люди, близко знавшие покойного каратегинского героя, склонны представлять Исмона в образе пролетария, осознавшего задачи своего класса и твердо и решительно идущего по пути пролетарской революции. Но ни на минуту не следует забывать, что Исмон, хотя и проработал полтора десятка лет на заводах и в других местах в Фергане, был глубоко связан с каратегинским кишлаком. Хозяйство, имевшееся у Исмона в его родном Янголике, было далеко не бедняцким. Наконец, тот факт, что Исмон некоторое время был мирохуром, имел 4 хозяйства «танхо» в кишлаке Хуфак, т. е. принадлежал к сословию «сипо», и, наконец, одно время даже состоял миразором (старшиной типа волостного управителя) также должно быть принято во внимание при характеристике движения и его вождя. Мало меняет дело то обстоятельство, что Исмон будто бы стал мирохуром не по своей воле: мне рассказывали, что местный влиятельный «сипо» Махмад-Саид-бий отобрал у Исмона приглянувшегося ему хорошего коня, за что добился у мира пожалования чина мирохура Исмону, против воли последнего.

Роль Исмона как таджикского народного вождя масс, восставших против своих угнетателей, конечно, не может быть умалена. Но та социальная раздвоенность, о кото-

рой только что было сказано, обусловила нерешительность и половинчатость в его поступках, повлиявших в известный степени на самый исход дела.

В конце 1920 г., когда трудящимся уже стало известно, что эмир Алим-хан, спасаясь от народного гнева, бежал из Бухары в Дюшамбе, и когда, с другой стороны, дехкане испытали не облегчение своего положения, а новые тяготы в виде дополнительных налогов, гужевой повинности и, наконец, насильственной мобилизации их самих на «борьбу за веру», т. е. на защиту рухнувшего трона, — политическая атмосфера в Каратегине сделалась достаточно накаленной. Каратегинские «сипо», десятилетиями пользовавшиеся милостями, расточаемыми верховными повелителями в награду за «верную службу», неделями и месяцами просиживавшие в приемной мира или амлокдора, за сытным «дастарханом», без всякого дела, теперь, когда эмиру, наконец, понадобилась от них действительная служба, всячески отлынивали от поездки в Дюшамбе и посылали туда насильно вместо себя и своих сыновей батраков и людей из своих «танхо», говоря, это «мой сын» или «мой брат» («pisari man» jo «barodari man» gufta).

Как мирохур, Исмон, повидимому, тоже был послан в Гиссар, но тайком с дороги бежал обратно в Янголик. Узнав об этом, мир, заменявший уехавшего Абдул-Хафиза, приказал задержать Исмона, а имущество его конфисковать.[1] Тогда Исмон бежал в Джафр, а затем разослал нарочных с письмами по кишлакам, где предлагал присоединиться к нему и итти против баев и чиновников. Вскоре в Хаите, в один из базарных дней, в ответ на

---

[1] В Янголике мне рассказывали, что мир приговорил Исмона заочно к уплате семилетнего «ушра» и «амаля» (податей). Это сообщение крайне интересно: приговором подчеркивается то обстоятельство, что хозяйство Исмона, как хозяйство «сипо», было освобождено от податей, а отказ его от службы влечет за собой уплату их.

объявление местного амлокдора об отправке новых подвод в Дюшамбе, сторонники Исмона организовали нападение на курган и заняли его; арестовали нескольких не успевших бежать местных «сипо». Неясно, был ли в этот момент сам Исмон в Хаите, или же нападением на курган руководили его ближайшие сподвижники. Вскоре после этого все приверженцы Исмона собрались в Янголик, оставив в Хаитском кургане лишь небольшой отряд восставших. Решено было двигаться в Гарм. В кишлаке Науди ополчение сделало остановку на несколько дней; все новые и новые толпы восставших присоединялись к Исмону. Сюда же прибыло из Гарма несколько человек «сипо» с предложением от мира о заключении перемирия. Но предложение было отвергнуто, и восставшие пошли к городу. Мир и находившиеся в крепости «сипо», все еще надеявшиеся на благополучный исход переговоров, были застигнуты наступавшими врасплох. Крепость была взята, некоторые из «сипо» оказались убитыми, но значительная часть из них во главе с миром, видя безвыходность своего положения, выразила покорность победителю.

Тогда, уже имея победу в руках, Исмон допустил большую политическую ошибку, ставшую роковой. Он оставил на свободе сдавшихся «сипо» и даже пригласил их на многолюдное собрание, где шла речь о целях и задачах восстания, которые, повидимому, и самому Исмону не были достаточно ясны. Вместо того чтобы сразу затем предпринять решительные действия для укрепления новой власти в Каратегине, Исмон расположился со своими людьми в Гарме на зимних квартирах. Тем временем «сипо» завязали тайные сношения с амлокдорами нижнего Каратегина, а те, в свою очередь, повели агитацию среди населения. Здесь, где имя Исмона было меньше известно и где среди дехканства, в противоположность Хаиту, контингент рабочих-отходников был незначителен, им удалось восстановить население против Исмона:

распространен был слух о том, что Исмон и его люди грабят и убивают мирных жителей, насилуют женщин, жгут дома. В результате, против восставших было двинуто огромное ополчение из дехкан нижнего Каратегина, во главе которых шли «сипо». 3 января 1921 г. Исмон, узнав о приближении ополчения к Гарму и рассчитывая на то, что он сумеет разъяснить наступавшим свои цели и тем самым привлечь их на свою сторону, с 50 спутниками двинулся навстречу им к кишлаку Сары-пуль. Оказавшись лицом к лицу с ополчением, Исмон хотел обратиться к дехканам с речью, но присутствовавшие здесь «сипо» стали перебивать его, призывая народ схватить Исмона и его людей. Произошло побоище, многие спутники Исмона были схвачены, а сам он едва успел спастись бегством.

Исмон бежал снова вверх по р. Сурхобу, в кишлаки Джафр и Нимич, куда к нему постепенно стали стекаться спасшиеся от преследования товарищи. Но многих уже не досчитались, некоторые из них были схвачены или убиты на месте в Гарме, другие попали в руки «сипо» на дороге. Тем не менее, вокруг Исмона снова собралось свыше 1000 человек восставших, и он решил предпринять новый поход на Гарм. Решительной схватке между обеими борющимися сторонами, происшедшей в местности, называемой Бинии-сурх, предшествовали, повидимому, какие-то переговоры: по одним сведениям, Исмон требовал, чтобы его пропустили в нижний Каратегин и далее в Гиссар, по другим — будто бы ему предложено было поделить Каратегин между обеими сторонами, с тем чтобы в верхней части правителем остался бы Исмон, а в нижней — гармский мир, причем в случае согласия мир обязался отпустить всех захваченных в плен сторонников Исмона. Эти переговоры были начаты миром, повидимому, с единственной целью выиграть время и стянуть возможно большие силы. Но переговоры не привели ни к каким резуль-

татам, а в состоявшемся затем сражении Исмон был разбит окончательно и принужден снова спасаться бегством.

Караул-беги Махмад-Назар-бек, бывший друг и товарищ Исмона, обещал миру во что бы то ни стало поймать беглеца (передают, что он сам был взят в плен у Сары-пуля и поимкой Исмона хотел заслужить себе прощение и чин мирохура). Он догнал Исмона на Нимичском перевале и сказал последнему, что сам он спасся бегством и привел для Исмона хорошую, взятую в мирской конюшне, лошадь. На ночь они остановились в кишлаке Мазор, в доме у некоего Мулло Икрома. Махмад Назар-бек успел тайком сговориться с Мулло Икромом, и оба они, напав врасплох на Исмона, связали его и отвезли в Гарм. Туда же вскоре был доставлен главный помощник и секретарь Исмона — Мулло Тодж из Нимичиболо и некоторые другие руководители восстания. Через несколько дней Исмон и Мулло Тодж были преданы мучительной казни, исполнителем которой явился мирохур из Хоста — Абдул Маджид, а трупы их брошены в воду. Спустя некоторое время труп Исмона был извлечен из воды его родственниками и друзьями и тайком привезен в родной кишлак, где и похоронен. Узнав об этом, Махмад-Саид-бий наложил на участников похорон Исмона штраф в 1500 таньга. Имущество и дом самого Исмона были преданы разграблению. Многие приверженцы Исмона бежали в Фергану.

Так кончилось восстание Исмона, — восстание, составившее одну из славных страниц борьбы таджикского народа со своими угнетателями. Но дни владычества мангытов и «сипо» в Каратегине тоже уже были сочтены. Через месяц с небольшим после гибели Исмона в Гарм вступил отряд Красной Армии, пришедший сюда из Гиссара.

Дальнейшие события относятся, собственно, к истории гражданской войны в бывшей Восточной Бухаре и созда-

нию Таджикской Советской Республики, в которую целиком вошло и бывшее Каратегинское бекство. Эта большая и сложная тема выходит уже за пределы моей настоящей работы. Отмечу лишь, что первые красные отряды, занявшие Каратегин ранней весной 1921 г. и действовавшие там в необычайно трудной обстановке, выдерживая борьбу с каратегинскими (Фузайль Максум, Лоик Пансат), тавильдаринскими (Ишан Султан) и матчинскими басмачами и совершая походы в соседние районы (поход в Тавильдару), пробыли в Гарме до осени того же года, когда были снова отозваны для решительных боев с басмачами в Гиссаре, Кулябе и других смежных с ними районах. После ухода красных частей Каратегин еще в продолжение двух лет оставался под властью Фузайля Максума и прочих главарей хозяйничавших здесь басмаческих шаек, пока, наконец, к осени 1923 г. советская власть была установлена здесь прочно и окончательно, а уцелевшие вожди басмачества вынуждены были бежать по ту сторону советского рубежа.

V. Социальный строй Каратегина второй половины XIX и начала XX в.

Как видно из предыдущего изложения, Каратегин во второй половине XIX в. первоначально находился под властью местной династии независимых ша, а затем вошел в состав Бухарского ханства. Это обстоятельство в известной степени усложняет задачу рассмотрения его социального строя, так как, естественно, придется говорить одновременно как о Каратегине времен ша, так и о Каратегине времен Мангытов. Но следует оговориться, что существенных и принципиальных различий в социальном устройстве того и другого периодов не наблюдается и, как мы увидим далее, эти различия скорее количественного, чем качественного порядка. Поэтому при описании тех и других институтов или явлений социальной жизни Каратегина я буду там, где это необходимо, параллельно указывать особенности шахского периода, строя в основном свое изложение на материалах, относящихся к периоду владычества Мангытов.

Как в тот, так и в другой периоды основной массе трудящегося дехканства — «фукаро» (fuqaro, единств. число faqir),[1] «дехкон» (dehqon) — противостояла местная

[1] Арабское — бедняк, бедный, неимущий.

феодальная знать. В первый период она группировалась вокруг ша, пополняя ряды его военной дружины и штат его советников, и была известна под именем «саркарда» (sarkarda) или «наукаров» (naukar).[1] Этот последний термин распространялся на всю шахскую дружину, в том числе и на более низко стоящую социальную группу кишлачных дружинников — «наукари кишлак» (naukari qişloq),[2] поскольку во времена шахов в Каратегине еще не был распространен институт чиновничества — «сипо», появившийся здесь при Мангытах. Таким образом, высшая знать в стране отличалась от кишлачных дружинников своим фактическим могуществом и богатством, степенью близости к ша, а не званием или титулом.

Сидевшая при ша знать получала от повелителя за свои заслуги, как гражданские, так и военные, пожалования: землю и дехканские хозяйства в ленное владение; пожалования за военные заслуги назывались пожалованиями «джильду» (çildu).[3] В историческом очерке уже было отмечено, что особо отличившиеся в военном деле саркарда назывались «богатырями» (bodər), а лица, близко стоявшие к ша, именовались «бобои ша». Все наукары, на конях и хорошо вооруженные (см. главу III), были обязаны участвовать в военных походах.

Уже говорилось о том, что каратегинская местная знать со времен Рахим-хона стала получать от эмира бухарского чины, раздача которых особенно увеличилась при Худой-Назаре и последующих мирах. Самым низшим бухарским чином в Каратегине был чин караул-беги, а затем в восходящем порядке давались чины мирохура, туксобо, ишага-баши и бия; чиновников более высокого ранга, не считая самого мира (который обычно имел зва-

---

[1] Sarkarda — командующий войсками, naukar — военный слуга.

[2] Кишлачные наукары.

[3] Термин этот употреблялся в Каратегине в смысле: «военная доблесть», «отвага» и «пожалование за военную доблесть».

ние додхо или парвоначи), в Каратегине не было.[1] С тех пор титулованная местная знать стала называться «сипо» (sipoh) или «амальдоры» (amaldor),[2] а количество ленных пожалований находилось в соответствии с тем, какой чин имело то или другое лицо, хотя каких-либо определенных норм ленных пожалований для каждого чина не существовало. Лицо, получавшее какой-нибудь бухарский чин, получало вместе с тем от мира халат и особую бумагу на присвоение ему звания, причем право назначения высших чинов (начиная с туксобо) принадлежало эмиру, а низшие чины давались непосредственно миром. Получивший чин обязан был отдарить мира каким-либо ценным подарком или суммой денег. Выше (глава IV) уже было упомянуто об обычае, согласно которому сын сипо после смерти своего отца делал определенный взнос— «падар мурда», после чего сам становился амальдором.

Помимо светских феодалов, в Каратегине существовала еще группа духовных феодалов, в числе которых были, главным образом, ишаны. Они при Мангытах также стали получать бухарские звания — «судура» и «урока».

Наукари-кишлак или, как их еще называли, «алямун-наукар» (alamun-naukar),[3] сохранили свое название вместе со своими прерогативами и во времена Мангытов. Отличие их от саркарда шахского периода и сипо эпохи Мангытов заключалось в том, что они, исполняя различные мелкие поручения, не получали ленных пожалований, но в отличие от простого народа были «беамаль» (beamal),[4] т. е.

---

[1] О бухарских чинах см. Н. В. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, а также работу А. А. Семенова. Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывш. Бухарского ханства. Труды Средне-Азиатского Государственного Университета, серия II, в. 1, Ташкент, 1929.

[2] Sipoh — войско, армия; арабское amal — дело, действие, практика, также подать; amaldor — должностное лицо, чиновник.

[3] От арабского alaman — солдат.

[4] В смысле «освобожденный от податей».

не платили налогов ни с урожая, ни с домохозяйства. Вследствие этого их иногда называли также «наукари-беамаль» или просто «беамаль».

Эта довольно многочисленная социальная прослойка бывших низших дружинников ша во времена Мангытов сохранялась, повидимому, в качестве посредника между населением и властями для поддержания авторитета последних и более успешного выполнения различных налоговых и других мероприятий. В этих целях в каждом кишлаке имелось несколько человек кишлачных наукаров. Но, с другой стороны, известно, что население некоторых кишлаков поголовно состояло из кишлачных наукаров. Так, все население многолюдного Хаита и Калаи-ляби-оба состояло из наукаров; точно так же население Хныча, группы мелких кишлаков, составляющих теперь отдельный джамагатский совет, со времен Рахим-хона являлось наукарами. Трудно решить, чем было вызвано такое поголовное зачисление в наукары населения целых кишлаков. Можно лишь догадываться, что, например, в Хаите и Калаи-ляби-обе, где раньше существовали курганы, население призвано было нести военную службу преимущественно перед жителями других кишлаков, а позднее, когда здесь утвердились амлокдоры, — различную административную службу.

Но, освободившись от налогов, кишлачные наукары, помимо различных административных поручений (надзор над работами на мирской земле, доставка писем и податей в Бухару и т. п.), несли также и барщинные повинности наравне с рядовыми дехканами. В Хосте кишлачные наукары вместе с факырами обрабатывали мирскую землю, в Хаите участвовали в общих работах на земле местного феодала Гадои-бия, в Хныче несли барщину на землях Махмад-Саид-бия, возили его зерно в Гарм и ездили в Гиссар по его делам, а также выполняли в Гарме различные строительные работы для мира.

Рис. 16. Вид из Гарма на хребет Петра I.

При ша в Хаите кишлачные наукары пахали и жали на шахской земле вместе с дехканами и освобождались лишь от молотьбы, производившейся силами только одних дехкан.[1]

Следующей, незначительной по величине социальной группой населения являлись так называемые «торхуны» (torxun) и «дао-гу» (da'-gū). Первый термин, распространенный еще в средние века среди турок и монголов, применялся к лицам, пользовавшимся полным освобождением от налогов или известными льготами по ним.[2] Примерно в таком же значении употреблялся он и в дореволюционном Каратегине. Лица, бывшие торхунами, имели некоторые льготы по налогам. Так, например, они не должны были уплачивать «ушра», т. е. одной десятой доли урожая, взимавшейся с остального населения. Вообще торхуны уплачивали лишь очень незначительные подати, например, одного барана или один халат в течение года, а иногда ограничивались уплатой нескольких

---

[1] Г. А. Арандаренко, писавший в то время, когда институт сипо еще только появлялся в Каратегине, не смог провести принципиальной разницы между наукарами-«саркарда», представителями высшей местной знати, составлявшими класс феодалов, и кишлачными наукарами — неродовитой социальной группой, пользовавшейся лишь некоторыми льготами, хотя автор и говорит, что более родовитые или же отличившиеся из них получают бухарские чины (см. его «Каратегин». Военный Сборник, 1878, № 5, стр. 129—130, и «Каратегин и Дарваз». Военный Сборник, 1883, № 11, стр. 148—149. О кишлачных наукарах см. также Васильев, цит. соч., стр. 26—27).

[2] Ср., например, Г. Вамбери. История Бохары, 1. СПб., 1873, стр. 19, примечание; В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II. СПб., 1906, стр. 414—415. В Кокандском ханстве льготы по налогам с урожая носили название «дархан» (Н. П. О податях и повинностях, существовавших в бывш. Кокандском ханстве. «Туркестанские Ведомости», 1876, № 16, 17). См. также М. С. Андреев и А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии, Ишкашим и Вахан. Музей Антропологии и Этнографии Акад. Наук, IX, 1911, стр. 10.

фунтов масла или небольшой суммы денег. Точно так же в ряде трудовых повинностей торхуны пользовались льготами или полным освобождением от них. Такие же льготы и привилегии имели дао-гу. Самый этот термин означает «просителя», «молящегося», в данном случае, вероятно, «молящегося за правителя».

Обе эти категории лиц существовали еще во времена ша, причем звание торхуна и дао-гу переходило по наследству от отца к сыну. Здесь также сын после смерти отца должен был сделать приношение властям (падар-мурда), чтобы сохранить за собой звание, присвоенное отцу. Торхунам в удостоверение их звания давалась особая грамота — «хати торхун» (xati torxun). Представляется недостаточно ясным, какая категория людей могла быть обладателями этих званий, но, повидимому, сюда входили те слои населения, которые не принадлежали ни к классу феодалов, ни к классу дехкан. В условиях Каратегина это были грамотные люди — муллы, учителя, имамы кишлачных мечетей, мирзы, отдельные мастера-ремесленники, а в последнее время и представители нарождавшегося байства. Известно, например, что некоторые баи, бывшие раньше факырами, вносили значительные суммы гармскому миру и получали от него звание торхуна. Хозяйства торхунов и дао-гу не могли быть отданы в ленную зависимость.

Таким образом, в рассматриваемый нами период мы находим в Каратегине два основные, противостоящие один другому класса: класс эксплоатирующий — местную землевладельческую и служилую феодальную знать, и класс эксплоатируемый — основных производителей, земледельцев-дехкан, на котором лежали все подати и барщинные повинности. Среднее место занимала социальная прослойка торхунов, дао-гу и кишлачных наукаров, частично или вовсе освобожденная от податей и повинностей, к которой следует также причислить и много-

численную кишлачную администрацию, о которой будет сказано в связи с административным устройством страны.

*

* *

Столицей Каратегина являлся город Гарм. При ша, а впоследствии при мирах, здесь находилась цитадель, в которой жил правитель страны. Описание гармской цитадели, реставрированной, вероятно, Худой-Назаром, оставил капитан Васильев. Находилась она на берегу р. Сурхоба, в юго-восточной части города, и представляла собой квадрат со сторонами в 40 шагов длиной. Цитадель была обнесена толстой глинобитной стеной, а внутри ее находилось два дворика с выходами через восточную и западную стены. У северо-восточного угла находилась наблюдательная башня, диаметром в 4 метра, а высотой — до 7 метров.[1] В стенах цитадели были устроены бойницы. Внутри ее имелись особые помещения для правителя и для каждой из его жен в отдельности. На лето правитель перебирался в пригородные сады.

Все крупные феодалы, как правило, имели в Гарме свои дома и большую часть времени проводили в цитадели. Утром они собирались у ворот последней, причем наиболее знатные из них и имевшие высшие чины подъезжали туда верхом, а остальные должны были являться пешком. В помещение к правителю входили все вместе, рассаживались там по рангу, с одной стороны — светская знать, с другой — духовенство. Затем подавалось угощение, тут же решались различные дела, тяжбы, накладывались штрафы и определялись наказания для виновных в чем-либо, присутствовавшим вельможам давались отдельные поручения и т. п. После полудня пода-

[1] Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина. Сб. географ., топогр. и статист. материалов по Азии, 1888, XXXIII, стр. 24—25.

вался обед — «он», затем снова некоторое время обсуждались и решались дела, после чего все расходились по домам.

При Мангытах каратегинский мир каждую пятницу обязан был посылать эмиру в Бухару особое письмо — «ариза» (ariza), которое составлялось главным секретарем бекства — «мирзои калон» (mirzoji kalon). Если неделя проходила благополучно, без всяких выдающихся событий, то письмо эмиру гласило, что «население здравствует» (fuqaro sahat salomat), и называлось «аризаи тинджй» (arizaji tinçī — письмо спокойствия); если же случалось что-либо, о чем следовало упомянуть, то такое письмо называлось «аризаи гандор» (arizaji gandor — письмо, содержащее известия, новости). Письмо давалось нарочному, который в течение 15 дней должен был доставить его в Бухару; на расходы он получал 10 рублей деньгами.[1]

Ежегодно осенью мир отправлял в Бухару подать с Каратегина, называвшуюся «туксан» (tuksan). Ко времени отправки туксана из амлоков и киплаков в Гарм свозились собранные с населения налоги в виде золота, серебра, бумажных денег, чакменей, медвежьих шкур, материй и т. п. О величине податей, уплачивавшихся эмиру Каратегином, уже было сказано в предыдущей главе. Другой термин — «тартук» (tartuq) относился, повидимому, не к подати, а к подаркам, преподносившимся миром эмиру отдельно от податей в виде лошадей, мехов и т. п.[2] Летом каратегинские миры, как известно,

---

[1] Ср. А. П. Административное устройство Гиссарского бекства. «Туркестанские Ведомости», 1908, № 112.

[2] «...tartuq означает всякого рода предмет, который представляется от младшего к старшему, когда последний является к первому, по какой-либо надобности, на поклон». Мирзо Шамс Бухари. Записки о некоторых событиях, происходивших в Бухаре, Хиве и Кокандском ханстве. Ученые Записки Казанского университета, 1861, кн. 1—2, стр. 114. Г. А. Арандаренко (Дарваз и Каратегин. Военный Сборник, 1883, № 11, стр. 150—151) считает ежегодный сбор

совершали поездки в западные бекства для сбора закета, а осенью во время сбора налогов объезжали амлоки Каратегина. Ежегодно весной по получении из Бухары особой грамоты близ Гарма устраивались традиционные празднования нового года, подобно тому, как это практиковалось и при ша.

Первым помощником правителя являлось лицо, носившее звание «диван-беги» (divan-begī и сокращенно din-begī). Как при ша, так и при мирах диван-беги в большинстве случаев назначался из представителей высшей местной знати и имел всегда большое влияние на правителя и на проводимые последним мероприятия. Официально это было лицо, заведывавшее казной, а также всем хозяйством правителя. Он наблюдал за сбором и поступлением налогов, ведал раздачей наград, жалованных халатов, сельскохозяйственными работами на шахских или мирских землях и т. п.

При особе правителя постоянно находился «есаул баши» (esaul-başi) с подведомственными ему есаулами; как лицо особо приближенное, являвшееся главой личной охраны правителя, при мирах есаул-баши обычно назначался из узбеков, прибывших в Каратегин вместе с миром. Мир часто передавал свои распоряжения через есаул-баши, а также поручал ему приведение в исполнение различных приговоров (заключение под стражу осужденного, наказание палками и т. п.). Есаул-баши имел чин караул-беги или мирохура и несколько ленных хо-

---

с Каратегина в 43 700 руб., который, по его словам, целиком идет в пользу сипо, администрации и самого мира, в то время как приношения в Бухару, составляющие в год 10 000—15 000 руб. (50 000—75 000) таньга), покрываются из других источников. Капитан Васильев (цит. соч., стр. 22—23) считает, что каратегинский мир отправлял ежегодно от 100 000 до 150 000 таньга и 35 лошадей с дорогими подарками; автор считает, что посылаемое эмиру значительно меньше того, что должно было оставаться у мира после сбора податей и издержек на необходимые казенные расходы.

зяйств. Затем, в цитадели находился так называемый «кур-баши» (qur-başi), заведывавший арсеналом (qur-xona) и игравший роль коменданта крепости. Ему был непосредственно подчинен «лавунд-баши» (lavund-başi) со своими «лавундами»[1] (lavund, lavundi dari qal'a, lavund-naukar) — дворовой прислугой. Кур-баши имел в своем распоряжении до 10 ленных хозяйств, лавунд-баши — 3—4 хозяйства, простые лавунды были беамаль или имели 1—2 ленных хозяйства. При мире всегда находилось 15—20 человек родственников и приближенных ему людей, так называемых «шогырд-пеша» (şegird-peşa), из среды которых, как мы видели, назначались есаулы, а также наместники-амлокдоры.

Помимо этого, если можно так сказать, придворного штата,[2] в Гарме находился еще главный судья — «кози калон» (qozi kalon) и специальное лицо, наблюдавшее за благочестием населения, — «раис» (rais). Тот и другой были крупными чиновниками и имели в кишлаках собственный административный аппарат, о котором будет сказано ниже.

Неоднократно уже приходилось указывать, что Каратегин как при ша, так и во времена миров был разделен на ряд наместничеств, в центрах которых имелись крепости-курганы наместников. В шахский период эти наместничества, повидимому, не носили особого названия, в то время как центры их назывались просто «курганами», а сидевшие в них наместники — «ша бача» (şah baca), «саломчии ша» (salomciji şah) или же иногда «мирами». При Мангытах те же наместничества стали называться «амлоками» (amlok), а наместники — «амлокдорами» (amlokdor). Не останавливаясь здесь на некоторых изме-

---

[1] Lavund — буквально — вольный, беспутный; бродяга; авантюрист.

[2] Г. А. Арандаренко приводит (Каратегин. Военный Сборник, 1878, № 5, стр. 130) описание придворного штата при ша, но оно слишком схематично и, повидимому, не вполне соответствует действительности.

нениях, происходивших временами в числе и местонахождении наместничеств, укажем, что в основном их было десять: Оби-Гарм, Муджихарф, Помбачи, Яхак — Юс, Наудонак, Яфуч, Шинглич, Хант (при шахах Сакоу), Калайляби-об, Джиргаталь. Большинство из них было разбито на несколько (3—4) «миразорств», управлявшихся «миразорами» (mirazor)[1] и подчиненных амлокдору. Помимо этого существовал еще ряд крупных миразорств, не уступавших по количеству населения и величине территории амлокам и подчинявшихся непосредственно Гарму. Таковы были миразорства: Яхакпаст — Булькос, Хост, Шуль, Хильмони, Мазор, Самсалык, Шоле и Гарм (или aftobrū, по правому берегу р. Сурхоб, от Гарма до Нимича). Это административное деление, повидимому, сложилось чисто исторически, не вызывалось целесообразностью и существовало последнее время уже, вероятно, в силу традиции. Так, например, существовали амлоки типа Яфуч, состоявшего из одного кишлака, или типа Помбачи, насчитывавшего четыре кишлака, а наряду с ними имелось миразорство Яхакпаст—Булькос, по количеству населения и кишлаков не уступавшее самому большому амлоку.

Джиргатальский наместник, назначавшийся при ша из его приближенных таджиков, а при Мангытах — из людей мира, проживал постоянно в Гарме, имея среди киргизских биев своих помощников — «ноибов». Сам он выезжал в амлок лишь во время сбора податей.

Основной задачей амлокдоров и миразоров крупных миразорств, помимо выполнения других административных функций, являлся сбор налогов с населения, в котором амлокдоры отчитывались, повидимому, непосредственно перед миром, а миразоры — перед гармским диван-

[1] Mirazor — начальник тысячи; здесь мы имеем дело с остатками старого административного деления на десятки (даха), сотни (сада) и тысячи (хазара).

беги. Миразоры, так же как и амлокдоры, всегда были крупными чиновниками, имевшими несколько десятков ленных хозяйств.

Сельской низовой администрацией являлись «арбобы» (arbob),[1] обычно по одному на каждый кишлак. Арбоб избирался из среды местного населения; фактически эту должность занимало всегда лицо пожилое, наиболее зажиточное и влиятельное в кишлаке. Арбоб освобождался от уплаты налогов, т. е. был беамаль, и пользовался различными сборами с односельчан, получая при сборе урожая по одному блюду (tabaq) зерна с каждого хирмана, различные приношения в случае каких-либо семейных празднеств и т. п. Для сбора налогового зерна с урожая на каждые два-три кишлака назначался один «мушриф» (muşrif, т. е. лицо, собиравшее ушр). Так же как и арбобы, мушрифы были освобождены от уплаты налогов и получали с каждого хирмана по одному блюду зерна в свою пользу.

Гармский раис имел своих помощников по амлокам и миразорствам, также называвшихся раисами. Этих раисов приходилось по одному на крупное миразорство (например, «афтобру», Яхакпаст—Булыкос) и по несколько человек на амлок. Принадлежностью раиса являлась особая плеть, ударами которой он награждал лиц, нерадивых к молитве или не выполнявших тех или других предписаний шариата. Раисы собирали по одному блюду зерна с хирмана, а также обходили осенью дома своих прихожан, где им давали сыр, масло и другие продукты питания. Козикалон имел в амлоках и миразорствах своих ноибов — заместителей, которые в больших амлоках, в свою очередь, также имели ноибов. При кози имелись муфтии,

---

[1] Объяснение термина см. А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывш. Бухарского ханства. Труды Средне-Азиатского Государственного Университета, серия II, вып. 1. Ташкент, 1929.

разъяснявшие постановления шариата. Кози за разбор дела взимали особый сбор — «хукмона» (hukmona) в свою пользу, а также производили сборы с разделов имущества, свадеб, похорон.

Лицо, в чем-либо провинившееся, подвергали казийскому суду. Если суд признавал его виновным, то мир или амлокдор определял наказание. Преступников, приговоренных к тюремному заключению, из амлоков отправляли в Гарм, где было особое тюремное помещение — «банди-хона» (bandi xona). Срок тюремного заключения не определялся: осужденный обычно находился в тюрьме до тех пор, пока кто-либо из знати, по просьбе друзей или родственников, сопровождаемой известным приношением, не ходатайствовал перед правителем об его освобождении. Тогда тюремное заключение в большинстве случаев заменялось штрафом. На шею и ноги арестантов надевались железные колодки, запиравшиеся на замок. Другими видами наказания являлись штраф и избиение палками («75 палок»). Смертный приговор в каждом отдельном случае должен был быть санкционирован эмиром, который присылал особый указ, называвшийся «муборакномаи кушт» (muboraknomaji kuşt). Осужденному отсекали голову топором или же душили его, а затем бросали в реку.

Отдельные амлоки своим устройством и внутренней жизнью являлись как бы миниатюрной копией гармского двора. Остановимся вкратце на описании некоторых из них.

Шингличский амлок охватывал территорию двух современных джамагатских советов — Шингличского и Пингонского. В составе амлока было 3 миразорства — Камароу, Дараи-гориф и Дараи-варзгун. В Шингличском кургане имелись два двора — внутренний (hauliji darun) и внешний (hauliji berun). В первом из них находился дом правителя, типа обычной местной «мехмон-хона», рядом

с ним помещение для приготовления пищи (oşpaz xona). Во втором помещались: конюшня (sajis xona), чистая «мехмон-хона» (буквально — помещение для гостей) для летнего времяпровождения амлокдора и приема посетителей (mehmonxonaji safed), черная «мехмон-хона» (mehmonxonaji sijoh), где разводили огонь зимой, и кладовая для припасов. Внутренний двор был обнесен высокой стеной, построенной амлокдором Курчи.

При амлокдоре находилось несколько сипо низших чинов (не выше туксобо), один нойби-кози, отвозивший казийские сборы в Гарм, один раис, пять человек муширфов. Дворовая прислуга состояла из нескольких человек лавунд, живших в черной мемхон-хоне. При женах амлокдора находились прислуживавшие им женщины, взятые из кишлаков или же из среды дворовых женщин, прибывших с амлокдором. В той же черной мехмон-хоне были устроены колодки, в которых содержались преступники, временно, до освобождения или до отправки в Гарм. Шинглический амлокдор собирал в свою пользу ушр с 4 кишлаков: Шинглич, Шинбог, Ходжи-човук и Биовак, а все остальные сборы и доходы обязан был отсылать миру в Гарм.

В пределах Хаитского амлока имелись четыре миразорства: Ясман, Дараи-ярхич, Хаит и Миртоб. В кургане было также два двора, обнесенных высокой стеной. Амлокдор со своей семьей жил в помещении, находившемся во внутреннем дворе; здесь же были пристройки для служанок, а также помещения для приготовления пищи. Около дома амлокдора был устроен пруд и росли яблони. Во внешнем дворе находились три мехмон-хоны. Перед курганом был разбит большой урюковый сад, отделенный от базарной площади стеной с массивными воротами, под которыми находились помещения для лавунд и банди-хона. При амлокдоре было несколько человек махрамов из его людей, затем диван-беги, есаул-баши,

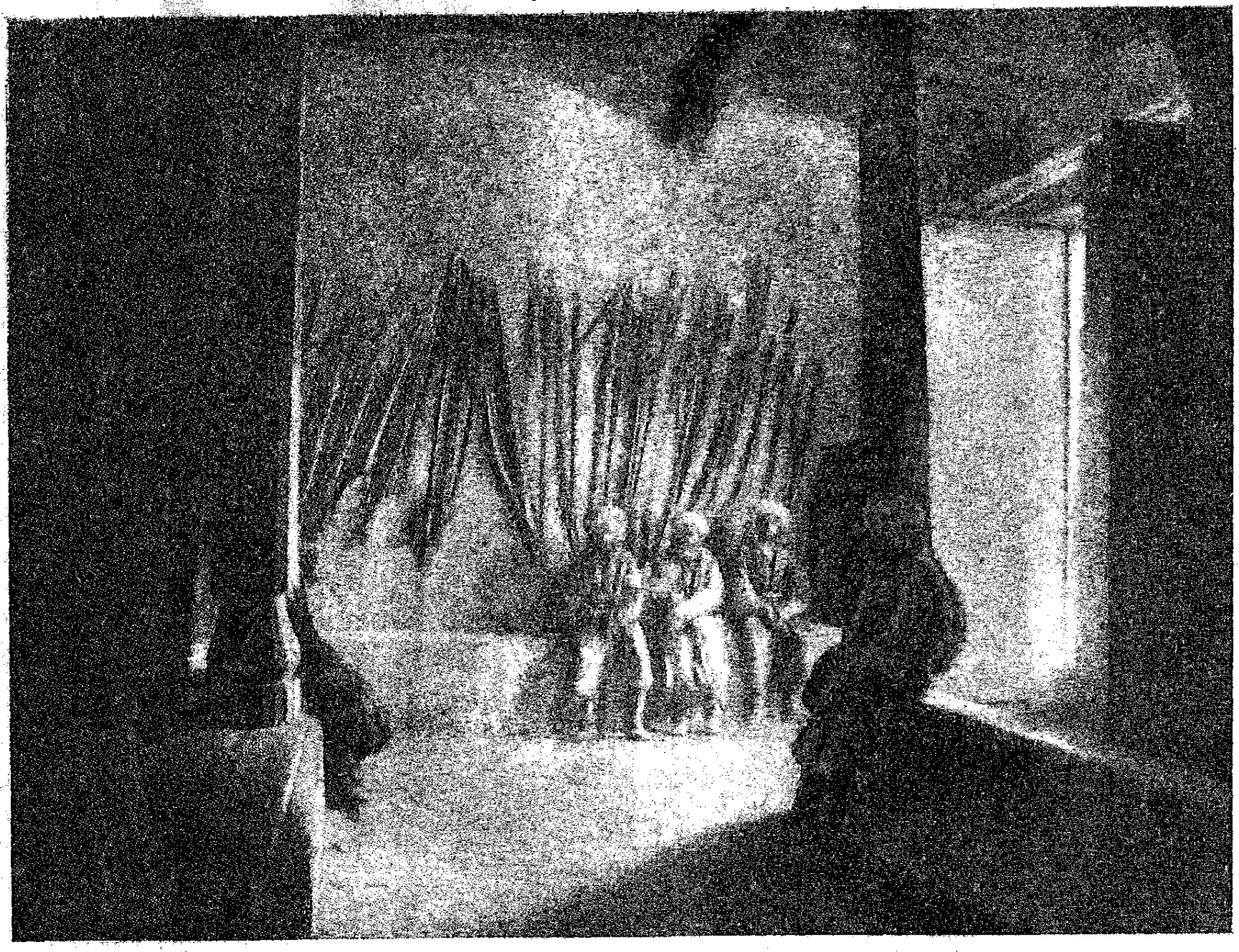

Рис. 17. Вход в дом гармского бека.

кур-баши и человек 10 лавунд, во главе с лавунд-баши. В Хаите был особый кози, имевший по кишлакам 8 наибов и 3 раиса.

Как и повсеместно на мусульманском Востоке, в Каратегине существовало два типа духовных школ: начальных — «мактаб» и более высокого типа — «медресе». Мактабы были в каждом кишлаке; обучение в них вел мулло-имам данной мечети. Ученики каждый четверг обязаны были приносить учителю что-либо из дома: дрова, хлеб, молоко и т. п. Когда ученик кончал чтение «Хафтьяка», отец должен был устраивать угощение, на которое приглашались мулло и старики данного кишлака; мулло дарилась чалма или халат. Дальнейший курс обучения состоял в чтении других книг духовного содержания: «Каломи-шариф» (Коран), «Чор-китоб», книга поэта Бидиль. В школу поступали все кишлачные дети, но кончали ее немногие, главным образом дети зажиточных родителей. Раисы следили за исправным посещением детьми мактаба.

Число медресе в Каратегине также было довольно значительно. Так, например, в окрестностях Гарма медресе имелись в следующих кишлаках: Науди, Бедак, Булькос, Халкарф, Лойяк, Чашма-кзы, Шуль и Казнок. Помещение медресе возводилось обычно путем устройства общественных работ — «хашара», на которые привлекались как учащиеся — «мулло-бачи», так и дехкане. Для постройки медресе отводился участок дехканской земли; иногда же землю жертвовал кто-либо из местной знати; так, для хиссоракской медресе земля была дана крупным хаитским феодалом и наместником Музаффархона, саркарда Махмад-ходжей. Учащиеся медресе кормились за счет населения. Для этого каждый учащийся прикреплялся на «куш» (постой) к отдельному дехканину, который обязан был доставлять ему ежедневное пропитание. Мударрисы же обычно получали в свое

распоряжение несколько ленных хозяйств, а также участок мирской земли для обработки, на котором устраивались хашары окрестных дехкан; в некоторых местах на эти хашары привлекались и мулло-бачи.

*

* *

Эксплоатация трудового дехканства в Каратегине в рассматриваемый нами период осуществлялась путем взимания феодальной ренты в двух ее основных формах — отработочной ренты (барщина) и ренты натурой (оброк), к которым с течением времени присоединяется денежная рента. Мы не должны забывать при этом, что в силу специфических особенностей азиатского феодализма, где государство являлось верховным собственником земли, в Каратегине, так же как и в других областях Туркестана, рента и налог совпадали, и всякий налог должен рассматриваться нами как рента.

Все наши материалы говорят за то, что налоговые и барщинные повинности во времена ша были значительно легче, чем впоследствии, во времена Мангытов, хотя, как мы отмечали в предыдущей главе, Худой-Назар сохранил в Каратегине прежнюю, оставшуюся от ша систему налогов. Это естественно, если мы примем во внимание, что в то время в Каратегине еще почти целиком господствовали отношения натурального хозяйства, когда границу эксплоатации крестьянства ставила «емкость желудка феодала». Но, с другой стороны, бесконтрольность ша и их дружинников содействовала тому, что в стране царил полный произвол. Мне рассказывали, что ша позволяли себе брать из попавшегося им на пути дехканского стада любую корову и закалывать ее себе на обед. Про ша Тура, брата Музаффар-хона, бывшего наместником в Кали-ляби-обе, передают, что время от времени он собирал всех, в чем-либо провинившихся мужчин и женщин, раздевал

их всех донага и пускал в свой сад, приговаривая: «in gałaji aspu baital mecarad, man tomoşo mekunam» (т. е. «пусть это стадо лошадей попасется, а я полюбуюсь»).

Налоги, которые платило население во времена ша, были следующие: «ушр» ('uşr), т. е. 1/10 часть урожая пшеницы и ячменя, «амаль» (amal) — 1 баран с каждого домохозяйства в год, топленое масло, количество которого варьировало в различных местах, дрова, вернее, хворост (100 вязанок или 2—3 «ушоха» — uşox; ушохом называли нагруженную дровами чигину). Кроме того местами брали и некоторое количество других продуктов сельского хозяйства — шерсть, сыр, домотканные фитили для ружей (piltaji kamon).

Переходя к налогам, взимавшимся при мирах, память о которых, естественно, лучше сохранилась среди населения, позволю себе привести их перечень по некоторым отдельным кишлакам и районам, чтобы показать их сравнительное разнообразие.

Жители кишлака Шархо давали ушр, амаль — 1 барана в год с хозяйства, 2 фунта топленого масла с хозяйства, 1 ушох дров с хозяйства, 1 веревку для недоуздка (nuxtaband) со всего кишлака; в кишлаке Кызыло давали с каждого хозяйства ушр, а 1 барана, 100 вязанок хвороста и 1 ушох дров возили в Гарм своему феодалу; в кишлаке Бедак — ушр, 1 барана, 1 крынку масла, 1 тюбитейку сыру, 1 фунт шерсти, 100 вязанок дров; позднее стали брать ушр и 21 таньга деньгами; в кишлаке Се-Джангаль (долина р. Сорбух) давали ушр, с 1 пары быков 5 ушохов дров, не имевшие быков — 15 «пуштора» (puştora — ноша на спине), имущие — «бынаи бутун» (bənaji butun — полное хозяйство) — давали кроме того барана и 15 фунтов масла, неимущие — «об-хур» (ob-xur — буквально — «пьющие воду») — лишь 2—3 таньга деньгами, с совсем неимущих брали 1 «аиль» (ail — чресседельник для лошади); в Горифском ущелье, население кото-

рого имело некоторые льготы, брали по 1 барану в год, а в соседнем с ним ущелье Дараи-де-дихи — по 3 фунта масла и 1 мешку углей для кузнецов с хозяйства; в ущелье Дараи-варзгун давали ушр и по 30 фунтов масла; в других кишлаках долины рек Сорбух и Камароу брали ушр, дрова, 1 барана и 12 таньга, обхуры давали по 4 таньга, а впоследствии стали брать ушр и 21 таньга (в некоторых местах вместо барана и денег брали масло); в Нухбоги-та (Камароу) — ушр, 30 фунтов масла, 1 барана, дрова, 1 чакмень со всего кишлака, а впоследствии, при мире Муроде, вместо барана стали брать деньги; жители кишлака Дашти-хырсон обязаны были оказывать гостеприимство проезжавшим и проходившим через перевал — «пайтова кок куни» (pojtova qoq kunī — «просушивать портянки»), кормить их самих и лошадей, а потому платили лишь 4 таньга налога; в хаитских кишлаках при мирах вместо барана стали брать деньгами, брали ушр, 20 таньга деньгами (с обхуров — 12 таньга), 1 крынку масла, 5 фунтов шерсти, 4 ушоха дров; в Хосте во времена Худой-Назара брали ушр, 1 барана, 1 крынку масла, 100 вязанок дров, а со времен мира Мурода вместо барана стали брать 21 таньга, также прекратили поборы дровами, но зато ввели 1 день барщины по доставке дров.[1]

---

[1] О налогах в Каратегине см.: Г. А. Арандаренко. Каратегин. Военный Сборник, 1878, № 5, стр. 131; Его же. Дарваз и Каратегин. Военный Сборник, 1883, № 11, стр. 150; Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина. Сб. географ., топограф. и статист. материалов по Азии, 1888, XXXIII, стр. 23—24; А. Е. Снесарев. Восточная Бухара. СПб., 1906. О налогах в других ближайших районах Средней Азии см.: для Ягноба и долины Заравшана — А. П. Хорошхин. Долина Заравшана. Военный Сборник, 1870, № 7, стр. 125—135; А. Гребенкин. Заметки о Когистане. Материалы для статистики Туркестанского края, 1873, II, стр. 82—83; Л. Н. Соболев. Географические и статистические сведения о Заравшанском округе. Записки Русского Географ. Об-ва по Отд. статистики, 1874, IV, стр. 375 и след.; А. Л. Кун. Сведения о Ягнаубском народе. «Туркестанские Ведо-

Но этими налогами дело далеко не исчерпывалось. При обмере урожая и уплате ушра дехканин должен был еще уплатить по одному большому «табаку», вмещавшему около пуда зерна, следующим лицам: миру или амлокдору (а иногда и обоим одновременно) — «сарона» (sarona), мушрифу—«мушрифона» (muşrifona), раису — «раисона» (raisona) и арбобу; неопределенное количество зерна давалось также своему имаму, не считая периодических приношений ему за обучение детей. Одну тюбитейку зерна давали проходившему во время уборки хирмана путнику «барои халоли хирман» (baroji xaloli xirman) — «для очищения хирмана». Затем существовали особые сборы по разному поводу. За раздел хозяйства — «тарака» (taraka) — с дехканина брали большие поборы: кози получал $^1/_{40}$ часть стоимости делимого имущества (tarakaona), еще большую часть брал для правителя миразор (xaqona); за свадьбу получали кози (niqohona), раис (noibona) и правитель (hukmona), причем последний, кроме денег, брал еще барана. При похоронах кози брали с родственников умершего «пешномоз» (peşnomoz). Со споривших при решении дела брали кози и правитель (hukmona). Раис, как было указано выше, собирал осенью продукты с дехкан в свою пользу. Много денег поступало путем сбора штрафов с населения — «яргу» (jarqu). С лиц, возвращавшихся с отхожих промыслов, брали закет — $^1/_{40}$ часть стоимости приносимого имущества, а на месте амлокдор или миразор собирал в обязательном порядке с пришедших приноше-

---

мости», 1881, № 3 и 4; для Ферганы — А. Ф. Миддендорф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882, стр. 421—425; Н. П. О податях и повинностях, существовавших в бывш. Кокандском ханстве. «Туркестанские Ведомости», 1876, № 16, 17; для Гиссара — А. Е. Снесарев. Восточная Бухара. СПб., 1906. Приложение. См. также работу А. А. Семенова. Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывш. Бухарского ханства. Труды Средне-Азиатского Государственного Университета, серия II, вып. 1. Ташкент, 1929.

ния — «саукот» (sauqot). Кроме регламентированных налогов, иногда администрация или отдельные феодалы собирали с кишлаков веревки, шерстяные шаровары, чакмени и т. п. вещи.

Сбор ушра и амаля производился осенью. Для этого в амлоки выезжали особые уполномоченные из Гарма, имевшие при себе списки населения. Затем вместе с амлокдорами и диван-беги они объезжали кишлаки; каждый дехканин приносил свой налог (если это были деньги), и в списке делалась отметка об уплате. Скот сгонялся на определенные пункты. Муширифы определяли урожай на каждом хирмане. Затем, когда следовало соответствующее распоряжение, каждый дехканин обязан был отвозить свое зерно в правительственный амбар. Это зерно затем обычно продавалось на местах приходившим вахиям, матчинцам или киргизам, а вырученные деньги отправлялись в Гарм. При отсылке туксана в Гарм амлокдор обычно приготовлял отчет, в котором указывал, что ему для своих нужд необходимо было бы оставить такое-то количество зерна, одежды и т. п., на что он получал разрешение. В крупных миразорствах, подчиненных Гарму, объезд кишлаков при сборе налогов делал гармский диван-беги непосредственно.

Отработочная рента, как пришлось уже указывать, приняла особенно большие размеры при Мангытах, когда начались постройки дорог, зданий в курганах, увеличилась общая площадь запахиваемых земель. Принудительные работы, подразделявшиеся на «хашар» (xaşar) — массовая сельскохозяйственная работа, и «бегори» (begorī) — работа по постройке и ремонту зданий, очистке снега у домов и на крышах и т. п. производились как для правителя (мира, амлокдора), так и для отдельных феодалов, в последнем случае — силами его ленных хозяйств. Вопроса об отработках на феодала его ленников мы коснемся ниже в связи с вопросом о ленных хозяйствах

вообще, сперва же остановимся на работах на правителя.

Жители ближайших к Гарму кишлаков должны были каждое лето в течение 6 дней работать на мирской земле, от 12 до 15 дней в году работать по ремонту и постройке зданий в Гарме, а кроме того ходить на починку дорог. Дехкане кишлаков долины рек Сорбух и Камароу ходили обрабатывать мирские земли близ Гарма (Чоршоха и Мынданул) в течение 9—10 дней, кроме того несколько дней работали в Гарме на бегори; они же обязаны были работать на шинглического амлокдора в случае, если ближайшие 4 кишлака во-время не справлялись с этой работой. Жители калаилябиобских кишлаков отбывали поденщину при кургане на мирских землях; каждое хозяйство обязано было выставить по одному работнику, который 1 день пахал, 5—6 дней работал на поливе, 2 дня жал, 5—6 дней свозил или молотил снопы; помимо этого несколько дней каждое хозяйство работало по ремонту зданий в кургане. Кроме всех этих повинностей, повсеместно дехкане должны были безвозмездно ездить в извоз — «улау» (ulau),[1] главным образом, в Гиссар, откуда привозили для мира, амлокдоров и других представителей власти керосин, мануфактуру, рис, сахар и чай, ездить в горы за дровами (помимо установленного сбора дровами), молоть зерно для кургана, а их жены — мыть пшеницу, печь хлеб и т. п.

Отметим попутно, что в отдельных кишлаках феодальные повинности отбывали различные мастера, освобождавшиеся за это от уплаты налогов. Таковы были кузнецы из кишлаков Бодравак и Кутарма (см. Введение), изготовлявшие холодное оружие для мира, а также «сайоды»— охотники (кишлак Каврак), изготовлявшие сетки для по-

[1] См. А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывш. Бухарского ханства. Труды Средне-Азиатского Государственного Университета, серия II, вып. 1. Ташкент, 1929.

имки ястребов и соколов, которых они затем отправляли в Гарм для охотничьих забав мира и его приближенных.

Перейдем теперь к вопросу о ленных пожалованиях, которые в Каратегине носили название «танхо» (tanxoh), или «бына» (bəna).[1] В нашей среднеазиатской литературе, обычно в качестве исторической параллели к танхо, приводится средневековая «икта'», широко распространившаяся в эпоху Сельджуков и служившая объектом рассуждений Низам-ул-мулька.[2] В. В. Бартольд,[3] а затем и А. А. Семенов[4] подчеркивают слова Низам-ул-мулька, что икта' была только временным пожалованием и что держатель икта' имел право лишь на прибавочный продукт земледельца, а отнюдь не на его имущество, жен и детей. Полемизируя с Лагофетом, В. В. Бартольд пишет: «Владельцам мильков... не было предоставлено над возделывавшими их землю пахарями таких прав, как бывшим русским помещикам, и Лагофет неправильно говорит о существовании в Бухаре «крепостного права, при котором каждый чиновник в зависимости от своего чина имеет определенное количество дворов из подчиненного ему населения для содержания».[5] А. А. Семенов, устанавливая сходство между бухарским танхо и икта' и полемизируя с А. Крымским, пишет: «Нет никакого основания для заключения некоторых, что сельджукский икта'дар

---

[1] Tanxoh — буквально — сумма денег, наличные, свободные деньги; арабское bena — буквально — основа, постройка, здание.

[2] Nizam-oul-Moulk. Siasset Namah, texte persan, I. Paris, 1891, стр. 28.

[3] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II. СПб., 1900, стр. 326—327.

[4] А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывш. Бухарского ханства. Труды Средне-Азиатского Государственного Университета, серия II, вып. 1. Ташкент, 1929, стр. 26 и след.

[5] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 247.

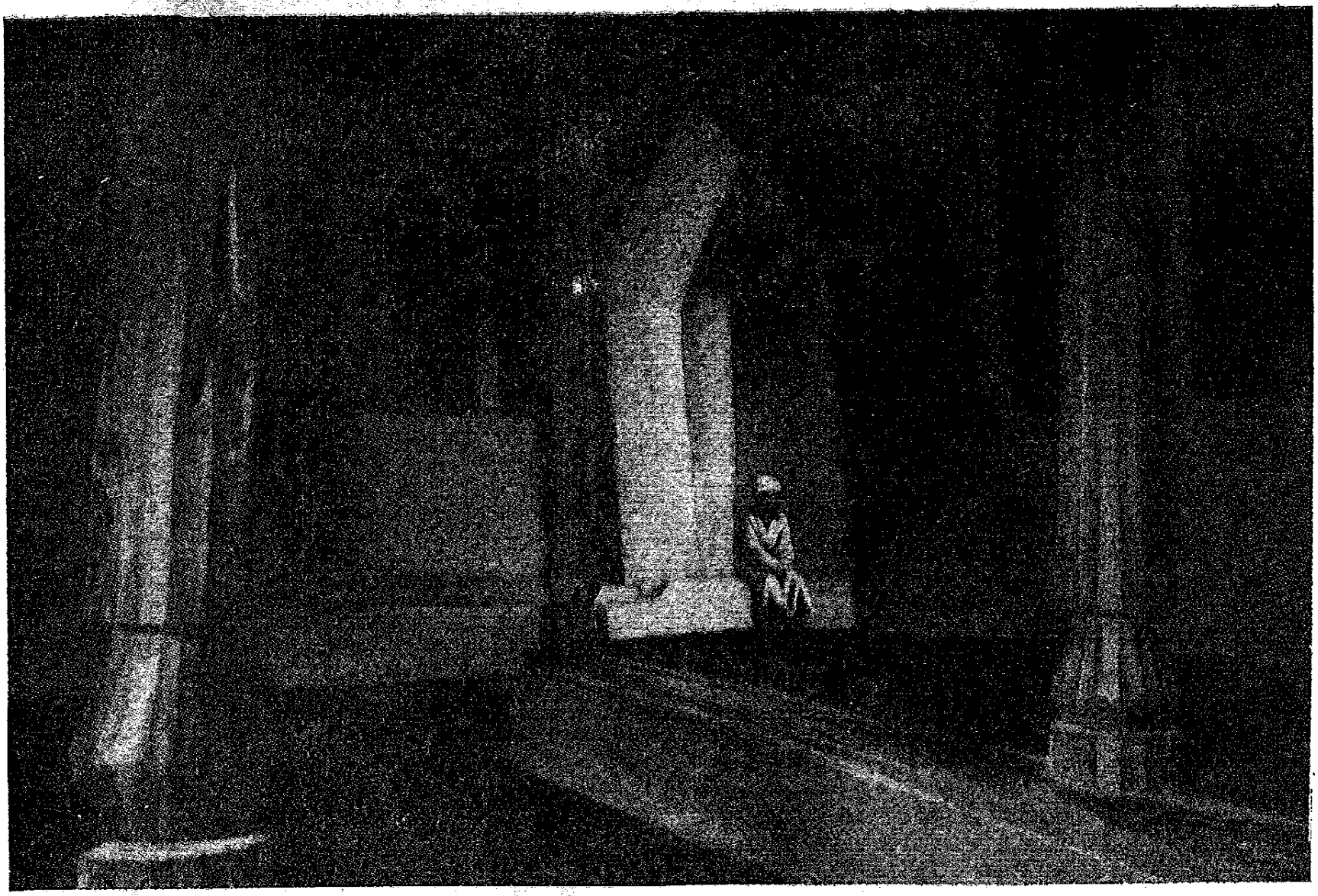

Рис. 18. Вход в дом гармского бека.

означал «помещика-феодала, неограниченно распоряжавшегося и наследственно пользовавшегося всеми феодальными правами», и что «крестьяне были ему подсудны (?), они отбывали ему барщину». В действительности, как мы видели, икта'дару давалось во временное или пожизненное пользование только право собирать в свою пользу подати с определенного участка населенной земли; ни о каком феодализме, крепостном праве или барщине здесь не могло быть и речи».[1]

Прежде чем перейти к изложению собранных мною материалов по вопросу о танхо, считаю не лишним отметить следующее обстоятельство. Ошибочной, по моему мнению, является точка зрения А. А. Семенова на танхо как на земельное пожалование. Между тем А. А. Семенов среди других категорий выделяет особую категорию земель, которые он называет амляковыми и приписывает им то свойство, что они могли быть предметом пожалования в танхо.[2] Не вступая здесь в полемику со столь большим знатоком Средней Азии, каким является профессор А. А. Семенов, укажем лишь, что в Каратегине институт танхо никогда, повидимому, не рассматривался как земельное пожалование, а, напротив, рассматривался как пожалование в ленную зависимость определенного количества дехканских хозяйств. Другими словами, можно было сказать: «такой-то имеет в танхо 25 бына (хозяйств)», но нельзя было сказать: «такой-то имеет в танхо 50 ман земли». Сошлемся здесь также на слова В. В. Бартольда, что «при турецких династиях, до новейших узбецких, как и в других мусульманских странах, завоеванных турками, действовала своего рода ленная система, но, как везде,

---

[1] А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывш. Бухарского ханства. Труды Средне-Азиатского Государственного Университета, серия II, вып. 1. Ташкент, 1929, стр. 28.

[2] Там же.

предметом пожалования была не самая земля, но земельная рента».[1]

Если при ша в Каратегине танхо давалось в очень ограниченных размерах, то при мирах, а особенно в последнее перед революцией время, раздача танхо достигла огромных масштабов. Танхо владели все сипо, начиная от 2—3 бына у караул-беги, до сотен хозяйств у крупных феодалов, имевших чины ишага-баши и бия. Раздача новых танхо сулила для правителя в Гарме и для эмира в Бухаре получение богатых тартуков. В результате такого положения вещей, все трудящееся население Каратегина оказалось разбитым на две группы — «факыр», плативших земельную ренту верховному повелителю страны в лице его наместника — мира, и «бына», отдававших эту земельную ренту своим «танхохурам»; при этом количество хозяйств «бына» в Каратегине, повидимому, превышало количество хозяйств «факыр».

Формально каждый танхохур имел право взимать с пожалованных ему хозяйств те налоги, которые эти хозяйства прежде отдавали государству, т. е. ушр, амаль и т. п. На этом кончались, так сказать, законные права танхохуров. И мы видим, действительно, что мелкие, невлиятельные чиновники, караул-беги, или маловлиятельные мирохуры должны были ограничиваться этим своим правом. Отметим здесь попутно, что в Каратегине существовал обычай — лицу, получающему танхо, давать в танхо в первую очередь его собственных родственников. Таким образом, часто налоги с хозяйства, отдаваемого в танхо дехканина, поступали не государству, а его родному или двоюродному брату, дяде или племяннику, что в ряде случаев, при соответствующих положительных родственных отношениях, могло сводиться к освобожде-

---

[1] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 77.

нию родных жалуемого от налоговых тягот, чем и ограничивались его выгоды от получения танхо.

Но чем выше чин и больше значения имел феодал, чем многочисленнее были его земельные богатства и количество танхо, тем большие требования предъявлял он к своим бына, и тем сильнее он эксплоатировал этих последних. Укажем прежде всего на то обстоятельство, что крупные танхохуры заставляли своих бына выполнять для них барщинные повинности, хашары и бегори. Более того, они сплошь да рядом заставляли работать на своих хашарах как бына незначительных танхохуров, так и мирских дехкан-факыр. С другой стороны, бына мелких танхохуров часто принуждались нести двойную барщину—для мира и амлокдоров, с одной стороны, для соседнего крупного танхохура — с другой. Приведем примеры: Абдулло-бий из Хоста сгонял на свои хашары бына соседних сипо, там же бына мелких феодалов обрабатывали мирские земли; Баладжон-бий из Ярхаба брал на свои хашары факыров; Махмад-Саид из Хныча заставлял работать на своих бегори хнычских кишлачных наукаров; дехкане хаитских кишлаков ходили на барщину к крупным сипо и к амлокдору.

Далее, крупные танхохуры простирали руку и на другие, указанные нами феодальные сборы, как, например, сборы за раздел имущества, за судебные разбирательства, сборы за свадьбу, похороны. Тем самым они вмешивались уже непосредственно в частносемейную жизнь своих бына и могли оказывать на эту жизнь известное влияние. В случае, если такой крупный танхохур брал указанные сборы себе, миру из них не доставалось ничего. Точно так же в ряде случаев танхохуры типа Баладжона или Абдулло-бия взимали в свою пользу и штрафы, беря на себя тем самым по отношению к своим бына судебные функции.

Бына оставалось в руках своего танхохура даже и в том

случае, если данный дехканин продавал дом и землю другому лицу; тогда это последнее было обязано давать налог с хозяйства прежнему его танхохуру. В связи с этим приведем один любопытный пример. Некто Назар из Кызыло, бына Баладжона-бия, ненавидевший своего танхохура и желавший во что бы то ни стало избавить от него свое хозяйство, завещал последнее в «назр» (духовное приношение) Ишану Султану из соседнего Яхак-паста, с условием, что он, Назар, будет пользоваться им до своей смерти. После этого Назар платил налоги уже не Баладжону, а Ишану Султану. Этот случай своеобразной «прекарной» зависимости достаточно ярко характеризует положение дехканства, находившегося в ленной зависимости.

Танхо в Каратегине из временного или пожизненного владения феодалов часто фактически превращалось в наследственное владение крупных танхохуров. Примеров этого можно было бы привести множество. Возьмем хотя бы известного уже Ишана Султана, бына которого — жители Яхак-паста — были также бына его отца и деда. Характерный факт записан мною в калаилябиобском кишлаке Капали. Здесь некто Мулло Носих (кажется, мирохур) владел 10—15 бына; его жена Одина, родственница соседних файзабадских судуров, добилась при помощи последних, чтобы бына Носиха после его смерти достались ей. Этот небывалый в Каратегине случай, когда женщина выступала в роли владельца танхо, бывшего всегда привилегией сипо, явился предметом многих пересудов и закрепил за Одина кличку «Одина Мирохур».

После всего вышесказанного позволю себе привести здесь ряд примеров танхо в Каратегине.

Кишлак Шархо (Булькюсский сельсовет) был целиком (20 хозяйств) в танхо у Мирзо Саадулло, туксобо из Ясмана. Сам танхохур жил постоянно в Гарме. Он через своих людей собирал в Шархо следующие ежегодные на-

логи: ушр, 1 барана, 2 фунта масла с хозяйства, 1 недоуздок со всего кишлака. Каждое хозяйство обязано было возить ему в Гарм по 1 ушоху дров. Весной весь кишлак отправлялся в Гарм ремонтировать дом танхохура. Каждое хозяйство должно было ежегодно выставлять по одному работнику для полной обработки 2 ман мирской земли близ Гарма, которой пользовался Мирзо Садулло.

Гиох Мирохур из кишлака Санги-хо (Хост) имел в танхо дехкан этого кишлака. Он владел большим количеством собственной земли (скупленной им самим и его отцом у дехкан), а также брал еще для засева мирскую землю. Со своих бына брал только ушр, но зато заставлял их нести тяжелую барщину. Каждое хозяйство обязано было по 25 дней пахать на земле Гиоха, 10 дней жать, а затем молотить весь урожай. Всего вместе с ремонтом помещения на каждое хозяйство приходилось до 2½—3 месяцев барщины.

Дарвози, сын Дервиша, из кишлака Капали, имел в своем кишлаке до 70 хозяйств танхо. Он брал с дехкан ушр, который собирал поставленный им же мушриф, бравший в свою пользу по табаку зерна с хирмана. Дехкане были обязаны обрабатывать землю Дарвози: 1 день пахать, 1 день жать, 12 дней молотить и свозить урожай. Кроме того он брал с каждого хозяйства по 7 ушохов дров и заставлял дехкан ездить выжигать для него уголь в горах. Затем дехкане производили ремонт помещения Дарвози, проводили оросительные канавы в его саду, возили навоз на огороды, ездили для него в извоз в Дюшамбе. Дарвози насильно отбирал у своих бына участки земли и заставлял их обрабатывать эти участки для себя.

Весь кишлак Кызыло (сельсовет Яхак-паст), за исключением 5 хозяйств кишлачных наукаров, был танхо Баладжона-бия. Баладжон собирал со своих бына ушр, 1 барана, 2 фунта масла и 100 вязанок дров с каждого хо-

зяйства, а кроме того еще заставлял возить по 1 ушоху дров в Гарм (от Кызыло до Гарма около 30 километров), где он постоянно жил. Дехкане Кызыло ходили на барщину в кишлак Хишборак (на земли Баладжона), где 3 дня пахали, 3 дня жали, 3 дня свозили снопы и 6 дней молотили их. Весь ячмень (ушр) из Кызыло, равно как и солому, возили на своих лошадях и ослах Баладжону в Гарм. Кроме того каждое хозяйство должно было отвозить в Гарм накошенную траву «юган» (3—4 подводы на хозяйство) и по 20 вязанок сухого хвороста — «хор». Весной несколько человек дехкан должны были отправляться в Гарм со своими ослами и мешками и собирать на улицах навоз, которым удобрялась люцерна, принадлежавшая Баладжону и высеиваемая им близ города. Затем трижды в лето жители Кызыло ходили в Гарм жать и складывать эту люцерну. Баладжон имел в своих многочисленных кишлаках-танхо собственную администрацию, наблюдавшую за работами, собиравшую подати и штрафы, накладываемые Баладжоном. В своих танхо Баладжон лично производил разделы хозяйств (даже не допуская для этого приезда кози) и брал в свою пользу «тараканона», «никохона» и «туйона». Баладжон присваивал себе также общественные земли кишлака Кызыло и перепродавал их другим кишлакам.

Мы видим, таким образом, что в Каратегине система танхо на практике не являлась лишь передоверием государством известных феодальных доходов с дехкан отдельным лицам, а сплошь и рядом приводила к почти полной феодальной зависимости земледельца от могущественного феодала-танхохура, превращавшего свой кишлак-танхо в своего рода сеньорию, где нередко все административные функции, вплоть до суда и расправы, оказывались в его руках, и, таким образом, его владения приобретали характер поместий, пользующихся феодальным иммунитетом. Конечно, система танхо в Каратегине еще не являлась

крепостным правом, но разница между положением каратегинского дехканина и положением крепостного человека не была уже так велика.

*

* *

Уже с середины XIX в. различные русские исследователи пытались внести ясность в вопрос о среднеазиатском землевладении и выявить основные категории, на которые разделяется земля с точки зрения порядка землевладения и землепользования.[1] Большинство писавших по этому поводу авторов исходило в основном из мусульманских религиозных норм и взглядов на землю и землепользование, в результате чего обычно получались абстрактные земельные категории, не имевшие ничего общего с теми нормами обычного права, которые сложились в том или другом районе Средней Азии. На это обстоятельство еще недавно обратил внимание А. А. Семенов, указавший, что прежние исследователи «делали различную, более или менее далекую от истины, юридическую формулировку...».[2] Все эти авторы в основном делят земли на: а) мюльки, в зависимости от обложения подразделяющиеся на мюльк-хурри-халис (обеленная земля), мюльки-ушри, мюльки-хераджи; б) амляки — государственные земли и в) вакфы, причем к каждой из этих категорий они пытаются по-

---

[1] См. Н. В. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 114—119. А. Гребенкин. Заметки о видах землевладения в Заравшанском округе. Зап. Русского Географ. Об-ва по Отд. статистики, 1874, IV, стр. 317—319; М. Ростиславов. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае. СПб., 1879, стр. 6—13; А. Ф. Миддендорф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882, стр. 415—419; Д. Н. Лагофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, II. СПб., 1910, стр. 45—47.

[2] А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывш. Бухарского ханства. Труды Средне-Азиатского Государственного Университета, серия II, вып. 1. Ташкент, 1929, стр. 19.

дойти исторически, т. е. обосновать, в силу каких исторических причин та или другая категория получила большее или меньшее обложение или явилась совершенно обеленной от налогов.

Таким образом, создается впечатление, что размеры обложения данного участка земли зависели не от того, кто в данный момент являлся владельцем или пользователем земли, а от свойства, имманентно присущего этой последней. Это представление подчеркивается и А. А. Семеновым, который, несмотря на критику прежних исследователей, сам обращается к теоретическим мусульманским нормам и говорит, что «подать лежит на земле, а не на лицах».[1] Верный этому принципу, он на следующих страницах своей работы снова делит земли на известные уже нам категории — мюльки-хурри-халис, мюльки-хераджи, мюльки-ушри и амляки.

Узкая тема данной работы не позволяет мне более подробно останавливаться на разборе данного вопроса. Моей целью является показать лишь те земельные категории, которые существовали в Каратегине конца XIX и начала XX в. в практическом обиходе, т. е. с точки зрения действовавшего там обычного права. Укажу только, что схема А. А. Семенова не может быть применена к дореволюционному Каратегину, хотя бы по двум следующим обстоятельствам: 1) все земли, находившиеся во владении и пользовании каратегинского дехканства, были обложены сбором в $^1/_{10}$ урожая, независимо от того, какой титул имели эти земли, в то время как все земли сипо, равно как и земли кишлачных наукаров, были освобождены от всякого обложения. Согласно с этим, всякое лицо, платившее ранее ушр и получившее затем почему-либо чин караул-беги или звание кишлачного наукара, освобожда-

[1] А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывш. Бухарского ханства. Труды Средне-Азиатского Государственного Университета, серия II, вып. 1. Ташкент, 1929, стр. 5.

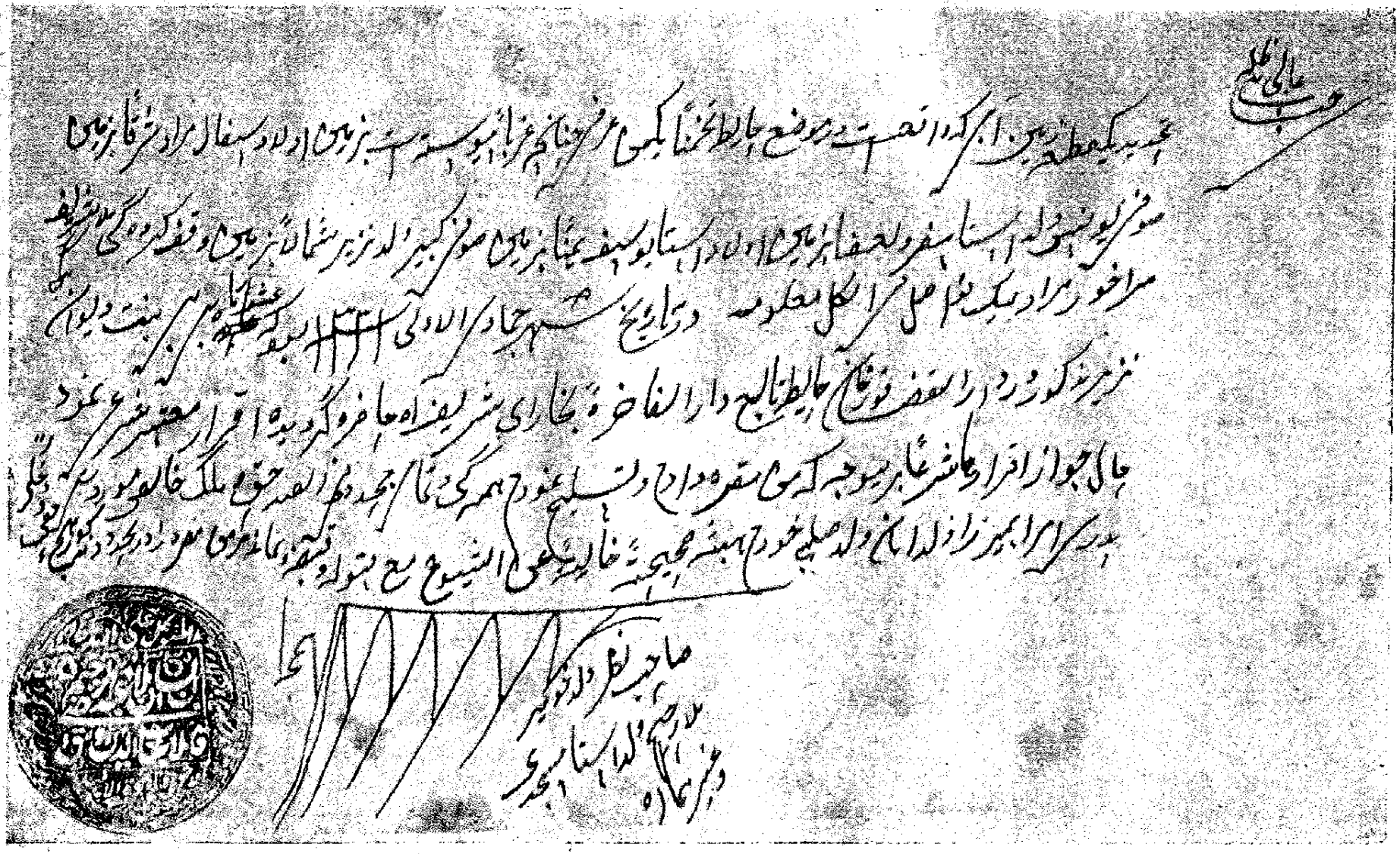

Рис. 19а. Образец делового документа.

лось с этого самого момента от уплаты ушра со всех своих земель; 2) земли, на которых сидели каратегинские дехкане, бывшие танхо у феодалов, назывались мульками, а не амляками, в то время как по схеме А. А. Семенова только доход с амлячных земель мог являться объектом танхо.

В Каратегине, как и везде в Средней Азии, верховным собственником земли считался правитель страны, т. е. сперва ша, а затем эмир бухарский. По преданию, во времена ша свободной земли в Каратегине было много. Каждый переселившийся сюда с разрешения ша мог брать безвозмездно себе участок земли и обрабатывать его. Если этот человек затем уходил, то на его землю мог садиться новый землепашец, тоже предварительно испросив на это разрешение ша. Сами ша имели кроме того специально обрабатываемую для них землю. Купли-продажи земли в то время почти не было, она практиковалась лишь в единичных случаях. Во всяком случае, участок земли, который впоследствии стоил 500 таньга, во время даже последних ша можно было купить за 20 таньга. Но, тем не менее, со времен ша практикуются пожалования еще не обработанной шахской земли или земель, владельцы которых были выселены ша за какую-либо вину, отдельным саркарда, главным образом за военные заслуги, причем на эти земли писались особые документы — «васика». Васика на свои земли имели и дехкане, получая таковые в случае земельного спора или раздела имущества.

Постепенно с заселением Каратегина и освоением все новых участков свободной земли делается все меньше и меньше, земля начинает подниматься в цене, каждый спешит обзавестись васика на свой участок. Земля становится объектом интенсивной скупки ее нарождающимся байством (см. ниже), а также отдельными феодалами-сипо. Это обстоятельство, наряду с практиковавшимися прямыми насилиями и отобранием земель у трудящегося

дехканства (мы уже указывали, что, например, Дарвози отбирал землю у дехкан кишлака Капали, аргументируя тем, что эти земли некогда принадлежали его предкам), привело к образованию в Каратегине, рядом с крупным землевладением, малоземельных и безземельных хозяйств. Даже уже после революции, еще незадолго до проведения коллективизации, по статистическим данным в Гармском вилайете хозяйств, имевших лишь до 1 десятины посева, насчитывалось 20%, а хозяйств с наделами не свыше 4 десятин — 84,4%. [1]

Все частновладельческие земли, как дехканства, так и феодалов, [2] независимо от того, были ли они обложены налогом или нет, в Каратегине носили название «мульк» (арабское слово — земельная собственность, собственность, владение, имение, недвижимость), разделявшиеся обычно в зависимости от способа получения их данным лицом на: 1) «мульки-маврусй», в местном произношении «мабрусй» (mulki mabrusī, арабско-персидское — mavrusī — наследственный) или «мульки-падарй» (mulki padarī — собственность отца), «мульки-бобигй» (mulki bobigī — собственность деда); 2) «мульки-зархарид» (mulki zarxarid — собственность, купленная на золото) и 3) «мульки-яльмкан» (mulki jalmkan; jalm — целина, буквально — «распаханная целина»). Названия всех трех категорий мульков говорит само за их происхождение. Таким образом, различались частновладельческие земли, полученные по наследству, приобретенные путем покупки и приобретенные путем распахивания целины. Мульки были преобладающей по величине категорией земель в стране.

Следующей категорией являлась земля, называвшаяся

---

[1] Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане. Сталинабад — Ташкент, 1930, стр. 184.

[2] Мы оставляем здесь в стороне указанное нами выше положение о феодальной сословной форме частной собственности, т. е. о том, что верховным собственником являлся правитель страны.

«замини-шохй» (zamini şohī), а впоследствии при Мангытах «замини-мирй» (zamini mirī), т. е. буквально — «шахская» или «мирская» земля. Эти земли составляли фонд правительственных земель, повидимому, в основном земель, годных для обработки. Они обрабатывались путем устройства на них хашаров силами дехкан, целиком убиравших урожай и свозивших его в правительственные амбары. В амлоках мирские земли обрабатывались для нужд амлокдоров. Некоторая часть мирских земель отдавалась во временное пользование крупным сипо, особенно тем, которые занимали высшие должности в Гарме. В самое последнее время мирские земли стали также продаваться сипо и превращаться, таким образом, в «мулькизархарид». Эта категория земель образовалась, вероятно, из основного фонда шахских земель, выморочных земель, а также ставших мирскими в силу каких-либо других обстоятельств. Так, например, участок земли близ Шинглича величиной в 2 мана стал «замини-мирй» следующим образом: во времена Худой-Назара между кишлаками Шинглич и Каврак возник земельный спор, за разрешение которого правители указанные 2 мана сделали мирскими («хаки шариат»).

«Замини-мирй» имелась почти повсеместно в Каратегине. В кишлаке Хазор-чашма было до 75 ман[1] такой земли, обрабатывавшейся хашаром окрестных дехкан; в окрестностях Гарма было 200 ман «замини-мирй», на которую приходили работать, помимо ближайших дехкан, также и дехкане Шинглича (см. выше). В районе Хаита 25 ман «замини-мирй» было в Ярхиче, 12 ман — близ Хаита, 12 ман — в Хиссораке, 10 ман — близ кишлака Мазор, 12 ман — в Дашти-сакоу, 5 ман — в Якбора; все эти земли обрабатывались хашаром дехкан и кишлачных наукаров, являвшихся на хашар со своей пищей. В районе

[1] 1 ман — площадь земли, несколько меньшая 1 гектара.

Калаи-ляби-оба первоначально имелось до 200 ман «замини-мирй», но затем миры стали ее распродавать, и к моменту революции осталось около 70 ман. Много «замини-мирй» было в Хосте, причем значительная часть ее перешла затем к хостскому феодалу Абдулло-бию.

Далее следуют категории общественных земель — «замини-ома» (zamini oma), которая может быть подразделена, в свою очередь, на 1) «айлоки-ома» (ajloqi oma) или «айлоки-подшои» (ajloqi-podşojī — общественный выпас или «падишахский выпас») и 2) айлоки-кишлак (ajloqi-qişloq — кишлачный выпас), причем провести грань между обоими этими подразделениями, повидимому, не всегда было возможно. Все эти земли — обычно высокогорные пастбища или прилегающие к ним участки. «Айлоки-кишлак» являлись кишлачными угодьями, находившимися в нераздельном владении одного, а иногда двух-трех кишлаков; здесь выпасался кишлачный скот, заготовлялось топливо и травы. Участки, отведенные для выпаса скота, носили собственно название «девлох» (devlox), а те, где происходили заготовки топлива и трав,—«пушта» (puşta). Пушта обычно являлась тем резервным фондом, который служил для новых распашек (богарных) — «яльмкан», причем лицо, решившее произвести такую распашку, должно было получить на это разрешение своих односельчан. Такой распаханный участок переставал быть общественной землей и становился «мульки-яльмкан». Девлохи, как правило, распашке не подлежали или же распахивались лишь в исключительных случаях.

«Айлоки-подшои» представляли собой, собственно говоря, такие же пастбища и пустоши, но на которые тот или другой кишлак не мог доказать право своего преимущественного пользования (т. е. доказать, что это пастбище было в исключительном пользовании их предков, пожаловано данному кишлаку таким-то ша и т. д.). Таковы были, например, богатые пастбища Алайского хребта —

Рис. 19b. Образец делового документа.

Замбурхона, Улянг, Ходжика. Сюда пригонялись как стада каратегинских кишлаков, так и гурты гиссарских и кулябских баранов, с владельцев которых каратегинские правители брали особые сборы. Из-за права пользования этими пастбищами иногда между жителями ближайших кишлаков и пришлыми скотовладельцами происходили недоразумения и даже столкновения. Так, например, общество кишлака Де-дихи-боло склонно было рассматривать часть пастбища Улянг как свой кишлачный девлох, равно как дехкане кишлака Ду-бурса претендовали на Замбурхона. Спорящие стороны отправлялись к миру, который в большинстве случаев становился на сторону пришлых скотовладельцев, так как это сулило ему лишние сборы за выпас скота, а также и взятки со стороны баев. В прежнее время никому не возбранялось распахать для себя участок на «айлоки-ома», но со времени мира Мурода это было запрещено, и миры впредь стали продавать участки этих земель отдельным кишлачным обществам.

Земли категории «вакф», столь распространенной в Средней Азии, в Каратегине было самое незначительное количество. Это была земля, завещанная ее владельцем для какого-нибудь мазора, мечети, медресе. Такую землю обычно сдавали исполу, причем доход с нее шел в пользу данного учреждения или лиц, его обслуживавших. В районе Яхак-паст—Булькос было до 30—40 ман такой земли. В Гарме имелось 3 мана земли и мельница «вакф», завещанные в пользу гармской большой мечети.

Следует указать еще на три особые формы земельных отношений, по существу своему эксплоататорских, которые были известны в Каратегине. Это — «шарикй» (şarikī), «грау» (grau) и «сабзахурй» (sabzaxurī). Первая из них — сдача земли в аренду исполу — практиковалась землевладельцами, причем последние предоставляли землю и семена, а арендатор — свой труд, инвентарь и рабочий скот.

Вторая — получение участка земли под ссуду деньгами, семенами или продуктами — практиковалась особенно широко в последнее время байством, захватывавшим при помощи «грау» в свою собственность (в случае неуплаты долга) большие земельные площади. Наконец, «сабзахурй» называлась система, когда какой-либо крупный землевладелец-феодал приглашал селиться на пожертвованные ему правителем или приобретенные другим способом еще необработанные земли дехкан, обычно переселенцев. Последние обзаводились хозяйством, строили дом и распахивали землю, но предварительно должны были дать владельцу земли расписку в том, что они являются «сабзахур». Этот термин, буквально значивший «поедающий зелень», должен был указывать, как мне передавали местные жители, на временность их пребывания на данном участке земли, подобно тому, как пасущийся скот только временно пользуется пастбищем, а не является его хозяином. Владелец земли мог в любой момент прогнать «сабзахура» с занимаемого им участка. Это система вела к большим злоупотреблениям, и иногда представители местной знати, пользуясь своей силой и могуществом, заставляли дехкан признавать себя «сабзахур» даже и в том случае, когда на это не было никаких законных оснований. Характерный пример такого насилия я привожу в своей работе, посвященной описанию хозяйства одного из крупных духовных феодалов Восточной Бухары.

* * *

Выше указывалось, что представители каратегинской местной знати уже во времена ша получали от последних довольно обширные земельные наделы, а также дехканские хозяйства в танхо, правда, в ограниченных размерах. Здесь на нескольких конкретных примерах я намерен показать, как возникли в Каратегине крупные феодальные хозяйства.

Рис. 19с. Образец делового документа

Абдулло-бий был родом из кишлака Махаля (Хост). Его отец, Махмарасуль, во времена ша, вследствие того что его жена была кормилицей шахских детей, назывался «бобои ша». Махмарасуль в военных походах того времени не участвовал; при последних ша он получил чин ишага-баши, а умер во время правления Худой-Назара. Абдулло-бий начал свою карьеру при Худой-Назаре, при котором он получил первый чин караул-беги и 4 бына в танхо. Он состоял махрамом при Худой-Назаре, а затем был есаул-баши. При последнем мире, Абдул-Хафизе, он, имея чин бия, сделался гармским диван-беги, но впоследствии был сменен с этой должности в связи с поступившими на него доносами. К этому времени Абдулло-бий имел уже до 80 бына танхо в кишлаках, входящих ныне в джамагатские советы Сары-пуль и Калаи-сурх. В кишлаке Сары-пуль он владел 20 манами земли, садом и огородами, также 20 ман земли имел в кишлаке Камбарион, около 8 ман — в кишлаке Лянгар (местность «йогук») и 4 мана — в кишлаке Сафед-хо. Земля и угодья в Сары-пуле достались Абдулло-бию от отца, земля в Сафед-хо была куплена, а земли в Камбарионе и Лянгаре получены им из числа «замини-мирй» (этими «замини-мирй» первоначально пользовался туксобо Боби из кишлака Чухдабиун; когда этот последний умер, то на его вдове женился Абдулло-бий, выхлопотав себе и находившиеся у Боби земли). Кроме всего этого, Абдулло-бий пользовался 10 манами «замини-мирй» на берегу р. Сурхоба, поросшей камышом, который он продавал окрестным дехканам. Все эти земли Абдулло-бий обрабатывал при помощи своих бына, а также устраивал хашары, на которые привлекал все население Хоста, не исключая и бына других сипо.

Другим крупным феодалом был Махмад-Саид-бий из Хныча (кишлак Шо-мирзойон). Его отец, Юсуф, предки которого были родом из Вахио, выдал свою сестру замуж за Музаффар-хона и имел звание «бобои-ша». Жена

Юсуфа была кормилицей у детей Музаффара. Юсуф танхо не имел. Музаффар-хон дал ему участок земли недалеко от его родного кишлака, в местности, называемой «кунджок»; этот участок он сдавал в шарикй или устраивал на нем хашары окрестных дехкан, которых он заставлял работать, «man boboji şah gufta» (говоря: я бобои-ша). Проживая постоянно в кишлаке Шо-мирзойон, он часто бывал в Гарме при дворе ша и ездил с ним на соколиную охоту. После смерти отца Махмад-Саид отправился в Гарм, где построил себе дом, сделался сипо при мирах и дослужился до чина бия. Однажды, при втором Рахмон-куле, он даже сделался гармским диван-беги, но через короткое время мир потребовал у него отчета в казенных денежных делах и, найдя, что там не все в порядке, сменил Махмад-Саида и оштрафовал его на тысячу рублей. С тех пор он уже был не у дел, хотя и сохранил чин бия. Сперва Махмад-Саид имел в танхо лишь несколько хозяйств его ближайших родственников в кишлаках Шо-мирзойон и Дова, но со времени мира Мурода вместе с чином туксобо он получил много бына. Ему принадлежали: 30—40 хозяйств в кишлаке Чашмаи-кзы, 30 хозяйств в кишлаке Нимичи-пойон, 7—8 хозяйств в кишлаке Нимичак, 10 хозяйств в кишлаке Джафр, 7—8 хозяйств в кишлаке Дукунион. Махмад-Саид владел 3 манами земли «падарй» и 30 манами земли, данной его отцу Музаффар-хоном; эту землю обрабатывали кишлачные наукары Хныча. 5 ман земли в Янголике, скупленные Махмад-Саидом у бедноты, обрабатывали его янголикские бына. Затем он пользовался «замини-мирй»: 5 манами под Гармом, 10 манами в кишлаке Нимич и 7 манами в кишлаке Сафед-хок. В кишлаке Нимичак Махмад-Саид засевал почему-либо незасеянные дехканские земли, ничего за это не платя их владельцам. Вся земля обрабатывалась, главным образом, хашарами. В шарикй Махмад-Саид сдавал обычно лишь землю, тре-

бующую отдыха, на которой высевалось просо. Его хлебные амбары были в Нимиче, Нимичаке, Янголике, Ялдимиче, Хныче и Чашман-кзы. Дехкане должны были перемалывать зерно и отвозить его Махмад-Саиду в Гарм.

Дервиш, сын Рахматулло, был родом из Капали. Его отец был крупным саркарда при наместнике Музаффархона в Сакоу — Махмад-Ходже. Он участвовал в ряде военных походов и за свои заслуги имел свыше 50 бына танхо (кишлак Гани-шо) и 40—50 ман земли близ кишлака Капали. Сам Дервиш участвовал в дарвазском походе Худой-Назара и в борьбе с мятежными дарвазскими ша-бача. После всех этих походов Дервиш получил в танхо кишлаки Кули-калон (70 хозяйств), Курчин (30 хозяйств) и Евги (8 хозяйств), в то время как кишлак Гани-шо вернул обратно миру. Кроме дехкан этих кишлаков, на Дервиша работали и жители других окрестных кишлаков, не бывшие у него в танхо. Помимо земли в Капали, Дервиш владел еще 20 манами в местности, называемой «кругуй», которую он купил у мира. Он, так же как и другие сипо, обрабатывал землю хашаром, а частично сдавал в шарики. У себя на дворе он держал 2—3 пары быков и человек 8 работников. Дервиш, имевший большое влияние на местную знать, два раза подвергался опале. Первый раз он был арестован и увезен в Бухару при мире Ботырбеке, после истории с сыном мира Рахмон-куля (см. главу IV). Рассказывают, что арест Дервиша был произведен специальным эмирским махрамом, прибывшим в Гарм в тот момент, когда вся местная знать во главе с миром присутствовала на новогоднем козлодрании. После прочтения приказа эмира махрам взял одной рукой ворот халата Дервиша и клок его бороды, сказав: «Вставай, отец! Пойдем в канцелярию» («bobo xez, ba davlatxona meravem»), на что Дервиш будто бы ответил: «Сегодня старый бий стал обезьяной» («imruz boboji bij majmun şudast»). Его отвезли в Бухару, но при мире Муроде ему вновь

удалось вернуться в Каратегин: затем, при мире Негматулло он вновь был увезен в Бухару, содержался там под домашним арестом и вскоре умер. После смерти отца сыновья Дервиша должны были заплатить большие суммы «падар-мурда», что очень подорвало их благосостояние, но все же в результате получили чины и танхо (прежнее танхо Дервиша было отобрано после его ареста): Дарвози — чин ишага-баши и 70 быка в кишлаке Капали, а Шариф — чин туксобо и кишлак Дараи-назарак (50—60 хозяйств).

Самым крупным феодалом в начале XX в. в Каратегине был Баладжон из кишлака Ярхаби-калон. Предки Баладжона поселились на месте нынешнего кишлака Хишборак (джамагатский совет Яхак-паст), где построили себе дом. Прадед Баладжона, Туфон, был дехканин и сам вспахивал целину, а его дети поступили на службу к ша. Деду Баладжона, Сохиб-Назару, шахами было дано «джильду» 60 ман земли близ Хишборака; сыновья последнего, Мурод-бек, отец Баладжона, и Хакназар также были сипо, а сын Хакназара — Сафар ишага-баши — был «бодыр» (богатырь) при последних ша и также получил землю «джильду». Он привел переселенцев из Вахио и посадил их на пожалованную ему землю, заставляя платить ушр и амаль и работать на него. Через некоторое время он потребовал от переселенцев, чтобы они признали себя «сабзахур», а отказывавшихся это сделать выселял прочь. В Яхак-пасте мне рассказывали, что житель этого кишлака Карим Бармоль переселился по предложению Сафара в Хишборак; он поднял участок целины, развел два сада и построил мельницу, но в результате вынужден был бросить все это и переселиться в кишлак Зарангак, так как отказался признать себя «сабзахуром», как этого требовал Сафар. Сафар при мире Батыр-беке был увезен вместе с Дервишем в Бухару. В это время его двоюродный брат Баладжон был махрамом в Гарме. После смерти

Сафара он отправился в Бухару, привез оттуда семью покойного и был сделан мирохуром. Вскоре он сделался миразором в Яхак-пасте и Булькосе, затем во время мира Мурода — диван-беги, а также получил чин туксобо. Достигнув, наконец, чина бия, он перестал занимать административные должности, но до самой смерти сохранил свой авторитет как самый крупный феодал и чиновник в Каратегине, с которым вынуждены были считаться все гармские миры. Умер он незадолго до революции.

Баладжон имел два дома — в Ярхабе и Хишбораке. Сначала оба эти кишлака были танхо в руках Сафара, но после смерти последнего перешли к Баладжону. В районе Яхак-поста Баладжон имел танхо в следующих кишлаках: Ярхаб (70 хозяйств), Хишборак (12 хозяйств), Кызыло (20 хозяйств), Бодравак (4 хозяйства), Себи-сурхак (5 хозяйств), Дараи-ангур (5 хозяйств), Хыдырион (25 хозяйств), Таргок (3 хозяйства); помимо этого его танхо находились и в других районах Каратегина (например, в нынешнем джамагатском совете Хильмони), так что, как мне передавали, всего у Баладжона насчитывалось свыше 250 бына танхо. Баладжон имел до 300 ман земли, из которых земля, полученная им от отца и деда, составляла лишь 5—6 ман. Около 100 ман земли в Хишбораке досталось ему от родственников, получивших эту землю «джильду» от ша. Значительная часть земель была скуплена Баладжоном в Ярхабе и соседних кишлаках у местной бедноты на кабальных условиях (Баладжон давал дехканам в голодные годы пшеницу под залог земли и в случае невозвращения своевременно долга брал эту землю себе, считая один ман земли за 10 пудов пшеницы). Не менее четверти всей земли Баладжона составляли «замини-мирй» (например земли вокруг кишлака Хазорчашма), которые он брал во временное пользование для засева или же просто-напросто присваивал себе путем дачи взяток в Бухаре и в Гарме. В бытность свою диван-

беги Баладжон не стеснялся также продавать участки «замини-мири» близ кишлака Хазор-чашма отдельным баям, а на вырученные деньги делал богатые подарки в Бухару.

Как и другие каратегинские феодалы, Баладжон обрабатывал эти земли путем хашара и сдачи земли в шарики, а также имел своих дворовых людей. Бына, помимо уплаты ему ушра и амаля, как мы видели это уже на примере кишлака Кызыло, обязаны были отрабатывать для него тяжелую барщину как на кишлачных полях, так и в Гарме, причем если дехканин не являлся на работу, то его со связанными руками отправляли к Баладжону в Гарм. Баладжон имел хорошие фруктовые сады в Ярхабе и Хишбораке, мельницы и амбары. Он постоянно держал у себя на дворе 5—6 лошадей, 3 верблюдов, 4—5 коров, 3—4 пары быков.

Можно было бы еще значительно продолжить этот список каратегинских феодалов, назвав также Давлят-бека-бия, из кишлака Подкинимош, родственника Баладжона Бадахши туксабо из Ярхаба, хаитского феодала Гадои-бия, ярхичского Бадретдин-бия и многих других, а также духовных феодалов — яхакпастских ишанов и фатхабадских судуров, имевших не меньшую известность, влияние и богатство, чем светские феодалы.

Мы видим, таким образом, что в основе сравнительно крупного феодального землевладения в Каратегине лежат земельные пожалования ша своим дружинникам-саркарда, а также отдача им в танхо отдельных дехканских хозяйств и целых кишлаков. Эти феодалы увеличивали затем свои земельные владения путем скупки земель у окружающих дехкан и мирских земель, а также путем присвоения этих земель под видом временной обработки их.

Со времени укрепления власти Бухары и вовлечения страны в орбиту товарного хозяйства в каратегинском

кишлаке появляется кишлачный кулак (бай) — торговец. Разбогатев, главным образом, на торговле скотом, скупавшимся у дехкан и отводившимся на продажу в Коканд и другие соседние страны, каратегинские баи начинают скупать также и землю или приобретать ее путем ссуды денег нуждающимся («грау»). Не имея возможност устраивать на своих землях хашары в таких размерах, как это делали сипо, баи в большинстве случаев сдавали свою землю в шарикй. Многие из них путем принесения подарков и уплаты значительных сумм правителям добивались получения тарханных грамот и всяческих льгот в уплате налогов или же полного освобождения от них.

Приведу два примера. Емом-бай из Ярхаба перед революцией был одним из богатейших людей в округе. Отец его первоначально был простым дехканином, в молодости работал в Коканде на отхожих промыслах. Емом-бай понемногу стал вести мелкую торговлю, привозил мануфактуру и чай из Ферганы, а обратно из Каратегина гонял скот на продажу. Часто товары отпускались им дехканам в долг, но по повышенной цене. Торгуя, Емом-бай стал скупать у дехкан землю, получая таковую также путем «грау». Всего собрал он до 70 ман земли и сдавал ее в шарикй, а также нанимал для обработки ее батраков. Путем подношения в Гарме Емом-бай был сделан кишлачным наукаром, что освобождало его от уплаты налогов и, что особенно важно, ушра со всех его земель. Зокир-бай из Хоста (кишлак Хуюм) имел до 60 ман земли и первоначально 100 голов баранов, увеличив к моменту революции свое стадо до 500 голов. Отец его был дехканином и танхо Баладжона. Зокир-бай стал богатеть со времени мира Алоукуля; он точно так же вел торговлю скотом с Ферганой, привозя оттуда мануфактуру и чай. Землю скупал по случаю, обычно за бесценок, у нуждающихся в деньгах.

Следует отметить, что многие представители каратегинских сипо с течением времени также приобщаются к торговой деятельности и, как это видно из описания хозяйства Баладжона, подобно баям, округляют свои земельные владения путем ссуды денег под залог земли или скупки ее у бедноты, переходя, таким образом, от методов феодальной к методам капиталистической эксплоатации.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Абд-ар-раззак Самарканди 56, 57.
Абдул(ь)-Азиз-хан (хон), каратегинский ша 84, 87, 88.
Абдул-Ахад-хан, бухарский эмир 164.
Абдул-Гафар, урмитанский правитель 115, 116.
Абдул-Кадыр, бухарский чиновник 155.
Абдул-Карим, гиссарский правитель 104.
Абдул-Карим-бек 131.
Абдулла-бек, руководитель восстания 131.
Абдулла-хан, Шейбанид 61, 63.
Абдулло-бий 203, 214, 221.
Абдул Маджид, мирохур 171.
Абдул-Маджид, разведчик 100.
Абдул-Мумин (чушка), инок, каратегинский мир 164.
Абдул-Хафиз, парвоначи, каратегинский мир 167, 168, 221.
Абдурахман автобачи, кокандский сановник 127.
Абрамов К. А. 7, 23, 71, 84, 100, 101, 113, 114, 116, 117, 118, 120, 128, 134, 136, 141.
Абу-Али Ахмед, саганианский эмир 54, 56.
Абу-Бекр Мухаммед, саганианский эмир 54.
Абу-Давуд Хамид ибн Ибрагим, наместник Балха 54.
Абу-л-Касым, саганианский правитель 55.
Абу-Шуджа' Фаррух шах, хуттальский правитель 55.
Авзоль-хон, каратегинский ша 66.
Акрам-бек, махрам 154.
Алаиор-бек, бухарский сановник 164.
Алача-хан, дядя Бабура 58.
Александр Македонский (Искандер-Зуль-Карнейн) 41, 84, 101, 116.
Али-хан, бухарский эмир 167, 168.
Али-хан, кокандский хан 83, 87, 88, 89, 98, 124.
Алмаз-бек (Алмас-бий), парвоначи, каратегинский мир 155, 156.
Алоукуль, парвоначи, каратегинский мир 164, 227.
Алп-Арслан, сельджукский султан 55.
Аль Фадль ибн Яхья ибн Хамид ибн Бармак 48.
Аминов, топограф 113, 115, 118.
Андреев М. С. 179.
А. П. 182.
Арандаренко Г. А. (Г. Ар-ко, Г. А-о) 7, 23, 24, 26, 34. 63, 71, 72, 85, 86, 97, 103, 105, 108, 118, 120, 121, 122, 124, 127, 128, 134, 136, 145, 150, 152, 153, 156, 179, 182, 184, 194.
Аристов Н. А. 41, 43, 52, 79, 80.
А. С. 74, 157.
Асад ибн Абдаллах, хорасанский наместник 54.
Атаулло Хольмурод 7, 98, 134.

Аулио, ишан 74, 103.
Аулио-ато 65.
Ахмад-ша (Ахмед-шаг), дарвазский ша 92.

Баба-бек, шахрисябзский бек 113.
Бабур мирза, султан 57, 58, 61, 76.
Бадахши, туксобо 226.
Бадрегдин, бий 226.
Байсонкур-мирза, тимурид 57, 58.
Баки-Мухаммед-хан, аштарханид 62.
Баки-атадык 63.
Баладжон, бий 74, 203, 204, 205, 206, 224, 225, 226, 227, 228.
Бартольд В. В. (Barthold W.) 8, 41, 42, 43, 44, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 54, 55, 56. 61, 62, 63, 66, 69, 70, 87, 91, 92, 96, 108, 112, 113, 127, 129, 133, 179, 198, 201, 202.
Беди-эз-земан, аштарханид 62.
Бендерский 143.
Бидиль, поэт 191.
Боби, туксобо 221.
Бобринский А. А. 70.
Борнс 83.
Ботыр-бек, каратегинский мир 154, 155, 156, 223, 224.
Бури-тегин, караханидский царевич 55.
Бурхан-уд-дин 146.
Бушен 143.

Вамбери Г. 57, 61, 62, 179.
Варыгин М. А. 104, 146, 153.
Васильев, капитан 7, 15, 24, 25, 26, 34, 86, 97, 98, 108, 143, 152, 155, 179, 181, 183, 194.
Велиханов 88, 97.
Вельяминов-Зернов В. В. 96.
Вивьен де сан Мартен (Vivien de Saint Martin) 42, 43, 50, 51.
Вишневский 142.
Волин С. Л. 148.
Восе, вождь восстания 153.
Вревский, генерал-губернатор 143, 155.
Вуд 83, 87.
Вяткин В. Л. 82.

Гадои, бий 176, 226.
Гадои Кабир 7, 161.
Гаевский П. 150.
Гаиб, пятисотенник 130.
Гардизи, историк 56.
Гиох, мирохур 205.
Гребенкин А. 115, 118, 194, 207.
Григорьев В. В. 41.
Громбчевский Б. Л. 143.
Грум-Гржимайло Г. Е. 42, 43.

Давлят-бек, бий 226.
Давлятбек Рахим 7, 92, 99, 129.
Давлятманд Рахим 7, 134.
Дарвози Дервиш, ишага-баши 205, 212, 224.
Даурон-бек, кокандский чиновник 98.
Дервиш Рахматулло, ишага-баши 155, 156, 205, 223, 224.
Джафар ибн Саманику, эмир Рашта 56.
Джегандер, бадахшанский ша 124.
Джура-бек, шахрисябзский бек 113.
Дмитровский 104.
Дудин С. М. 9.

Емом-бай 227.
Erskine W. 61.

Забир Кабир 7.
Зайнутдин Амон 6, 7, 86, 99, 104, 106, 119, 129, 134, 162.
Закрю Мирзо, мирзо 155.
Зоир, мулло ишан 162.
Зокир-бай 227.
Зумбра-ша, каратегинский ша 84, 86.

Ибрагим (Аталык-хан, Ибраим-бек), кокандский царевич 88, 89, 90.
Ибрагим-хан, дарвазский ша 85.
Иванов Д. Л. 143.
Иванов П. П. 7, 62, 89.
Измоил-хон (Измаил-хан, ша Измаил), дарвазский ша 85, 92, 97, 98, 100, 103.

Иофтулло Одина 6, 7, 134.
Иса-Аулио, кокандский сановник 127.
I-si-lan-se-kin, правитель 44.
Искандер-хон, ша Вахио 100.
Искандер Чубинапо 86.
Исмон, сын каратегинского мира 154.
Исмон Махмад-Амин, вождь восстания 167, 168, 169, 170, 171.
Истахри, арабский географ 49, 79.
Ишан Султан 172, 204.

Казанский 129, 155, 156.
Кайхусрау 56.
Каль 143.
Каляндар, амальдор 162.
Камран, тимурид 61.
Канаат-ша, кокандский чиновник 98, 99.
Кара, легендарный устроитель Каратегина 65, 72, 73.
Карим Бармоль 224.
Катта-бек, кулябский правитель 91, 192.
Катта-тюра, наследник бухарского престола 104.
Кауфман, фон, туркестанский генерал-губернатор 108, 112, 113, 127, 132, 133.
Кодама, арабский географ 79.
Колпаковский, генерал-губернатор 129, 130.
Корженевский Н. Л. 143.
Корытов Н. 129.
Костенко 133.
Крымский А. 198.
Кузнецов, капитан 63, 85, 86, 91, 92, 97, 106, 146.
Кун А. Л. 113, 115, 194.
Cuningham Al. 50.
Курчи, амлокдор 158, 160, 188.
Куса Шариф 105.
Куч-бек 58.

Лагофет Д. Н. 162, 163, 198, 207.
Лева 144.
Липский В. И. 20, 143, 155, 161, 162, 163.
Лоик Пансат, басмач 172.

Маев Н. А. 51, 82, 103, 104, 121, 142.
Макдиси, арабский географ 53, 54, 56.
Максимов, казак 97.
Малик Одина 7, 149, 151, 162.
Маллицкий Н. Г. 70, 71.
Малля-хан, кокандский хан 98, 99.
Мансур-хан, дарвазский ша 64.
Марин Тирский 50.
Мармаджан-датха, „алайская царица" 131.
Масловский 63.
Мас'уд, газневид 55.
Мас'уд, тимурид 57.
Махмаджон Холь 7.
Махмад-Назар-бек 95.
Махмад-Назар-бек, караул-беги 171.
Махмад-Обид, ишан 158.
Махмад-Саид, бий 167, 171, 176, 203, 221, 222, 223.
Махмад-Ходжа, хаитский наместник 99, 191, 223.
Махманазар Амон 161.
Махмарасуль, бабои-ша 221.
Махмуд, газневид 55.
Махмуд, мирохур 161.
Махмуд-ибн-Вели, историк 62, 66.
Маэс, македонский купец 50.
Мейендорф (Meyendorff) 82, 87.
Миддендорф А. Ф. 195, 207.
Мизроб-хон, каратегинский ша, наместник в Калан-ляби-обе 99.
Минаев И. П. 51.
Минорский В. (Minorsky W.) 44, 47, 53.
Mir Abdoul Kerim Bouchary 62.
Мирза Аскар 61.
Мирзо-Азиз-бой 120.
Мирзо-Наим (Мир-Мирза-Неим), наместник в Калаи-ляби-обе 100, 131.
Мирзо-Рахим, парвоначи 90.
Мирзо Саадулло, туксобо 204, 205.
Мирзо Шамс Бухари 89, 182.
Мири Махманазар, амлокдор 151.
Мири Сурх, наместник в Сакоу 107.
Мир-Махмуд-ша 64.

Мир-Мурод (Магмат-Мурад, Махомед-Мурод), парвоначи 149, 156, 157, 158, 162, 163, 217, 222, 223, 225.
Мир Хуссейн, наместник в Калаи-ляби-обе 99.
Мотобар-ша 124.
Музаффар-хан, бухарский эмир 82, 99, 113, 149, 153.
Музаффар-хон (Музаффар-хан, Музаффар-ша, Музаффар-шах, Музафар-ша, Muzaffar shah), каратегинский ша 23, 84, 87, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 105, 106, 112, 115, 116, 117, 118, 119, 128, 129, 130, 131, 133, 139, 191, 192, 221, 222, 223.
Муким-хон, каратегинский ша 87, 99, 117, 133.
Мулла Мухаммед-Юсуф 129.
Мулло Гиос, кози 162.
Мулло Икром 171.
Мулло Ниоз Мухаммед ибн Мулло Ашур Мухаммед Хуканди, историк 88, 90, 91.
Мулло Носих 204.
Мулло Тодж, руководитель восстания 171.
Мурад, кокандский царевич 88.
Мурад-бек, кундузский правитель 83.
Мурад-бек Сохиб-Назар, амальдор 224.
Муса, арабский полководец 53.
Мусаммир-хан, каратегинский ша 85.
Мусомир-хон, яркичский наместник 100.
Мусофир Ватан 6, 107.
Мухаммед, хорезмшах 55.
Мухаммед-Али-хан (Мухамет-Али-хан, Гали-хан, Мухаммед-Гали, Мадали-хан), кокандский хан 85, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 95.
Мухаммед-Кули, парвоначи, кокандский наместник 90.
Мухаммед Хайдар мирза, тимурид 58.
Мухаммед-Шариф, кушбеги, кокандский военачальник 90.
Мушкетов И. В. 51, 52.
Мышенков, геолог 113.
Надир Толиб 7.
Назар 204.
Назар-бек 123.
Наливкин В. П. 36, 87, 88, 89, 90, 98, 99.
Na-lo-yen, правитель 44.
Нарбута бий, кокандский хан 83, 124.
Насрулла-хан, бухарский эмир 82, 89, 90, 114, 115.
Насыр-хан 124.
Наяк-ша, каратегинский ша 81.
Невесский 142.
Негматулло, додхо, каратегинский мир 167, 224.
Низам-ул-мульк (Nizam-oul-Moulk) 198.
Н. П. 195.
Нурали-хон, каратегинский ша, наместник в Сары-пуле 100.
Нух, саманид 54.
Одина Мирохур 204.
Олим-хон, наместник в Наудонаке 100.
Омар-хан, бухарский эмир 89.
Омар-хан, кокандский хан 88, 89.
Ориф Наим 105, 106.
Ошанин В. Ф. 7, 34, 73, 79, 134, 142, 143, 145 146, 152.
Панков А. 24.
Партоу 95.
Подшо-ходжа, матчинский бек 116.
Покотило Н. Н. 145, 156.
Покровский Г. В. 69.
Половцев А. А. 179.
Попов М. Г. 19, 20.
Пославский Ю. И. 24.
Потанин 97.
Птоломей 8, 49, 50, 52, 53.
Пулод-хан (Фулад-хан, Булат-бек), вождь кокандского восстания 124, 128, 129, 130, 131, 132.
Путята 143.
Раджаб, кушбеги 89.
Рафи 54.
Рахим-Гаюр-бек, туксобо 107.

Рахим-хон (Мухаммед-Рахим-шах, Muxammad Rahim shah), каратегинский ша 100, 102, 103, 112, 117, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 127, 128, 129, 132, 133, 134, 140, 145, 174, 176.
Рахим-хон Пучук (Рахим-хан Пучук, Рахим-ша, Магомет-Рахим пшук, Мирза-шах), матчинский правитель 115, 116, 117, 118, 119.
Рахматулло, саркарда 223.
Рахмон, амлокдор 151.
Рахмон-куль, додхо, каратегинский мир 167, 222.
Рахмон-куль-бек, каратегинский мир 153, 154, 155, 223.
Регель А. Э. 143, 145.
Ренат 69.
Рикмерс В. 144.
Рихтгофен 52.
Ростиславов М. 207.
Роулинсон Г. (Rawlinson H. G.) 51.
Руднев, топограф 142.
Русте ибн, арабский географ 8, 48, 50.

Саадат-шо, каратегинский ша 87, 99.
Сабук-тегин, газневид 54.
Сайрам-ато 65.
Сайфутдин Бадаль 6, 98, 107, 119, 134, 151.
Санг-Мухаммед Бадахши, мирзо, историк 63.
Сара-бек (Сары-хан, Сары-хон), кулябский правитель 5, 97, 100, 103, 104, 105, 106.
Сафар Бадахши, диван-беги 151, 153.
Сафар Хакназар, ишага-баши 224, 225.
Северцов Н. (Severtzov N.) 50.
Сеид-Али-Ходжа, кокандский посол 127.
Сеид-бек, ургутский правитель 114.
Сеид-Наср-Эддин, кокандский хан 127.
Сеид Ходжа Амин 6, 7, 87, 99, 100, 104, 106, 107, 119, 133, 134.
Сеид-хон, каратегинский ша 133, 134, 145.
Семенов А. А. 34, 35, 36, 73, 74, 143, 145, 150, 155, 175, 186, 195, 197, 198, 201, 207, 208.
Senkowski I. 62.
Сероджедин-хон, дарвазский ша 145, 146.
Сиджоат-шо (Сиджо-аго), каратегинский ша 87, 133.
Сияр Абдурахмон, амальдор 162.
Скайлер (E. Schuyler) 107, 112, 115, 124.
Скасси, топограф 113.
Скобелев, генерал 127, 132, 142.
Смирнов Н. С. 143.
Смирнова О. И. 57.
Снесарев А. Е. 8, 24, 26, 27, 31, 34, 143, 150, 163, 194, 195.
Соболев Л. Н. 113, 194.
Сохиб-Назар Туфон 224.
Старцев, топограф 113.
Стейн А. (Stein A.) 50, 72.
Стогов Н. И. 69.
Струве, дипл. чиновник 112.
Суань-цзян (Hiouen Thsang) 42, 43, 49, 51.
Султан Ахмад-мирза (Султан Ахмед караул) 58.
Султан-Махмуд, дарвазский ша 89, 90, 91, 97, 98.
Султан Махмуд, тимурид 57.
Султан-Мурад-бек, кокандский царевич 98.
Султан Хусейн, тимурид 57.
Суфи-хон, каратегинский ша 132.

Тегин-ато, легендарный устроитель Каратегина 64, 65.
Тегин-ой (Тегин) 65, 72, 73.
Терентьев М. А. 82, 104, 107, 108, 111, 112, 113, 114, 115, 120, 127, 128, 133.
Тимур (Timur-вес) 56.
Томашек В. (Tomaschek W.) 43, 47, 51.
Туманский А. Г. 49, 52, 53.
Туфон 224.

Узун-Хасан 58.
Умар Фозиль 6, 7, 151, 156, 162.

Федченко А. П. 36, 51, 84, 85, 86, 87, 91, 96, 100, 101, 102, 103,

104, 105, 106, 107, 111, 114, 115, 116, 117, 118, 123, 142.
Федченко О. А. 101, 142.
Фузайль Максум, басмач 172.

Хайдар (мир Хайдар, Амир-Сеид), бухарский эмир 62, 81, 82, 89, 115.
Хаким-хан, историк 89, 90.
Хакназар Сохиб-Назар, амальдор 224.
Ханыков Н. В. 81, 175, 207.
Харун, хорезмшах 55.
Хас-Искандер, каратегинский ша 85.
Хаукаль ибн, арабский географ 79.
Ходжа-бек Худояр-бек 106.
Холик Назар, амлокдор 164.
Холь Азим 6, 86, 87, 100, 106, 107, 119, 134, 151, 161.
Хомид 76.
Хордадбех ибн, арабский географ 47, 48, 79.
Хорошхин А. П. 194.
Хосров-шах, визирь 57, 58.
Худай-куль, руководитель восстания 131.
Худой-Назар, аталык, диван-беги 134, 145, 146, 149, 150, 151, 152, 153, 155, 156, 174, 181, 192, 194, 213, 221, 223.
Худояр-Хальпы, руководитель восстания 131.
Худояр-хан, кокандский хан 98, 99, 108, 111, 112, 124, 127, 130, 131, 133.
Хумаюн, индийский император, сын Бабура 61.
Хусейн-бек, ургутский правитель 114.

Чан-чунь 56.
Чингис-хан 56.

Ша-Абду-Наби, каратегинский ша 84.
Ша Балту, каратегинский ша 64.
Шаванн Е. (Chavannes E.) 43, 44, 47, 49, 50, 52.
Шади-мингбаши, кокандский временщик 98.
Шады-бек, ургутский правитель 114, 116.
Шаи-Дарвоз, дарвазский ша 85.
Ша-Киргиз (Шах-Киргиз), дарвазский ша 63, 85.
Шамух-ша, каратегинский ша 85.
Шариф Дервиш, туксобо 224.
Ша-Турк, дарвазский ша 85.
Ша-Тут, каратегинский ша 85.
Шах-Бадаль, мирохур 155.
Шах-Гариб, дарвазский ша 63.
Шахи-Тура, каратегинский ша 87, 192.
Шах-Мурад (Ишан-Мурад-бий), бухарский эмир 81.
Шварц, астроном 142.
Шейбани-хан 61.
Cherefeddin Ali 56.
Шир-Али, бий, кокандский наместник 106, 107, 108, 111, 117, 118, 119, 120.
Шо 162.
Шои (Шои-кушбеги, Муллашаги), парвоначи, кокандский наместник 90, 91, 92, 95, 96.
Шокир-бой Косим 6, 87, 92, 99, 106, 119, 129, 134.
Шомансур, бий 162.
Шухи, наукар 154.

Эдельштейн Я. С. 143.

Юль Г. 43, 51, 61, 85, 96, 100, 118.
Юнус-Мурад-бек, диван-беги 154.
Юнус Раджаб 6, 103, 104, 134.
Юсуф, бобои-ша 221, 222.
Юсуф-Али-хон, каратегинский ша 87, 92, 95, 96.
Юхновский Н. 156, 157.

Якуб, гиссарский бек 107.
Якуб-бек, кашгарский правитель 105.
Якуби, арабский географ 48, 49.
Якуб-хон, каратегинский ша, наместник в Ярхиче 99.

УКАЗАТЕЛЬ НАРОДНОСТЕЙ, РОДОВЫХ ИМЕН И НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ

Абдул-файз, *родов. имя* 75.
Айлоки-кишлак 214.
Айлоки-ома 214, 217.
Айлоки-подшои 214.
Алямун-наукар 175.
Амаль 168, 175, 193, 196, 202, 224, 226.
Амальдоры 175.
Амлоки (амлякство) 150, 151, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 196, 213.
Амлокдоры 151, 154, 160, 161, 164, 168, 169, 176, 184, 185, 186, 187, 188, 195, 196, 197, 203, 213.
Амляки (амляковые, амлячные земли) 201, 207, 208, 211.
Арабы 44, 53, 54.
Арбобы 186, 195.
Афганцы 124
Аштарханиды 62.

Бадахшанцы 63.
Беамаль 175, 176, 184, 186.
Бегорй 152, 196, 197, 203.
Белые хунны 42.
Бобои ша (boboji şah) 139, 174, 221, 222.
Богатыри (бодыр) 139, 224.
Бодж 149.
Буруты 69.
Бухарцы 69, 84, 107, 118, 146, 149, 153, 155, 162.
Бына (бынаи бутун) 193, 198, 201, 202, 203, 204, 205, 221, 222, 223, 225, 226.

Вакфы 207, 217.
Васика 211.
Вахиочй 74, 196.

Газневиды 54, 55.
Гальча 101.
Гиссарцы (хисорй) 11, 103, 108.
Грау 217, 218, 227.
Гуриды 55.

Дао-гу 179, 180.
Дарвазио, *родов. имя* 86.
Дарвазцы (дарвозй) 11, 145, 146.
Даха 185.
Джильдў 174, 224, 225.
Джурў 122.

Закет 149, 183, 195.
Замини-мирй (мйрские земли) 176, 183, 192, 197, 205, 213, 214, 221, 222, 225, 226.
Замини-ома 214.
Замини-шохй (шахские земли) 123, 183, 211, 213.
Зумратшо, *родов. имя* 86.

Икта' (икта' дар) 198, 201.
Иньом 123.
Иранцы 44.

Калмыки 63, 69.
Каратегинцы (каратегинй, каратигенцы) 11, 12, 27, 36, 71, 74, 86, 87, 88, 91, 92, 96, 97, 100, 103, 105, 107, 118, 123, 124, 128, 133, 145, 145, 154, 155, 156.
Караханиды 54.
Кашгарй, *родов. имя* 71.
Кашгарцы 136.
Кесек, *родов. имя* 69.
Киргизы (киргизы алайские, джиргатальские, сохские, кара-киргизы, олай-киргизы) 26, 34, 62, 64, 65, 66, 69, 70, 71, 72, 73, 75, 79, 107, 118, 123, 124, 130, 131, 134, 135, 196.
Китайцы 8, 41, 69, 91.
Кокандцы (коканцы, хокандцы) 5, 81, 85, 87, 89, 91, 92, 95, 98, 107, 118.
Комеды (кумиджии, турки-канджина) 49, 50, 53, 55.
Кулябцы (кулобй) 11, 97, 103, 108.
Купрукона 163.
Кыпчак, *родов. имя* 71.

Лавунд (лавунд-баши, lavundi dari qal'a, lavund-naukar) 184, 188, 191.

Мангыты 152, 153, 164, 171, 173, 174, 175, 176, 182, 184, 185, 196.
Матчинцы (матчой) 11, 115, 124, 196.
Минг, *родов. имя* 114.
Миразорства 5, 185, 186, 196.
Миразоры 167, 185, 186, 195, 225.
Монголы 57, 179.
Муги 75.
Мульки (мильки, мюльки) 198, 207, 211, 212.
Мульки-бобигй 212.
Мульки-зархарид 212, 213.
Мульки-маврусй (мабрусй) 212.
Мульки-падари 212, 222.
Мульки-яльмкан (jalm) 212, 214.
Мушрифона 195.
Мушрифы 186, 188, 195, 196, 205.
Мюльки-ушрй 207, 208.
Мюльки-хераджй 207, 208.
Мюльки-хурри-халис 207, 208.

Назр 204.
Наукары (кишлачные наукары—наукари-кишлак, наукари-беамаль) 123, 152, 154, 161, 174, 175, 176, 179, 180, 203, 205, 208, 213, 227.
Никохона (niqohona) 195, 206.
Noibona 195.
Носирй, *родов. имя* 74.

Об-хур 193.
Ойраты 69.
Ойраты, *родов. имя* 63.

Падар-мурда 162, 175, 180, 224.
Пейвоз 39.
Пешномоз 195.

Раисона 195.

Сабзахурй (сабзахур) 217, 218, 224.
Садá 185.
Сайодй, *родов. имя* 75.
Саки (сэйцы) 41, 44, 53.
Саломчии ша 184.
Саманиды 54, 56.
Саркарда (sarkarda) 122, 174, 175, 179, 211, 226.
Сарона 195.
Сары-багыш, *плем. имя* 70.
Саукот 196.
Сельджуки 198.
Сипо (sipoh) 122, 152, 154, 156, 157, 162, 167, 168, 170, 171, 174, 175, 183, 188, 202, 203, 208, 211, 213, 221, 222, 223, 224, 227, 228.
Согдийцы 41.

Тагай, *плем. имя* 70.
Таджики (таджеки) 25, 31, 65, 66, 70, 71, 72, 83, 86, 91, 123, 149, 151, 154, 185.

Танхо 198, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 211, 218, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227.
Танхохуры 202, 203, 204, 205.
Тарака 195.
Таракаона (tarakaona) 195, 206.
Тартук 122, 182, 202.
Теит, *родов. имя* 69.
Тимуриды 57, 61.
Торхуны (дархан) 179, 180.
Тохары (ту-хо-ло) 41, 44.
Туйона 206.
Туксан 162, 182, 196.
Турки (тюрки, турки-карлуки) 42, 44, 47, 48, 49, 53, 79, 179, 201.

Узбеки (узбеки каттаганские) 58, 61, 62, 63, 103, 152, 183.
Урмитанцы 115.
Усуни 44.
Ушр 168, 179, 186, 188, 193, 195, 196, 202, 205, 206, 208, 211, 224, 226, 227.

Фальгарцы 116.
Факыры (фукаро) 173, 176, 180, 202, 203.

Хазара 185.
Хаqона 195.
Халифа Шо-махмад, *родов. имя* 75.
Хасона́ 163.
Хашар 39, 191, 192, 196, 203, 213, 221, 222, 223, 226, 227.
Хлозй, *родов. имя* 75.
Хукмона (hukmona) 187, 195.

Чунг-багыш (чон-багыш), *плем. имя* 70.

Шарики 217, 222, 223, 226, 227.
Шейбаниды 61.
Шогырд-пеша 184.

Эфталиты 42, 44.

Юечжийцы (юе-чжи, юе-ши) 41, 42, 44.

Язгандй, *родов. имя* 75.
Ялик 117, 119.
Яргу 195.

В указателе опущены наиболее распространенные термины: *ша, мир, бий, бек, парвоначи, мирохур, есаул-баши, урок, судур, раис, кози, муфтий, мулла, ишан, мирзо, диван-беги,* а также термины, относящиеся к предметам материальной культуры; опущены также титулы владетелей различных стран, например: *иранский шах, эмир бухарский, кулябский бек, каратегинский ша* и т. п.

СОДЕРЖАНИЕ

Источники 5

I. Введение 11

II. Сведения и предания об отдаленном прошлом Каратегина 40

III. Каратегин под властью последних ша 81

IV. Каратегинское бекство 141

V. Социальный строй Каратегина второй половины XIX и начала XX в. 173

Указатели 229